

ВАННИС **КОНАН**

КОНАН И МОРОК ЧАШИ

125-й
ТОМ

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ 1	КОНАН И БОГИ ТЫМЫ 2	КОНАН И МЕЧ КОЛУНА 3	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЛОВ 4	КОНАН И ПОЖАРИЩА ПЕЩЕР 5	КОНАН И ПЕСНЯ СНЕГОВ 6	КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА 7	КОНАН НА ДОРОЖЕ КОРОЛЕИ 8	КОНАН ПРИНИМАЕТ БОИ 9
КОНАН И КАРУСЕЛЬ БОГОВ 10	КОНАН И ДАР МИТРЫ 11	КОНАН И ПОЧНЫЕ КАИНКИ 12	КОНАН И ГРОТ ДАИОМЫ 13	КОНАН И ЗЕРКАЛО ГРЯДУЩЕГО 14	КОНАН И ВРЕМЯ ЖАЛЯЩИХ СТРЕЛ 15	КОНАН И ПСЫ ВОЙНЫ 16	КОНАН И ТАЛИСМАН ЗАА 17	КОНАН И БИЧ НИРЛАА 18
КОНАН И ГОРОД ПАРЕННЫХ ДУШ 19	КОНАН И ИСТОРИИ СУДЕВ 20	КОНАН И СЕРДЦЕ АРИМАНА 21	КОНАН И БАГРОВОЕ ОКО 22	КОНАН И ПРИЗВАН ПРОШЛОГО 23	КОНАН И ВОИНСТВО МРАКА 24	КОНАН ВАРВАР ИЗ КИММЕРИИ 25	КОНАН И РЫЖИИ ЯСТРЕБ 26	КОНАН И ПЛАЗОВЫЕ БЕДНЫ 27
КОНАН И ЗАГОВОР ТЕНЕЙ 28	КОНАН И КОПЬЕ КРОМА 29	КОНАН И БРАТА ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН И МАШИНЫ ЛАБИРИНТА 31	КОНАН И РАСКОПЫ ИДОЛА 32	КОНАН И ЧАША БЕССМЕРТИЯ 33	КОНАН И АВАРИИ СТРАЖ 34	КОНАН И ТОРГОВЦЫ ГРЕЗАМИ 35	КОНАН И АТАКА ПОБЕДЫ 36
КОНАН И БИТВА БЕССМЕРТНЫХ 37	КОНАН И ПОЖАРИЩА ПЛОТИ 38	КОНАН И БЕРЕГ ПРОКАТЫХ 39	КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛВИЯ 40	КОНАН И ВАДАМИН НЕБЕС 41	КОНАН И ДЕРЕВО МИРОВ 42	КОНАН И КОЛЬЦО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЛОВ ДРЕВНИХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЫМЫ 45
КОНАН И ГНЕВ СЕГА 46	КОНАН И ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ 48	КОНАН И ПОЛЕЗНЫЙ ОГОНЬ 49	КОНАН И ДАТЧЕ ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН И КЛЕИМО ЗМЕЯ 51	КОНАН И ХОЗЯИН ОКЛАНА 52	КОНАН И КОРОНА МИРА 53	КОНАН И РЕКА СВЕТА 54
КОНАН И СПЯЩЕ ЗАО 55	КОНАН И ЗНАКИ ШАДНАРА 56	КОНАН И СКАП ХАОСА 57	КОНАН И ЖРЕЦ ТАРИМА 58	КОНАН И СМЕРТНОЕ ПИКТО 59	КОНАН И ПОБЕДИТЕЛЬ МОАНИИ 60	КОНАН И ТИГРЫ ХАЙБОРИИ 61	КОНАН И ВСАДНИК БУРИ 62	КОНАН И САД ИСТОМИНА 63

Олаф Локнит, Ингрид Самбарус,
Айрин М. Дэн

КОНАН И МОРОК ЧАЩИ

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
МОСКВА • Санкт-Петербург • 2006

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)
Л73

Серия «Конан» основана в 1993 году

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги
или любой ее части, в любой форме,
в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.*

Подписано в печать 19.05.06. Формат 84×108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 21,0. Тираж 6000 экз. Заказ № 1448.

Локнит, О.

Л73 Конан и морок чащи : [повести] / Олаф Локнит, Ингрид Самбарус, Айрин М. Дэн. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2006. — 391, [9] с. — (Конан).

ISBN 5-17-038082-8 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93698-346-3 («Северо-Запад Пресс»)

Конан-кимммерисц скитается по свету в поисках приключений. Он охотится на загадочных чудовищ, воюет с колдунами и некромантами от Вендиан до Кхитая и восстанавливает справедливость по всей Хайбории, спасая невинных и карая Зло.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999
© «Северо-Запад Пресс», составление и
подготовка текста, 2006

Вступление

Этот туманный лес протянулся на полторы тысячи лиг вдоль закатного побережья материка, от устья Черной реки до самых границ холодного Нордхейма и земель ваниров. Непролазные дебру, прореженные вересковыми пустошами и озерами являют собой своеобразный остров посреди земли — от равнин Аквилонии его отделяет полноводная река, со стороны заката полудня он омывается Великим океаном, на полуночи же воздвигаются почти непреодолимые скалы дальних отрогов Киммерийских гор.

Испокон веков кажущееся необитаемым и диким пространство меж Океаном и Черной рекой именовалось Пуццей. А чаще — Пиктской Пуццей, по названию немногочисленных племен дикарей, заселивших леса на Закате еще во времена легендарной Кхарии. Впечатление необитаемости Пуцци, однако, обманчиво. Да и пикты, странный народ, отличающийся необычным сероватым цветом кожи, вовсе не столь уж немногочисленны. Некоторые ученые мужи полагают, что эти таинственные дебри могут населять до тысячи тысяч варваров, а то и больше... Слишком уж велика Пуцца — если бы великий аквилонский государь Сигиберт Завое-

ватель присоединил эти земли к своему королевству, то пределы Аквилонии расширились бы не менее, чем в полтора раза. Но войско, отправленное Сигибертом за Черную реку на покорение дикарских племен исчезло бесследно и его судьба осталась неизвестной: ни единый аквилонец из Пуцци не возвратился...

Сигиберт был умным правителем, и понял, что нет смысла растрачивать силы ради завоевания бесплодных лесных пространств — у Аквилонии и без пиктов в те времена было достаточно врагов. По приказу короля на восточном берегу Черной реки были воздвигнуты несколько десятков сторожевых фортов, и на том неутомимый Сигиберт успокоился, посчитав, что владеет и без того достаточно большим государством, лишь немногим уступающим по площади огромной Немедии.

В сущности, отказ короля Сигиберта от завоевания Пуцци и предопределил дальнейший ход событий. Окажись пикты усмирены закованными в сталь аквилонскими легионами, то неизбежная война 1286-1288 годов так никогда бы и не разразилась, а Трон Льва был бы навсегда избавлен от опасности, грозящей с Заката.

За триста лет, миновавших со славной эпохи правления Сигиберта Великого, в Пуцце произошли изменения, пошедшие отнюдь не на пользу цивилизованным соседям пиктских племен. Пограничные стычки учащались, вместо одного-двух набегов в год, пикты теперь нападали на Аквилонию и полуночные графства Зингары едва ли не каждую луну... Было замечено, что дикарей стало больше, причем существенно больше. Скудость почвы, а так же присущая всем варва-

рам агрессивность и столкнули с горы тот самый первый камень, коему предстояло стать причиной лавины...

Следует непременно добавить, что деятельные и горячие зингарцы, управляемые пусть и старым, но мудрым королем Фердруго из династии Бальтанасов, смогли наладить активную оборону от грозящего нашествия — хитрая система укреплений и крепостей на границе позволила подданным Зингары не опасаться вторжения. В Аквилонии же дело обстояло совершенно по-другому, и виной тому был новый государь, сменивший на троне короля Вилера Эпимитрея. Имя этому королю — Нумедидес.

В этой хронике описана история восхождения прежде безвестного следопыта Конана Канах, начинавшего свой путь к престолу Аквилонии именно от рубежей бескрайней Пуци.

Здесь всегда туман... Но можно постараться пронзить его завесу своим взором и увидеть, что же в действительности происходило на Черной реке и в самой Аквилонии в те годы, когда само существование государства оказалось под угрозой, предвидеть которую никто не мог...

Хальк, барон Юсдаль-младший,
личный библиотекарь и летописец
короля Конана Аквилонского, из Канахов

Форт Тусцелан, граница с Пущей Пиктов

отъ голову мне руби, но я уверен: мы застряли тут навсегда, — ворчал Хуннар, седоусый сотник наемников, одновременно постукивая по грязному столу кружкой с черным элем. — И домой уже не вернемся. Пикты повсюду! Стоит высунуть нос за стены форта, как наткнешься либо на пиктскую стрелу, либо на дротик или копье! Разве это можно назвать войной?

— Вполне, — уверенно отозвался собеседник почтенного сотника. — Тактика пиктов вполне разумна, они хотят взять нас измором, задавить числом. Можешь мне поверить: конница и тяжелая пехота на которых сначала так надеялся герцог Троцери Пуантенский, тут не помогут. Обычное войско не может действовать в лесах, где каждая тропка, каждая лощина и любой распадок известны врагу. Между прочим, лет тридцать назад, когда киммерийцы воевали с Аквилонией за приграничные земли, мои соотечественники действовали примерно так же, как и пикты сейчас: ударили малыми силами, нанесли

максимально возможный ущерб, сожгли форт и снова исчезли в горах... Попробуй поймай! А угадать, где именно произойдет следующее нападение — невозможно.

— Вот и я о том же говорю, — грустно ответил Хуннар. — Руку даю на отсечение, вышибут нас из Конаджохары меньше, чем за полгода. Хорошо, если ноги унесем, а если нет? Слышал, что пикты делают с пленниками?

— Даже видел своими глазами, — мрачно отозвался черноволосый верзила, сидевший напротив сотника. — Подозреваю, что когда с живого человека сдирают кожу — это очень неприятно. Двое парней из моего десятка попались в лапы разрисованным серокожим дикарям, а остальные были вынуждены наблюдать из зарослей за тем, что с ними потом произошло... Отбить пленных мы никак не могли — не попрешь же против двух сотен пиктов всемером?

— Всемером? — буркнул сотник. — И где эти семеро? Конан, за последние четырнадцать дней ты потерял весь свой десяток! А это были опытные следопыты!

— Не весь, — спокойно возразил тот, кого называли Конаном. — Двое осталось. Я и Эмерт из Боссонии.

— Людей больше не дам, — Хуннар шлепнул ладонью по столешнице. — Откуда их взять? Говорят, Троцero и его племянничек Просперо продолжают собирать наемников едва ли не во всех государствах к Закату от Кезанкийских гор, но когда подойдет подкрепление — никому не

известно. А в Тусцелане сейчас осталось едва ли четыре сотни мужчин, способных держать меч, да сотни две баб с ребятишками, которых я вооружил луками и самострелами. Один или два штурма мы наверняка отобьем, но что делать дальше? Бросать форт и уходить на Восход, в Боссонию?

— Исключено, — покачал головой Конан. — Вокруг леса кишашие пиктами, а действовать по благородным правилам аквилонской военной науки варвары не станут: устроят засаду и за милую душу перебьют всех до единого! Стены Тусцелана — наша единственная защита до той поры, когда Троцero пришлет помощь.

— Помощь? — фыркнул Хуннар. — Сам ведь только что сказал про кишаший дикарями лес! По большому счету от Велитриума и Венариума мы отрезаны, гонцы погибают, надежда только на голубиную или соколиную почту! Мы...

— Сотник! — со стороны двери, ведущей в глинобитный домик, донесся высокий возглас — явился порученец Хуннара, один из местных мальчишек по имени Хольм. — Господа десятичники на стены зовут! Немедля!

— Что там? — Хуннар сжал зубы, подозревая, что стряслась некая очередная гадость. — Пикты?

— Вроде нет, ваша милость, — замотал вихрастой башкой Хольм. — В лесу рога трубят, аквилонский сигнал! Наши на подходе!

— Быть того не может! — сотник аж приуныл. — Конан, а ну пошли, глянем!.. Хольм, подлец, ты ничего не перепутал?

— Не перепутал, — твердо сказал парнишка. — Сигнал принятый в аквилонском войске, означает «Мы на подходе, встречайте!».

Хуннар вопросительно посмотрел на Конана, но тот, уяснив, что хочет спросить сотник, отрицательно качнул головой:

— Это не может быть хитростью дикарей. Они никогда не используют боевые рога. Только полые морские раковины, а у них совсем другое звучание. И я доселе не слышал о том, что пикты решили разучить боевые сигналы войска Трона Льва! Идем! Надеюсь, это и впрямь подмога! Ничего не скажу, очень вовремя...

* * *

Конан Канах из Киммерии, Хуннар из Шамара и лучник Эмерт стояли рядом на высокой бревенчатой стене Тусцелана. Справа серебрилась широкая лента реки, за которой темнела Пуца, а с трех других сторон небольшую крепость обступали зелено-седые чащобы боссонского порубежья. На угловых башнях толпились обитатели форта и наемники, тоже заслышавшие неожиданный сигнал, пришедший со стороны Восхода.

Хуннар подумал было, что девиц с детьми надо согнать вниз, чтобы не попали под случайную пиктскую стрелу, но ничего приказывать десятникам не стал — день вроде выдался спокойный, пускай поглядят...

— Ого, слышите? — подал голос киммериец.

Совсем неподалеку снова раздался низкий голос боевого рога. — Точно, аквилонцы! Только бы не конники и не щитная пехота — здесь от них никакого толку!

— Вот они! — Эмерт Боссонец вытянул руку, указывая на показавшийся из чащи передовой отряд. — Однако, никакие это не аквилонцы! Видите знамя? Да и вооружены странно...

Знамя действительно оказалось необычным — длинный алый вымпел с изображением смоляно-черного летящего ворона. Щиты у облаченных в кольчуги воителей оказались круглыми, с изображениями солнечных коловоротов или рунических символов. Конан насчитал только шесть всадников, остальные двигались пешком.

— Наемники, — убежденно сказал киммериец сотнику. — Судя по ворону на знамени, это нордлинги, скорее всего асиры.

— Разберемся, — кивнул Хуннар и рявкнул на караульных: — Эй там, открывайте ворота! Встретим дорогих гостей!

Дорогие гости и впрямь оказались асирами — Конан не ошибся. Этим оторвиголовам с дальних полуночных островов было все равно с кем и на чьей стороне воевать, лишь бы золото в карман текло. Конуги-вожди нордхеймских дружин прослышали, что герцог Троцери собирает наемную армию (и вдобавок весьма неплохо платит за службу), после чего к войску Пуантенских властителей начали присоединяться как небольшие, так и вполне многочисленные отряды с Полуночи. В этом не было решительно ничего не-

обычного — нордлинги отличные вояки, а в числе наемников в Конаджохаре можно было встретить выходцев практически из всех стран Заката, от Зингары до Гипербореи и от Аргоса до Турана. Конану, между прочим, было слегка обидно за своих соотечественников-киммерийцев — он доселе не встретил на Черной реке ни единого сородича, решившего завоевать славу и золото своим клинком. Впрочем, много ли киммерийцев бродит по дорогам Заката?..

Оказалось, что прибывший в Тусцелан отряд числом в сто десять клинков и впрямь был выслан на помощь находившейся в окружении крепости светлейшим герцогом, командовавшим своей армией из большого форта Велитриум, стоявшем в двадцати семи лигах выше по течению реки. Как ни странно, асиры добрались до Тусцелана почти без приключений — тут надо отдать должное опытным следопытам, сумевшим отыскать безопасную дорогу, и возблагодарить богиню удачи: крупные отряды пиктов, скорее всего, ныне отошли за реку, где, по слухам, вождь дикарей Зогар Саг начал готовить новое вторжение на земли Аквилонии.

Вождем нордхеймской дружины оказался сравнительно молодой конуг Хальвдан, и как показалось Конану, он был не слишком опытен в деле войны на суше — известно, что асиры промышляют молниеносными набегами на прибрежные поселения: высадились со своих лодий-драконов, вволю пограбили и снова исчезли в морских далах. А в Тусцелане нордлингам придется дер-

жать долгую осаду и, не исключено, отражать нападение на крепость, которое в свете полученных от пленных пиктов скверных новостей, было весьма и весьма возможно.

Так или иначе лишняя сотня клинков Тусцелану совершенно не помешает, а если учитывать почти безрассудную храбрость асирских дружинников и их отличное вооружение (к оружию и доспеху нордлинги относились даже более трепетно, чем к золоту), то гарнизон форта получил неплохое пополнение.

Хуннар мигом нашел общий язык с Хальвданом — досточтимая матушка сотника, оказывается, происходила родом из какого-то асгардского фьорда и он отлично помнил нордхеймское наречие, что значительно облегчило взаимопонимание: большинство асиров почти не говорило на аквилонском языке.

Разместили гостей по-королевски, в трех пустующих общинных домах, которые были благоразумно покинуты поселенцами в самом начале противостояния в провинции Конаджохара — самые умные и осторожные успели уехать в Боссонию до того, как дороги оказались перекрыты пиктами.

— И что ты о них думаешь? — осведомился Хуннар у Конана, когда были решены вопросы с жильем и пропитанием для дружины Хальвдана. — Троцero, как следует из письма (сотник указал на валявшийся на столе пергаментный свиток) распорядился, чтобы нордлинги выполняли мои приказы, но всем известно, что про-

стые хирдманны слушаются только своего конуга и его десятников...

— Что думаю? — почесал в затылке киммериец. — У них почти нет лучников, асиры считают лук неблагородным оружием, полагаясь исключительно на меч. А это плохо, поскольку наша главная защита — лук и самострел. Никто не спорит, нордхеймцы хороши в полевом бою, строй на строй, против их «стены щитов» никто не устоит. Но как ты себе представляешь открытый бой с пиктами? Выскочили из леса, осыпали противника дротиками — и снова в кусты, ищи их потом! Одно хорошо: асиры неплохо защищены от магии, а это в наших условиях немало важно...

— То есть? — Хуннар непонимающе вздернул брови. — Они разве колдуны? Мать мне ничего подобного не рассказывала.

— Да какие из этих бородачей колдуны? — скривился Коһан. — Тут в другое дело. Видел, они привели с собой шамана-годи? И не поленились, приперли на собственных горбах аж трех истуканов — Доннара, Хеймдалля и Вотана. Своего рода «походные божества». Так поступают многие нордхеймские дружины — без богов никуда! Почти у каждого на щите нарисованы защитные руны, отгоняющие злую силу. Как думаешь, какая магия в нашем мире самая древняя?

— Кхарийская, наверное... — невпопад ответил сотник.

— Ничего подобного! Руны использовались с самых древнейших времен, до Валузии и Атлан-

тиды, когда о кхарийцах и империи Ахерона никто и слыхом не слыхивал. Можешь мне поверить, в Киммерии охранный рунический магизм тоже известен — мой отец был кузнецом и на каждом клинке выбивал обережные знаки, главные символы я помню еще с детства.

— Но при чем тут хирдманны конуга Хальвдана?

— Ты слушай, не перебивай! Те, кому боги предназначили стать жрецами, учатся рунической магии едва ли не с младенчества. Годи обязан знать любые сочетания рун, знаки могут помочь отогнать злую силу, исцелить хворь, сделать оружие непобедимым. А теперь давай вспомним, что наши дружки-пикты всю жизнь пользуются магией, причем далеко не самой безобидной. Лично у меня есть уверенность в том, что нордлинги защищены от колдовства Зогаг Сага и его приятелей куда лучше нас. Руны уберегут!

— Я бы на твоём месте не был так уверен, — покачал головой Хуннар. — Время покажет.

— Точно. Время покажет.

* * *

Прошло два дня. Обстановка вокруг Тусцелана не менялась — Следопыты изредка натывались на оставленные небольшими пиктскими отрядами кострища, однако вблизи маленькой крепости дикари не появлялись. Скорее всего, крупные племена ушли дальше на Восход, оставив приграничные форты в глубоком тылу, что

было вполне разумно: так или иначе аквилонцы и наемники побоятся высовывать нос из-за стен, пусть уж сидят в своих ненадежных крепостях. Скоро и до них дойдет очередь.

Нордлинги в Тусцелане обжились моментально и сразу стали естественной, хоть и шумной, частью гарнизона. Конан свел знакомство с конугом, его десятниками и, конечно с годи-жрецом. Последний оказался вовсе не почтенным стариканом с седой бородой и грозным взглядом, а русоволосым парнем от силы двадцати трех лет от роду; имя же жрецу было Сигвальд, сын Орма из Тролле-фьорда. Соотечественники-асиры годи уважали и даже слегка побаивались, несмотря на совсем молодой возраст — он общается с богами, ему подвластен мир невидимый, Сигвальд может заглядывать в обитель духов, незримую для простых смертных. Недаром боги отметили его при рождении — на шее годи, справа, у самого подбородка было родимое пятно в форме молнемечущего молота Доннара.

Практичный Конан мигом выяснил, что жрец есть человек общительный и скупающий — нельзя же всю жизнь только с духами разговаривать? — что Сигвальд отнюдь не дурак выпить в хорошей компании кружечку-другую черного эля и что он владеет мечом ничуть не хуже (а возможно и лучше) прочих асиров. Годи обязан подавать пример всем остальным — так велют боги.

Следует добавить, что никакого благоговейного трепета по отношению к ремеслу Сигваль-

да варвар не испытывал. Божества Асгарда, бесспорно, являются могучими духами, но поскольку киммерийцам покровительствует Кром (а лично Конану еще и Иштар, каковую богиню варвар уважал ничуть не меньше), Конан рассудил, что он не имеет к богам Сигвальда равным счетом никакого отношения. Единственное, что объединяло киммерийского Крома и асгардского Вотана — общая руническая магия.

Нордлинги под бдительным присмотром годи незамедлительно вкопали в землю перед своими домами всех трех идолищ — пускай охраняют от напастей — а Сигвальд моментально вымазал лупоглазые морды деревянных истуканов медом и кровью жертвенного барашка: боги они как и люди, тоже кушать хотят. С тем жрец посчитал свой долг выполненным и отправился гулять по форту, дабы познакомиться с его обитателями. То, что в единственной на весь Тусцелан таверне (даже не носившей названия) Сигвальд сразу наткнулся на Конана было, как часто выражаются скальды, велением судьбы.

По мнению киммерийца, годи сразу показал себя с лучшей стороны — Сигвальд отлично понимал, что его сородичи и он сам застряли в этих лесах надолго, а потому следует обстоятельно поговорить с опытными людьми и вызнать все подробности здешнего житья-бытья, узнать о возможных опасностях, приметах и поверьях. Конан всегда гордился своей отличной памятью и наблюдательностью, а потому когда молодой жрец подсевший за стол к варвару начал засы-

пать Следопыта вопросами, варвар вывалил на Сигвальда столько новых для асира сведений, что тот лишь головой качал, да слушал, рот раззявив.

Занимательная беседа продолжалась полный вечер и половину ночи, а когда над угрюмым лесом начал подниматься сероватый рассвет, двое варваров расстались едва ли не лучшими друзьями. Сигвальд, отягощенный новыми познаниями отправился на покой, а киммериец решил проверить караулы на башнях.

— Чего встал в такую рань? — хмуро осведомился Хуннар, заведя поднявшегося на стену Конана. В едва нарождавшихся рассветных сумерках лицо сотника казалось синим, будто у мертвеца. Со стороны реки напал густой вязкий туман, редкие факелы на угловых башнях были окружены мерцающим желто-оранжевым ореолом. — Тоже не спится?

— Всю ночь с асирским годи говорил, — подавляя зевоту, проворчал киммериец. — Шустрый парнишка, соображающий. Далеко пойдет, помни мои слова: по законам нордлингов жрец может стать и военным вождем. Асиры верят, что так даже лучше для дружины — мол, если конуг или хевдинг ближе к богам, то и удача будет сопутствовать вдвойне. Вытряс из меня все, что я знаю о пиктах, их оружии, повадках, лесных божествах серокожих.

— Лесных божествах, говоришь? — эхом отозвался Хуннар и странным голосом сказал: — Ночь сегодня была необычная... Я не стал подни-

мать тревогу, но в лесу явно что-то происходит. Что-то недоброе.

— А поточнее можно? — насторожился Конан, машинально коснувшись рукояти клинка — слишком уж мрачным тоном говорил сотник. — Тебя ночная стража разбудила? Что видели?

— Пиктов...

— Нашел чем удивить...

— Ты дослушай. Едва зашла луна твой приятель Эмерт, стоявший в карауле на Полуденной башне разглядел, как дикари переправлялись с нашего берега обратно в Пуцу. Сам знаешь, Эмерт видит в темноте лучше любой кошки.

Варвар молча кивнул. Была у боссонского лучника такая полезная особенность.

— Так вот, пиктов было очень много — несколько сотен. Переправлялись совсем рядом с фортом, вон там, шагах в пятистах от нас, — Хуннар вытянул руку, показывая на изгиб реки, еще не скрытый туманом. — Никаких челнов, плотов. Только вплавь. Это очень походило на... На бегство.

— И от кого им бежать? — не без иронии осведомился Конан, вздернув бровь. — От наших асиров? Или герцог Троццо двинул к реке войско числом в сто тысяч мечей? Не верю!

— Несколько сотен, — повторил Хуннар. — Целое племя, если не союз двух или трех племен. Понимаешь? Ты абсолютно прав: здесь пиктам бояться некого, любой наш отряд они просто задавят числом. Но это не все, что видели

караульные. В стороне Полуденного Восхода ненадолго появилось некое сияние, возможно магическое. А потом... Потом поднялся ветер.

— Дожили, теперь даже ветра боимся, — сокрушенно покачал головой Конан. — И тебе не стыдно?

— Ничуть, — резко ответил сотник. — Чересчур странный ветер. Очень холодный. И какой-то... слишком постоянный. Я тогда еще слышал в лесу звуки, будто птицы кричали. Но это были не птицы.

— А кто?

— Откуда я знаю? Словно рыдал кто-то. Очень далеко, лигах в четырех-пяти от форта, отсюда едва слышно. Могу только одно сказать: это был не человек. Только пожалуйста, не спрашивай, почему я так решил. Не знаю. Ветер, синее зарево над лесом, плач этот жуткий... Мороз по коже, клянусь посохом Эпимитриуса! Я в Тусцелане четыре с половиной года живу, никогда ничего подобного не случалось.

— Та-ак, а вот такое прежде случалось? — Конан, углядев неясное движение в тумане указал направо и вниз, в сторону кромки леса. — Ты только взгляни! Совсем обнаглели, твари раскрашенные!

Между стенами форта и лесом было совершенно голое пространство шириной шагов в триста — деревья вырублены, а сухая трава и кусты выжжены. По крайней мере враг не сможет подобраться близко к форту незаметно, скрываясь под лесным покровом. С высоты баш-

ни было отлично видно, как вдоль строя вековых деревьев по направлению к реке движется цепочка людей. Пикты шли бесшумно и казались темными призраками, плывущими в туманном мареве, которое укрывал их почти до пояса.

— Десятков пять или шесть... — опытный сотник сразу оценил численность возможного врага. — Надо же, не бояться показываться возле самой крепости, хотя знают, что могут получить стрелу! Надо бы людей разбудить, мало ли...

— Кажется, мы дикарей не интересуем, — тихо ответил Конан. — Они идут к реке, возле форта течение не такое быстрое, можно переправиться. Смотри, смотри — еще отряд! По-моему они побаиваются заходить в лес и нарочно движутся по открытому пространству. Ничего не понимаю!

Тем временем первые десятки серокожих спустились к берегу и поплыли на другой берег. Конан поежился — он отлично представлял, насколько холодна сейчас речная вода.

— Никаких объяснений, — развел руками киммериец, в ответ на вопросительный взгляд Хуннара. — Что-то или кто-то выгоняет пиктов с аквилонского берега обратно в Пуцу. Но какая причина — остается только гадать. Хотя я сомневаюсь, что в этом исходе виноват этот самый плачущий ветер. Дикари в своих чащобах и не с такими чудесами сталкиваются, привыкли. Вот что... Возьму-ка я сегодня несколько Следопытов поопытнее и попробую поймать одного-двух дикарей. Не все же они за единственную ночь бе-

жали в Пушу? Может, получится узнать у пленных, что именно происходит в лесу. Не верится мне, что Зогар Саг так просто отказался от войны и возвращает подчиненные ему племена на Закатный берег. Тут причина поглубже и посерьезнее.

— Действуй, — кивнул Хуннар. — Только ради всех богов, не уходите далеко от форта и не рискуйте зря. Не хочу глупо потерять последних Следопытов...

— Хотел бы я не рисковать — жил бы в благополучной Зингаре, в своем домике с виноградником, грудастой женой и выводком детишек, — усмехнулся варвар. — Не беспокойся, ничего со мной не случится.

— С тобой — да, а с остальными?

— Я уж за ними присмотрю, не впервой!

* * *

Конан, решившись на вылазку за стены Тусцелана, долго не раздумывал: с собой варвар решил взять Эмерта-лучника и, как ни странно, годи Сигвальда — хотелось проверить асир в деле. Следует вспомнить, что жрецы нордлингов обучаются не только общению с богами, но еще и отлично разбираются в следах и лекарственных растениях. Кроме того, невысокий, но коренастый Сигвальд — отличный боец.

До восхода солнца покидать форт было опасно, а потому киммериец решил дожидаться ясного дня и провести время с пользой — следовало

хоть немного отдохнуть. Возвращаться в душный дружинный дом Конану не хотелось, посему он запросто расстелил теплый плащ прямоком на галерее крепостной стены и мгновенно уснул.

Разбудили варвара блеклые лучи вышедшего из-за облаков весеннего солнца, бившие прямо в лицо. Светило почти поднялось к зениту, значит близился полдень.

— Ух, как скверно, — проворчал Конан, протирая глаза. — Эдак мы не успеем вернуться к закату, а ночевать в лесу мне не хочется.

Эмерт, которого киммериец нашел в таверне, согласился отправиться в лес без лишних вопросов — надо, значит надо. Боссонец вообще крайне редко спорил или выражал недовольство, не в его характере это было. Теперь оставалось отыскать Сигвальда.

Оказалось, что жрец благополучно почивал в пустой конюшне, стоявшей возле крепостной стены — асир устроил себе роскошное ложе из сухого прошлогоднего сена и, судя по могучему храпу, разбудить его могли только звуки рога Хеймдалля, возвещающего о начале Великой Битвы Богов.

— А? Чего? — лишь после изрядного пинка под ребра носком сапога Сигвальд встрепенулся и осоловело вытаращился на варвара. — Пикты?

— И пикты тоже, — согласился Конан. — Поднимайся, лежебока! Мы с Эмертом хотим прогуляться в лес, составишь компанию?

— Конечно, — не раздумывая ответил жрец, попутно вынимая соломинки из спутанных во-

лос. — Подождите, сбегаю к конугу, надо предупредить.

— А вдруг не отпустит? — хитро прищурился киммериец.

— Кто он такой, чтобы иметь власть над слугой богов? — фыркнул Сигвальд, вставая. — Я сам собой распоряжаюсь.

— Отлично. Тогда встречаемся у ворот...

Спустя половину квадранса годи примчался к надвратной башне, где его поджидали Конан и Эмерт. Киммериец одобрительно хмыкнул: Сигвальд успел поддеть под куртку из кожи тюленя кольчугу и вооружился, только не обычным прямым нордхеймским клинком, а двумя изогнутыми ножами для обоерукого боя — редкое искусство. За спиной болтался холщовый мешок.

— Уходишь на день — еды бери на седмицу, — серьезно сказал жрец, перехватив взгляд варвара. — Решил взять лепешки, вяленое мясо и флягу со сладким пуантенским вином. У нас во фьорде, конечно, предпочитают доброе пиво, но у аквилонцев принято пить вино. К тому же оно лучше согревает, особенно ночью.

— Ночью? — усмехнулся Конан. — Нет уж, мы обязаны вернуться до темноты. Не сможем изловить пикта, завтра снова пойдем.

— Так мы идем за пленником?

— Ты догадлив, как я погляжу... Эй, на башне! Выпустите нас!

Само собой, что распахивать настежь тяжелые окованные железом ворота крепости карательные не собирались. Правая створка лишь

чуть сдвинулась, открывая щель в которую мог проскользнуть человек, а когда Конан сотоварищи вышли за стены, снова затворилась.

— Идем к реке, а дальше — вдоль берега на Полдень, — распорядился киммериец. — И смотреть в оба глаза!

Эмерт и жрец молча кивнули, а боссонец, чей длинный лук покоился в туле за спиной, взял в левую руку маленький арбалет, чья рукоять запросто умещалась в ладони. Оружие с виду несерьезное, но выпущенный из такого игрушечного самострела тонкий металлический болт запросто пробивал любой доспех на расстоянии шагов в тридцать. Если учитывать, что пикты доспехи не носят, то стрела могла поразить недруга и за добрую сотню шагов — это Эмерт давным-давно выяснил на собственном опыте, еще во время зимних вылазок в Пушу.

Левобережные леса всегда пользовались дурной славой, и не только из-за пиктских набегов. Пожалуй, это была самая неисследованная часть новообретенных земель закатной Аквилонии — люди обитали только вокруг фортов и в поселках вдоль дорог, предпочитая не углубляться в чащобы, кишевшие как весьма опасными хищниками наподобие знаменитых болотных ящеров, так и бесплотными существами, о которых стараются не упоминать перед наступлением ночи. Аквилонцы чувствовали враждебность леса и их убежденность в том, что эти угрюмые пуши могут принести поселенцам лишь одни несчастья породила множество самых разнообразных

баек и ледящих душу историй о многообразной нечисти, обитающей за стенами фортов...

Конан, вдоволь наслушавшись легенд о лесных девах, бродячих деревьях, туманных призраках и прочих неперемненных персонажах местных легенд с ходу уяснил, что большинство страшных сказаний не имеют под собой ровным счетом никакого основания — за свою жизнь варвар повидал достаточно всяческой нечисти и нежити для того, чтобы отличать правду от порождений незамысловатой человеческой фантазии. Однако, были истории, к которым стоило прислушаться: Конан по опыту прошлых путешествий и приключений точно знал, что умертвия-гули, обитающие возле древних захоронений или лесные карлики-данхан, способные заморочить человека своей магией и завести в болото — существуют, это такая же реальность как самые обыкновенные медведи или волки, только стократ опаснее. А если вспомнить, что ни единый ученый муж из Тарангии или Гайарда Пуантенского доселе не удосужился составить полное описание здешних лесов, полагаться следовало только на присущее всем варварам врожденное чутье на опасность и недоступную «цивилизованным» аквилонцам наблюдательность.

Вот пожалуйста: не далее как вчера в этом месте на берег вылез крупный болотный ящер, судя по примятой траве и смазанному отпечатку лапы, зверюга была размером самое меньшее с подрастающего теленка. Следует быть более осмотрительным — ящеры на людей нападают

редко, знают, что связываться с двуногими чревато, но если зверь голоден, то от него можно ожидать любых пакостных сюрпризов: затаится в кустах, подпустит добычу поближе, потом мгновенный рывок... И никакое оружие не спасет. Дней десять назад киммериец своими глазами видел, как такой вот ящер в мгновение ока челястями переломил шею одному из здешних колонистов, а двух других покалечил ударами толстого, как бревно, хвоста...

Конан, Эмерт и Сигвальд прошли вдоль берега не более полулиги, затем варвар решил углубиться в чащу, постоянно забирая влево — он решил обойти форт по кругу. Не то что Следопыту, даже совершенно не знакомому с лесной премудростью человеку заблудиться здесь было бы невозможно — сориентируйся по солнцу, иди все время на Закат и ты обязательно наткнешься на реку.

— Птицы молчат, ты заметил? — шепнул Конану боссонец, оглядывавший колоннаду древесных стволов. — Или их кто-то спугнул, или...

— Или — что? — проворчал варвар. — Сигвальд, ты ближе знаком с магией, чем мы, простофили. Ничего странного не чувствуешь?

Асир быстро, будто хорека, глянул вправо-влево, потерев висевший на шее серебряный амулет и сказал неуверенно:

— Холод...

— Какой такой холод? — не понял Конан. — Смотри, солнышко выглянуло, мне даже жарко становится.

— Это другой холод, — отозвался годи. — Его не все ощущают. Словно волнами накатывает. Из глубины леса.

— Магия? — быстро спросил киммериец.

— Возможно, и магия. Да только я в жизни такой магии не встречал. Она не-человеческая, не принадлежащая пиктам... Как бы не был силен Зогар Саг или его друиды-колдуны, они пользуются человеческой волшебной силой, пусть и берут силу у деревьев. А тут — что-то иное. Ничего точно сказать не могу, никогда прежде не сталкивался ни с чем похожим.

— Вот скажи, какая тогда от тебя польза? — добродушно протянул Конан. — Ладно, пошли дальше...

Варвар хотел еще что-то сказать, но его прервал уже знакомый плач, эхом донесшийся из чащобы. Рыдания неизвестного существа пронеслись над верхушками деревьев, достигли самой верхней ноты и столь же внезапно оборвались.

— Нет, это точно не птицы, — покачал головой киммериец. — И не животные. Не упомяну я зверя, способного так стенать. Впрочем, не будем ломать головы — у нас другая задача: изловить хоть одного пикта и устроить с ним душевную беседу.

— Это когда берут за душу и лезут в нее сапогами? — мрачно проронил Эмерт. — Нечего стоять у края поляны, заметить могут.

— Похоже, некому нас замечать, — сказал Сигвальд и бодренько зашагал вслед за Конаном. — Будто вымерли все. Ни единого звука в

лесу, одни мы топчем, будто стадо быков, за лигу наверное слышно...

За время трех колоколов маленький отряд почти обошел Тусцелан со стороны Восхода и Полночного Восхода. Не везло: следов пикты оставили множество, а вот самих серокожих поблизости не наблюдалось.

— Тихо! — вдруг шикнул Эмерт и замер на месте. — Правее распадка, возле четырех сосен. Видите?

Конан мгновенно привязался к названным боссонцем ориентирам и различил несколько теней, двигавшихся к реке.

— Пикты, шесть мужчин, две женщины, — определил киммериец. — Похоже, небольшая семья, отставшая от племени. Быстро за мной, надо отрезать их от берега! Мы сейчас на холме, они нас не видят...

Залегли в кустах, шагах в двадцати от воды. Конан верно рассчитал, что пикты пойдут к реке по ложбине — дикари знали, что в этих местах можно запросто наткнуться на небольшие отряды Следопытов и посему вели себя крайне осмотрительно.

Вскоре стало ясно, что мужчины-пикты были неплохо вооруженными воинами — киммериец заметил взблеск солнечного луча на наконечнике короткой пики. За ними шли две молодых девушки и старуха, почему-то тащившая завернутого в шкуры младенца.

— Сигвальд, будь очень внимателен, — Конан заметил, как асир недовольно покачал голо-

вой — нордлинги не воевали с женщинами, это считалось бесчестным. — Любая из этих дикарок перережет тебе горло на раздумывая! Запомни: перед тобой враг. Враг подлый и хитрый... А поэтому — они все должны умереть. Эмерт, начинаем!

Нападение оказалось неожиданным. Боссонец за несколько мгновений ухитрился положить стрелами троих варваров, а Конан и годи не желая терять драгоценное время рванулись вперед.

Сигвальд и тут не сплеховал — невысокий годи выбрал себе в противники здорового, от пяток до макушки разрисованного татуировками и вооруженного плохо выкованным но тяжелым топором пикта. Сверкнули два длинных изогнутых ножа, асир нырнул прямо под опускающийся топор кувырнулся через голову и отточенным движением нанес удар сзади, по сухожилиям над коленом. Дикарь взвыл и повалился наземь.

Конан без особого труда справился с остальными, развернулся и мигом был атакован двумя пиктскими девицами — они сжимали с ладонях кремниевые ножи. На первый взгляд, оружие несерьезное, но при умелом обращении способное нанести жуткие плохо заживающие раны...

— Убирайтесь! — вдруг заорал Сигвальд. — Убирайтесь, и старую ведьму с собой прихватите! Вы нам не нужны!

— Сдурел, — буркнул Конан. Одна из женщин тут же отскочила в сторону и набросилась

на годи, которому теперь оставалось только обороняться. — Да убей ты ее, балда!

Трудности разрешил невозмутимый Эмерт. Боссонец вышел из-за деревьев и мастерски всадил по стреле в бедро каждой из разъяренных девок. При всем желании с их стороны драться с такой раной было невозможно.

— Связать всех! — приказал Конан. — Сигвальд, куда ты лезешь! Сперва выбей нож из ее ладони! Эмерт, тащи сюда старуху! Потом отволоки трупы к реке и брось в воду!

Итак, пленников оказалось четверо, а точнее пятеро: две серокожие девки, раненый Сигвальдом воин и живописная старица с младенцем. Асир смотрел на старуху открыв рот — он прежде не видел живых пиктов, тем более таких колоритных.

Сказать, что эта уважаемая бабушка была страшна, как Морана-Смерть, значит ничего не сказать! Спутанные грязно-седые волосы увязаны в узел на затылке и переплетены ремешками из кожи, подозрительно напоминающей человеческую. Из одежды — только грязнувшая набедренная повязка грубого полотна, на шее множество амулетов самого разного вида — Конан сразу выделил оберег из высушенного указательного пальца какого-то бедняги. Непременные татуировки тоже впечатляли — сплошные черепа, берцовые косточки и изображения божков, тупорылых ублюдков, застывших в невыносимой свирепости.

Точно, ведьма... А это значит, что старухе надо накрепко связать руки и опутать пальцы на-

точно припасенной для таких случаев серебряной нитью, чтоб не могла колдовать. Киммериец слишком хорошо знал, насколько серьезны могут быть проклятия насылаемые пиктскими колдунами на недругов.

— Тащить их в форт? — вслух подумал Конан, после того как Эмерт сбросил последний труп в волны реки и вернулся на полянку. — Замучаемся ведь! Допросить здесь и...

— И убить? — дополнил Сигвальд. — А младенца куда денем?

— В реку, — пожал плечами Конан. — Тебе в сотый раз повторить, что это враги? Лет через пятнадцать из прелестного малютки вырастет такой вот разукрашенный монстр, который без всяких сомнений и душевных терзаний всадит тебе топор в череп...

Старуха посматривала на врагов, перебивших большую часть ее семьи мрачно, однако не без заинтересованности. Девки, при каждом движении Конана или его друзей шипели, будто змеи. Пикт тихо стонал — потерял много крови, хотя Сигвальд успел перевязать ему раны. Ходить он так или иначе уже не сможет — придется добивать. Это Конан понимал отчетливо... А что вы хотите? Тут идет война, а подобного рода милость по отношению к противнику приветствуется во все времена!

— Оставьте ребенка мне... — вдруг проскрипела старица, заставив Следопытов вздрогнуть — слишком странно звучал ее голос, будто острием ножа по слюде водили. Говорила она по-акви-

лонски, правильно строя фразы. — Отпустите меня и ребенка, остальных убейте. Вы ведь хотите что-то узнать?

— Цыц, карга! — рявкнул было киммериец, но асир отстранил варвара и сказал:

— Конан, Эмерт, дайте мне с ней побеседовать. Я вижу, что эта женщина тоже знает искусство общения с духами, мы лучше поймем друг друга. Идите на пригорок, посидите на солнышке...

— Как знаешь, — пожал плечами Конан, а Эмерт как всегда промолчал. — Но учти — если она превратит тебя в крысу или кролика, расколдовывать будет некому...

Киммериец предпочел не уходить далеко — мало ли что может случиться, Сигвальд еще слишком неопытен и не знает, какие поганые сюрпризы могут преподнести пикты, пусть даже выглядящие слабыми и беспомощными. Годи разговаривал со старухой не менее полуколокола, тень от вершины ели успела отползти от сапог Конана не менее чем на три локтя...

— Он точно ненормальный! — варвар вскочил с кочки на которой сидел, но Эмерт удержал его за рукав, проворчав:

— Кажется, Сигвальд знает, что делает. Не кипятись.

Асир разрезал путы на руках старухи и зачем-то отдал ей один из своих изогнутых ножей. Страшенная ведьма совершенно спокойно перерезала горло сначала девицам, которые приняли смерть от ее руки с удивительным бесстрашием,

потом вонзила нож в грудь раненому и молча вернула клинок годи. Потом она подобрала сверток с младенцем и пошла к берегу. Не оборачиваясь.

— И как прикажешь такое понимать? — выдохнул Конан, подбежав к Сигвальду. — Зачем отпустил?

— Я взял с нее слово никогда не вредить нам троим ни холодной сталью, ни магией, — ответил годи. — И призвал в свидетели этой клятвы такие силы, которых ведьма остережется даже если под угрозой будет ее жизнь или жизнь внука...

— Что-нибудь узнал? — подал голос Эмерт. — Почему пикты уходят на Закат?

— Узнал... Похоже, мы попали в очень серьезную переделку. И на месте всех, кто обитает в Тусцелане я бы тоже ушел за реку. Поскольку нечисть боится текучей воды и не сможет перебраться на тот берег.

— Нечисть? — нахмурился Конан. — Что за нечисть?

— Идемте в форт. По дороге расскажу.

В который уже раз над вершинами деревьев пронеслась волна плача и стенаний. Конану, стоявшему посреди поляны, под лучами яркого весеннего солнца внезапно стало очень и очень холодно...

* * *

— Не знаю, что и сказать, — разводил руками Сигвальд. — У всех народов Полночи и Заката существуют свои сказания, порой жутковатые,

но рассказ пиктской старухи привел меня в полное замешательство. Ничего похожего в сагах Нордхейма я не встречал... Такое впечатление, что эта легенда древнее, чем Валузия. В до-человеческие времена наш мир населяли существа непредставимые и непознаваемые разумом смертного человека.

— Давай-ка еще раз подумаем, — отозвался Конан, устроившийся на лавке напротив годи. — Пикты уходят за реку только потому, что проснулся этот самый... Вин... Как его?

— Ведьма называло его «Вендикко», дух, оберегающий эти леса исконно, дух мертвых, которые берегут от человека древние чащи.

— И просыпается он на сто дней каждые сто лет?

— Так она сказала.

— И сейчас он бродит по своим владениям?

— Именно. Понимаешь, почему аквилонцы ничегошеньки об этом Вендикко не знают? Заселение приречных земель началось не более двадцати зим тому, а до этого здесь обитали только небольшие пиктские племена, по каким-то причинам покинувшие левобережную Пуцу. Пикты стоят куда ближе к природе чем мы, нордлинги, а уж тем более аквилонцы. Дикари обладают памятью и знаниями, которые утеряны многими другими народами.

— Слушай, Сигвальд, меня мало интересуют память и знания пиктов. Ты можешь внятно объяснить что такое или кто такой этот самый Вендикко, какую опасность он может представ-

лять для нас и как управиться с этой напастью, если, не приведи Кром, это существо попытается напасть на форт?..

— Пикты уверены, что Вендикко, как любое другое порождение древности непобедим... Поэтому племена решили бежать с нашего берега. Переждать опасность.

— Он злой?

— Старуха постоянно твердила слово «ужасный». Никаких подробностей. Она опасалась что Дух Лесов услышит ее слова и придет.

— Это мне ни о чем не говорит. Эмерт тоже иногда может быть ужасным, особенно с похмелья. Ты вытряс из ведьмы, как он выглядит? Что может сделать? Это демон или живое существо?

— Ни то и не другое, — покачал головой годи, ответив только на последний вопрос. — Это бог. По крайней мере именно такой вывод я сделал из слов старухи. Страшный не-человеческий бог, для которого люди являются примерно тем же самым, чем для нас блохи.

Конан напряженно побарабанил пальцами по столу.

— В прежние времена мне доводилось встречаться с Духами Природы, — сказал киммериец. — Они называют себя «броллайхэн» и обычно воплощаются в человеческое тело. Броллайхэн безобидны — это всего лишь духи-хранители всего живого, что есть в этом мире. Никакой черной магии, кстати — они предпочитают волшебство Равновесия. Может, Вендикко является неким подобием броллайхэн? Нет, не может того

быть! Эти рыдания, ледяной ветер... Жуть берет, клянусь молотом Крома!

— Скорее всего берлога Вендикко совсем неподалеку, — мрачно отвечивал Сигвальд. — Если вспомнить, откуда доносится плач, то получается, что это чудо живет примерно на половине пути между Тусцеланом и фортом Мосаман, что стоит в пяти лигах к Полудню. Там река делает большой изгиб, получается здоровенный полуостров... Я нарочно сходил к сотнику Хольму, попросил у него рисованный план здешних мест.

Годи вытащил из-за пазухи медный тубус для хранения пергаментов, вынул из него свиток, смел ладонью со стола хлебные крошки и растелил план на шершавых досках.

— Глядите, — асир окликнул Конана и Эмерта, которого, на первый взгляд, интересовало лишь содержимое кружки с элем. Доселе лучник предпочитал в разговор не вступать. — Если я правильно понимаю, мы находимся вот здесь, — Сигвальд ткнул пальцем в большую красную точку на плане. — Эта черная линия — дорога к форту Мосаман, только почему-то она идет не вдоль берега и даже не по прямой, а в обход полуострова. Не слишком удобно, не находите?

— Лично я не замечаю ничего необычного, — поморщился киммериец. — Видишь, на карте обозначены холмы? Дорога просто обходит возвышенности.

— Приглядись! — продолжал настаивать годи. — Весь левый берег от Велитриума и далее

до рубежей Боссонии обследован — отмечены даже межевые камни. А несколько лиг между нами и Мосаманом остаются сплошным белым пятном. Ни тебе тропок, ни ручьев. Ты сам ходил на полуостров? Или другие Следопыты?

— Странность какая... — киммериец озадаченно почесал в затылке. — Действительно, я в округе каждый куст знаю, а туда не забирался. Мимо проходил, никаких сомнений, но не дальше. Понял! Там же сплошной бурелом, завалы гнилых древесных стволов, никакой пикт не сунется — только ноги себе переломает! Пикты хоть и дикари, но предпочитают жить в чистом и светлом лесу, не посреди болота или в таких вот ведьминых рощах...

— Вот то-то и оно, — заключил Сигвальд. — Вроде бы и недалеко, а люди там не бывали. Спрашивается: почему? Место удобное, сторожевой форт поставить можно, благо противоположный берег с полуострова просматривается замечательно. Дорога идет в обход, на карте ни единого значка. Подозрительно.

— Табу? — коротко предположил Эмерт. — Запретное место?

— Чепуха, — отмахнулся киммериец. — Какое дело аквилонцам до наложенных пиктами табу? Мне почему-то кажется, что это место само не пускает к себе человека. Если конечно, вы понимаете, о чем я говорю. Отлично помню, что мне надо было идти по короткому пути до Мосамана, попытался было сунуться к бурелому, но перебраться через завал не удалось, а тут

будто нарочно удобная звериная тропка отыскалась. Самое смешное в том, что раньше я об этой тропе не знал. И потом ее не видел. Да и не хотелось мне лезть через бурелом — на сердце тяжело было.

— А именно? — Сигвальд наклонил голову, будто любопытная птица. — Дурное предчувствие?

— И это тоже. В голове стало мутно, будто дурного эля перепил. Теперь-то понятно, что это морок был. Магия. Магия этого места.

— Не надо во всем непонятном и странном видеть магию, — ответил годи. — В нашем мире существует множество сил, которые не имеют к магии ровным счетом никакого отношения. Это только в страшных сказках героев окружают злые колдуны, пьющие кровь новорожденных младенцев и приносящие в жертву девственниц на каком-нибудь Черном Алтаре Зла... В настоящей жизни все не так красиво и не так привлекательно.

— Брось ты эти ненужные умствования, — киммериец недовольно поморщился. — Знаешь почему я до сих пор жив? Да потому, что воспринимаю мир таким, какой он есть. И умею называть зло — злом, хороших людей — хорошими людьми, а опасность — опасностью. И есть у меня очень серьезное подозрение, что там, за буреломом, скрывается нешуточная опасность. Пикты не зря ушли за реку. Они боятся. Смертно боятся.

— ...И боятся они не столько самого Вендикко, а того, что приносит в мир его пробужде-

ние, — тихо сказал асир. — Старуха сказала, что если мы решили остаться здесь, а не уйти на Восход, оставив эти земли Духу Лесов, нам надо опасаться некоего искушения. Какой-то нечистоты, к которой Вендикко может подтолкнуть человека, причем сам человек будет уверен, что действует из самых лучших побуждений. Ибо все, что исходит от Духа Лесов — нечисто. Точнее, принадлежит не людям, а народам глубочайшей древности вроде кро-мара или о-ши...

— Понимаешь ли, по большому счету нам сейчас от этого не холодно и не жарко, — рассудил Конан. — Не вижу особых причин бояться доносящихся из леса звуков или ветра, который так напугал нашего почтенного сотника. Это, как бы сказать неосяземо. Никакой реальной опасности.

— Я полагал, ты более разумен, — огорчился Сигвальд. — Сколько можно талдычить: пиктские племена не зря покинули левобережье и спрятались в Пуще. Если что-то может напугать тысячи людей, пусть даже и варваров...

— На себя посмотри, — усмехнулся Конан. — С точки зрения аквилонцев, сиречь, подданных Трона Льва, мы с тобой ничуть не лучше пиктов. Один из Асгарда, второй — из Киммерии. Есть предложение завалиться спать до утра. В любом случае, если этот страшный Дух Лесов, о котором ты мне все уши прожужжал, явится под стены крепости и начнет просить у караульных бо-чонок пива, мы об этом узнаем первыми. Поскольку спать я собираюсь в надвратной башне.

— Ох, гляди, не поплатиться бы нам за легкомыслие, — на бледной физиономии го-ди отразилась неуверенность. — Сколько мечей в форте? Меньше пяти сотен? Да бабы с арбалетами? А пиктов — тысячи, и все ушли. До единого. Бросив все.

— Ну и напугала же тебя эта пиктская ведьма, — вздохнул Конан. — Точно порчу навела! А с утра таким бодреньким был, не боялся ни богов ни демонов... Пойдем на отдых, целый день бродили...

* * *

Ночи доселе были по-зимнему долгие. Особенно, если учитывать то, что приграничные крепости располагались в самом верхнем течении Чёрной реки. А следовательно, находились куда полуночнее аквилонской столицы и иных крупных городов, за исключением, пожалуй, Танасула. Темнеет рано, рассвет поздно, неперенные весенние туманы наползают на ночные холмы, многокрасочных восходов солнца стоит ждать только к наступлению лета, а так — любое утро пасмурно, промозгло и безрадостно.

Той знаменательной ночью форт Тусцелан пробудился задолго до рассвета. А причиной тому была паника, внезапно поднятая стражей угловых башен, смотревших на полуденный восход и полуденный закат.

— Что, Сет вас раздери, здесь происходит?! — Конан вынырнул из-под попоны, которой ук-

рылся на ночь, и усталился на не менее ословелого Сигвальда. — Почему орут?

— Ты меня спрашиваешь? — буркнул асир, шаря ладонью по соломе в надежде отыскать сапог. — А, вот, нашелся! Бегом наверх!

— Он ещё командовать тут будет... Эй-эй, стой! — киммериец вытянул руку и схватил за рубаху пробежавшего мимо Хольма, юного помощника почтенного сотника. — Отчего шумят? Пикты?

— Чу чудовище! — слегка заикнувшись, пискнул мальчишка. — Здоровенное!

— Откуда здесь чудовища? — философски сам себя спросил Конан, перебрасывая перевязь через плечо. — Да в этих проклятущих болотах отродясь не водилось ничего страшнее медведей или, на худой конец, водяных ящеров! Хольм, стой! Куда побежал?

— Так ведь чудовище, господин десятник.

— И что теперь? Ты можешь внятно сказать, что случилось?!

— Не могу, господин десятник. Чудовище...

— Бестолочь! Пошел вон отсюда!

Хольм исчез, будто его и не было.

— Я говорил, я предупреждал, — пыхтел за спиной киммерийца Сигвальд, пока они взбирались по крутой лестнице на барбикен. — А ты не верил.

— Отцепись! — рявкнул Конан. — Сейчас посмотрим, что за чуду узрели наши доблестные стражи. Небось ночного филина испугались, голову на отсечение даю.

Конан совершенно зря так смело распоряжался своей головой, ибо будь таковая голова поставлена на кон в настоящем споре, пришлось бы киммерийцу её потерять безвозвратно.

Факелы по периметру стены не горели. Варвар заметил кого-то из десятка ночной стражи, пытавшегося кремнем высечь огонь, но просмоленные тряпицы, которыми обматывались древки факелов, упорно не желали загораться, — живое пламя мгновенно гасил холодный, не меняющий направления ветер. Кроме ожесточенной ругани караульных, редкого полязгивания оружия и воя почуявших недоброе собак ничего не было слышно.

— Что за беда? — Конан отыскал сотника и слегка встряхнул старика за шиворот. Глаза у того были совершенно ошалевшие. — Хуннар, ты меня слышишь?!

— Не вопи на всю округу, — процедил сотник. — Оно где-то здесь, совсем рядом. Его только что видели возле берега...

И Хуннар указал в сторону, откуда доносился тихий плеск речных волн.

— Какое такое «оно»? — окончательно запутался Конан. — Кого видели?

— Нежить! — с истерическими нотками в голосе выкрикнул сотник. — Оно громадное, как дом!

— Так, — тихо и очень спокойно сказал киммериец. — Вот уже хоть что-то содержательное. Большая, как дом, нежить разгуливает возле реки, верно?

— Ага — почти обреченно согласился Хуннар. — Его услышали ещё два квадранса назад, деревья в лесу трещали. Потом ветер, потом рыдания эти поганые. А потом оно начало бродить вокруг крепости, и собаки завyli. Лошади в конюшнях беспокоятся — сам знаешь, домашняя скотина нечисть за десять лиг чуёт. А это — натуральная всамделишная нечисть! Огни погасли, а наши факелы в любую бурю горят исправно.

— Конан, ты до сих пор мне не веришь? — с самым невинным видом осведомился Сигвальд.

— Чему мне верить? — Конан начал выходить из себя, поскольку не замечал ничего особенного, если не считать легкой паники среди стражи. — Собаки воют? Ну и что? Они каждую ночь воют!..

И вот тут дощатый настил под ногами киммерийца чуть колыхнулся. Так покачивается на волне привязанная у берега лодка.

Ледяной ветер ударил в лицо с новой силой. Никогда не подумаешь, что ветер может быть настолько холодным, пробирающим до костей. Не спасет никакая одежда — для него она не существует. Еще горевшие за периметром стен Тусцелана костры внезапно погасли — все до единого и одновременно. Голоса стражи утихли. Люди замолчали, узрев то, что пришло из самых черных и непроходимых чаш.

В груди каждого обитателя форта зашевелился, расплзаясь по всем членам, холод смертельного ужаса, такого, какой испытываешь только при встрече с самим Нергалом, пришедшим за-

брать тебя на унылые Серые Равнины, в царство скорби. Появившееся на берегу реки создание не походило ни на что ранее виденное Конаном. Эта Сила не любила и отрицала свет, жизнь, огонь. Она жила, точнее, существовала только для себя, используя живых исключительно как слуг или рабов...

Неровный, подобный лунному, зелено-синий свет вдруг залил берег, бросив свои мертвенные лучи на бревна стен Тусцелана. Очень странное зрелище: нигде не видно источника света, он является ниоткуда и в то же время отовсюду; кажется, что земля, деревья, море сами изливают не создающее тени пульсирующее мерцание. Мерцание болотной гнили.

Время не остановилось, не повернуло вспять. Оно просто перестало существовать. От реального мира ничего не осталось — ушли запахи, ощущения света, даже воздух словно сгустился, и теперь, чтобы сделать простой вдох, требовались немалые усилия. Сейчас киммериец понял, как должен выглядеть Нагльфар — корабль мертвецов из нордхеймских и киммерийских легенд о Конце Мира и великой Битве Богов. Точь-в-точь так, как сейчас смотрится форт Тусцелан, крошечный, окруженный лесным океаном кораблик, созданный руками человека: светящееся гнилое дерево, люди-призраки, сжимающие в руках бледные мечи, на лезвиях которых трепещет мертвенное пламя...

Преодолевая возникшую вдруг сонную тяжесть, забивающую сознание волну черной мути,

Конан и Сигвальд перевели взгляд туда, где у самой кромки воды поднималась черным пятном Сила. Да можно ли назвать столь гордым словом то, что само мертво и несёт только смерть и холод? А киммериец был уверен в своих чувствах — оно не живое.

Любой человек в сравнении с Духом Лесов показался бы сущей козявкой, не достойной никакого внимания. Ступни громадного существа утопали в наползающем со стороны водного потока тумане, что мутными клубами накатывался на берег, а вот выше...

Старая ведьма, с которой минувшим днем разговаривал асир, была права, когда говорила, что Вендикко мало похож на человека. Издали создавалось впечатление, что его тело покрыто густой, свалывшейся в комки, черной шерстью. Лица не было видно, только лишь вспыхивали ледяные зеленые искры посаженных близко друг к другу точек-глаз.

Явившееся из глубин веков незнаемое чудище стояло далеко от стен Тусцелана, в двух лучных перестрелах — расстояние достаточно большое. Но даже с надвратной башни форта ощущалась немыслимая мощь Вендикко. Рост Духа Лесов превышал все мыслимые размеры, голова чудовища поднималась над верхушками самых старых деревьев, которые ему, наверное, виделись так же, как человеку — высокая трава. Стволы рук могли сокрушить без усилий любое укрепление форта.

— Да что же это такое... — выдавил Конан. —

Вот теперь я отлично понимаю пиктов! Таких монстров не должно существовать!

— Многое в этом мире существовать не должно, — просипел Сигвальд. — Смотри, смотри!

Земля снова вздрогнула: Вендикко шагнул вперед, медленно поднял правую лапищу и развернул ладонь в сторону Тусцелана. В слабых лучах убывающей луны явственно сверкнули длинные лилово-черные когти.

Дальнейшее можно бы было назвать одним-единственным подходящим словом: дуновение. Киммериец напряженно наблюдал за разошедшейся от ладони Вендикко волной не то стилого воздуха, не то невесомого бледного тумана, подсвеченного зеленовато-голубым огнем. Волна расходилась от когтистой длани Духа Лесов подобно одинокому кругу на воде, медленно, но неотвратимо накатываясь на замершую в ожидании беды крепость.

Сигвальд схватил Конана за рукав и попытался повалить киммерийца — асир пытался защититься от наплывающей волны. Конан же попытался закрыться подобранным на башенной галерее щитом, брошенным одним из караульных, но в этот момент дуновение достигло Тусцелана.

Туманное марево коснулось бревен барбикена, перевалило через стену, залив галерею и поглотив остолбеневших от страха людей. Распространился тонкий, почти неощутимый запах разложения, слизко-тошнотворная зыбь захватила все вокруг. Оружие стало валиться из рук, люди

будто заledenели, а затем начали, точно в полусне, падать на доски.

Конан непроизвольно схватился за плечо го-ди — почувствовал, что сейчас упадет. В голове было мутно.

— Держи! И не выпускай из руки! — Сигвальд быстро сунул в ладонь Конана какой-то небольшой предмет, на ощупь — металлический. — Твой Кром и наш Доннар защитят — они повелители живого пламени!

Ладонь киммерийца сильно обожгло — очень больно! Но боль оказалась спасительной — что-то неуловимое, непостижимое угасающему разуму вначале встряхнуло варвара, а затем начинающий терять сознание Конан ощутил теплые толчки, равно как под правой рукой был не кусок серебра, а живое человеческое сердце. В голове прояснилось, насланная Лесным Духом истома изгонялась бесследно ровными, мощными ударами.

Тело вновь обрело силу, мысли стали четкими, дурнота ушла прочь, не оставив о себе воспоминаний.

Конан выпрямился, сжимая в руке небольшой комочек металла. Он так и не успел понять, что это такое.

— Подавись, скотина! — киммериец, твердо стоя на ногах, плюнул в сторону возвышавшегося на берегу черного силуэта и повернулся к Сигвальду: — Что это было? Как ты сумел защитить нас?

— А ты посмотри, — быстро сказал асир.

В ладони варвара лежал амулет — серебряный молот, оружие Крома.

— Кром и Доннар — братья, — проговорил Сигвальд. — Поверь, жрецы тоже могут драться против врага, только не мечом, а с помощью дарованной нам богами силы. Амулеты наполнены силой великих духов Полуночи...

Киммериец быстро осмотрелся и скупно выругался: такое можно увидеть лишь в дурном сне. Караульные, успевшие прибежать на стены дружинники-асиры, сотник Раграр — все до единого лежали вповалку. У многих из приоткрытых ртов текла слюна, на губах белела пена. Сотник, видимо в последнем усилии пытавшийся поднять меч для защиты от неведомого, упал грудью на деревянный парапет стены и теперь его руки бессильно свешивались вниз. Мертвую крепость, озаренную зеленоватыми лучами колдовского огня, теперь можно взять голыми руками. Похоже, Вендикко этого и добивался. А округа наполнилась невероятными, жуткими звуками, издаваемой беснующейся вокруг Тусцелана силой — оно, нечто, завывало на стони голосов, рыдания сменялись хохотом, потом раскатывались взрывы заунывных стенаний, затем оно снова хохотало, хохотало, торжествуя над жалкими смертными...

И тут Конан понял: они с Сигвальдом остались в обреченном форте единственными людьми, которых не коснулась магия Духа Лесов.

А если так — надо действовать!

* * *

Поначалу Конан решил, что Вендикко сам атакует форт — чудище было настолько большим, что разнести Тусцелан по бревнышку для него особой трудности не составило бы, уж больно силен с виду. Но монстр не двигался — стоял у берега, озирая крепость крошечными зелеными глазками, мерцавшими во тьме подобно двум колдовским огонькам...

— Вдвоем мы его не завалим, — качая головой шептал Конан, одновременно поглядывая в бойницу. — Невозможно, слишком здоровый. Сигвальд, соображай, ты же жрец, годи — тебя должны были научить, как бороться с такой пакостью!

— Я — жрец, а он — бог! — сквозь зубы протянул асир. — Неимоверно древний, невероятно сильный, непознаваемый и не-человеческий! Говаривают, людям можно договориться даже со стигийским Сетом или Затхом из Заморы — все-таки это наши боги, покровительствующие людям, пусть и не всем. Но это чудовище пришло из другого мира... Оно живет здесь со времен, когда о людях еще и слухом не слыхивали. Никакая магия человека не победит Вендикко — она просто не подействует!

— А почему Молот Крома подействовал? — мгновенно переспросил Конан.

— Балда! Да потому, что только боги могут противостоять богам! И в оберегах заключена сила богов!

— Боги? — варвара будто встряхнуло. — Вы же притащили с собой трех истуканов! А у нас в Тусцелане даже митрианской часовни нет, хотя аквилонцы поклоняются Золотому Оку! Пускай это боги Нордхейма, но ведь покровители асиров и ванов обязаны противостоять злу!

— Это не боги, а их изображения, — выдохнул Сигвальд. — Символы, понимаешь? Безгласные деревянные идолы!

— Но ты же каждое утро мажешь им губы кровью и медом! И ты веришь, что этим принес жертву, приятную Силам! А за искреннюю веру боги воздают, уж поверь старому бродяге, который видел богов вживую! А ну пошли!

— Куда? — вытаращился годи.

— К Доннару, Вотану и Бальдуру! Твоим богам! Они подскажут, что надо делать!

— Ты сумасшедший, — прохрипел Сигвальд. — Но я действительно верю... И пусть родичи Вотана воздадут мне за служение...

— Сразу бы так, — киммериец поднял Сигвальда на ноги и подтолкнул к лестнице. — Быстрее! Не видишь, что под стеной творится?

— Вижу, — помертвел асир, мельком взглянув вниз и тотчас отвернувшись. — Похоже, скоро ты уйдешь в чертоги Крома, а я в Валхаллу...

— Это мы еще посмотрим, — пытаюсь подбодрить годи усмехнулся Конан. — Чего встал? Бегом!

Варвар заметил, что толстые бревна, из которых была сложена надвратная башня покрылись инеем. Непрерывный ветер, насылаемый Духом Лесов стал еще холоднее...

* * *

Вендикко пришел не один — оказалось, древнее божество привело с собой воинство. И воинство весьма странное. Конан углядел, как из влажной почвы у стен крепости выпрастываются струи пара или тумана, затем невесомые облачка обретают форму и словно бы обретают плоть, превращаясь в некое подобие призраков, имеющих отдаленное сходство с человеком: две руки, две ноги, растущий из «плеч» бугорок, который, вероятно, должен обозначать голову. Да вот только передвигались эти твари необычно — опирались о землю всеми четырьмя лапами, подобно дарфарским обезьянам; плавно подпрыгивали, дергались, будто исполняя некий танец.

Вскоре Тусцелан оказался окружен сотнями привидений, начавших медленно приближаться к стенам. Киммериец лишь зубами скрипнул, заметив, как на «головах» бесплотных существ разверзлись пылающие бледно-розовым огнем горизонтальные щели — не поймешь сразу, пасть это, или единственный узкий глаз. Выглядела армия Духа Лесов угрожающе — Конан поймал себя на мысли, что ничего более мерзкого он в жизни не видел: человеческий рассудок не желал понимать, как в принадлежащий людям мир могли проникнуть чудовища давно минувших эпох...

Варвар и Сигвальд, грохоча по деревянным ступеням лестницы подошвами сапог, спустились с башни и бегом ринулись к длинному до-

му, отданному сотником наемникам-асирам. Костры и факелы давно погасли, но киммериец все отлично видел — зеленоватый свет, порожденный колдовством Духа Лесов, исторгался отовсюду: жилища людей, укрепления форта, даже колодезный сруб и стоявшие возле конюшен повозки мерцали изумрудным огнем. Лишь три деревянных истукана, вкопанные в землю возле обиталища нордхеймцев оставались непроницаемо черными.

— Видишь, их не коснулась магия! — Сигвальд растерянно остановился перед статуями и почтительно воззрился на изваяние Вотана. Единственный глаз божества слепо таращился на людей.

— И что теперь делать?

— Ты меня спрашиваешь? — рыкнул Конан. — Кто здесь жрец, ты или я? Сигвальд, тебя ведь должны были научить разговаривать с богами! Проси помощи!

— Так это... Нужна жертва! Только кровь открывает Врата между миром смертных и обителью незримых духов! Не курицу же резать! Да и где мы ее сейчас возьмем?

— Толку от тебя не больше, чем от младенца! — рявкнул киммериец. — Кровь? Отлично, пусть это будет моя кровь!

— Спятил? — ахнул годи, но Конан оттолкнул его, выхватил правой рукой кинжал и положил отточенным лезвием по своей левой ладони. Несколько капель попали на Сигвальда, а тонкая струйка казавшейся черной крови проли-

лась к основанию статуи Доннара, бога-громовержца, хранителя мира.

В сущности, на подобные царапины варвар давно перестал обращать внимание — мужчина обязан терпеть боль, особенно если кровь пролита ради благого дела. Но на сей раз глубокий порез на ладони вызвал не боль, а ощущение блаженного тепла, волной разлившегося по всему телу. Конан и асир попятись, увидев, как статуя Доннара внезапно начала наливаться золотистым огнем — дерево словно обращалось в разогретое в тигле золото. Неужели Доннар принял жертву?

— Ничего не понимаю, — Конан резко мотнул головой и его черные волосы рассыпались по плечам. — Почему твой бог молчит?

Статуя оставалась неподвижной и безмолвной. От Доннара исходил жар, изгонявший насланный Вендикко мороз, но более ничего чудесного не происходило, хотя варвар ожидал если не явления нордхеймского божества, то чего-то не менее впечатляющего.

— Я знаю, почему Доннар не отвечает сам, — решительно сказал жрец. — Дай кинжал!

Конан молча перебрал годи свой нож, на острие которого еще темнели темно-багровые пятна крови киммерийца. Сигвальд ловко поймал кинжал за рукоять и не раздумывая провел острием по своей руке. Новая жертва.

— Наша кровь смешалась, — чуть отрешенно проговорил годи. — Сила меча и сила жречества... О-о!

— Что с тобой? — подался вперед Конан, но тут же отскочил в сторону, ибо начало происходить нечто совсем уж невероятное.

Сигвальда будто околдовали. Взгляд молодого асира остановился на одной точке, глаза остекленели, движения стали очень плавными и медленными. Годи шагнул к изваянию Доннара, на которое и смотреть-то стало больно — будто солнце спустилось с небес и воплотилось в деревянного истукана. А спустя несколько мгновений Сигвальд вошел в статую — человеческое тело слилось с вытесанным из букового ствола Доннаром.

Если прежде статуя являла собой всего лишь деревянный столб с вытесанным на нем ликом Громовержца и охранительными рунами, то теперь мертвое дерево начало оживать — прежние очертания идола расплылись, потерялись в сверкнувшей бело-золотой вспышке, а затем из рвущейся к черному небу колонны живого пламени вышел человек, ничуть не похожий на прежнего Сигвальда.

Он был очень высок — на голову выше длинного Конана, обладал пышной рыжей бородицей, широченными плечами и веселым взглядом ярко-голубых больших глаз. На широком поясе висит здоровенный боевой молот.

— Доннар... — выдавил киммериец. — Быть не может!

— Почему же это — не может? — прозвучал низкий голос. Конан машинально отметил, что Доннар говорит по-киммерийски, на хорошо зна-

комом варвару наречии. — Вы воззвали ко мне из Тьмы и я пришел тьму рассеять...

— А Сигвальд где? — спросил Конан и вдруг понял, что сморозил глупость. Похоже, Сигвальд действительно пожертвовал собой, чтобы спасти остальных.

Однако, Доннар только улыбнулся в ответ:

— Здесь, — бог Полуночи положил руку себе на грудь. — Он пока спит. Я лишь использовал силу смертного, которой ваш народ наделен в куда большей мере, чем вы думаете. Использовал ее и воплотился. Идем, глянем, что у вас стряслось. Думается мне, вы звали Доннара не для того, чтобы вести пустые разговоры?

Конан понял, что все вокруг изменилось — исчезло малахитовое зарево, сами собой вдруг запылали погасшие костры, засветились факелы. Наполнившая Тусцелан сила Вендикко беспощадно изгонялась иной, дружественной людям и не менее могучей силой, которую принес с собой рыжебородый Доннар.

Спустя много времени после этой запоминающейся ночи Конан не раз вспоминал, что тогда воспринимал Доннара, не как бога, а как обычного человека — похоже, нордхеймцы недаром почитают Молнемечущего куда более, нежели его отца, Одноглазого Вотана, почти безразличного к бедам смертных. Доннар был «своим» — было легко представить, как он сражается плечом к плечу с тобой в жаркой битве, как пьет эль в таверне или хохочет над незадачливым игроком в кости, спустившем последние медяки.

Доннар был настолько близок к человеку, что варвар позабыл о его божественной сущности, принадлежности к иному, таинственному и неизвестному миру духов, повелевающему судьбами людей. Видать не зря считается, что Доннар и киммерийский Кром — родные братья по отцу, только рожденные от разных матерей: Конан не воспринимал этого веселого бородача как «чужого бога».

— Ай, как скверно, — покачал головой Доннар, едва взобравшись на надвратную башню. — А если сделать вот так?..

Он снял с пояса свой молот, поднял над головой и Конан едва не оглох от громового раската — слепящая бело-голубая молния промелькнула между оружием бога и нависшими над фортом черными тучами. Лжавшие возле бойниц дружинники Хуннара и сам сотник начали пробуждаться от колдовского сна, окружившие крепость призраки отпрянули...

Земля вздрогнула — Морок Чащи, почуяв достойного противника шагнул к крепости.

— Давай за мной! — приказал варвару Доннар и вдруг запросто перемахнул через ограждение стены, спрыгнув вниз.

«Высоко же, разобьемся!» — мельком подумал Конан, но неуверенность тут же прошла — что такое двенадцать локтей, когда рядом с тобой один из самых могучих богов Полуночи? Киммериец не раздумывая сиганул вслед.

...Удивительно, но прыжок с такой высоты показался варвару не страшнее прыжка с лавки

в таверне. В другое время человек непременно переломал бы ноги или разбился насмерть, но не теперь! Конан мягко приземлился на обе ноги рядом с Доннаром и выхватил из ножен клинок.

— Оставь пока меч... — проговорил бородач. — Сталь не причинит вреда тем, кто не имеет плоти.

Очень неприятно было находиться посреди несметной орды призванных духом Лесов из небытия призраков, особенно гнусно выглядели красные глаза-щели, жадно уставившиеся на внезапно объявившихся врагов могучего Вендикко. Но Доннар и тут не сплывал — чудесный боевой молот сыпал жгучие искры, заставлявшие призрачную нечисть спасаться бегством, бесплотные твари погибали от любого прикосновения горячего пламени.

Доннар, а вместе с ним и простой смертный, по имени Конан Канах без страха шли вперед, к своему главному врагу. И варвар был уверен — они изгонят вырвавшуюся из глубин времен Тьму!

Вендикко, казалось, опешил от такой наглости двух букашек, приближавшихся к его стопам. С новой силой взвыл ледяной ветер и гребень пологого холма, возвышавшегося напротив форта вспыхнул, разгораясь мертвым синим заревом — Дух Лесов призвал себе в помощь новых, невиданных тварей.

Тяжело ступавший по трескавшимся под его лапищами прибрежным валунам Вендикко был окружен десятками мечущихся в воздухе теней.

Некоторые из них походили на огромные огненные шары, оставлявшие за собой широкий след, другие напоминали птиц или драконов с полупрозрачными широкими крыльями, иные же смахивали на людей. Сонмище духов вертелось и кружилось вокруг повелителя, который оставался на фоне колеблющегося света непроницаемо-черным. Лишь редкие отблески иногда падали на отвратительную густую шерсть на его плечах и боках. Взблескивали длинные когти и холодно мерцали несообразно маленькие глаза — кто осмелился бросить вызов повелителю забытых лесов?!

Тут Конану стало до крайности неуютно — Доннар внезапно показался маленьким и ничтожным по сравнению с такой громадиной. Казалось, Дух Лесов сможет раздавить его одной ладью.

«Прекрати! — отругал себя киммериец. — Еще посмотрим, чья возьмет!»

Бог и человек остановились перед гигантским черным монстром, всего в десяти шагах. Над их головами выли и рыдали призванные Вендикко духи.

— Тебе не место в нашей вселенной! — Доннар выпрямился во весь свой немалый рост и гордо поднял голову. — Убирайся! Именем всех незримых сил нашего мира — уходи! Или ты погибнешь!

Вендикко в ответ лишь наклонился, будто хотел пристальнее рассмотреть осмелившихся бросить ему вызов ничтожных тварей.

Тотчас же раздался жуткий многоголосый вой, и десяток стремительных теней, вынырнув из-за спины Лесного Духа, кинулись на Доннара, но бог Асгарда не остался в дураках: мгновенно подняв левую руку, он выбросил из ладони сноп белого пламени, и духи отпрянули. Вой сменился затихающими жалобными стонами. Боевой молот окутался тысячами синих искр.

— Я не пропущу тебя к людям, которых взял под свою защиту, — твердо сказал Доннар. — И ты знаешь, что наши силы несравнимы, Дух Лесов! Твоя эпоха давно миновала! Уходи!

Голос Доннара приобрел неопишемую силу. Сам бог оставался воплощенным в человеческое тело, но Конан и очнувшаяся стража Тусцелана, сгрудившаяся на стенах форта, почувствовали происходившие изменения. Воздух вокруг Доннара заколебался, как вокруг жарко горящего огня, образуя едва заметный белёсый ореол, накрывший бога подобно прозрачному колоколу. Ночь озарилась ярчайшим светом, приходящим из-за Стен тварного мира.

Вендикко отступил на два шага и утробно заручал. Неужели испугался?

Доннар поднял молот...

Истоплённый рык Духа Лесов разрывал уши, с лап чудовища срывались струи зеленого огня, ударявшие в оберегавший нордхеймского бога купол. Похоже, чудовище сосредоточило все свое внимание исключительно на Доннаре.

— Была не была! — выкрикнул Конан. — Кром-ром! Кром-воитель!

И варвар бросился вперед. Рассудок твердил, что убить этого монстра человеку не под силу, но голос разума сменила знаменитая ярость, охватывающая любого прирожденного воина в момент смертельной схватки.

Киммериец вонзил клинок в поросшую жесткой шерстью лапу Духа Лесов, тварь оглушительно взревела и отбросила человека, после чего снова атаковала Доннара.

Бог Асгарда не остался в долгу. Конана слегка оглушил удар ногой Вендикко, но он успел рассмотреть, что человеческое воплощение Доннара исчезло, уступив место пылающей, режущим глаза золотистым пламенем, тени. Клубок огня скользнул вправо и поднялся в воздух на высоту десятка локтей, опалив шкуру Лесного Духа — омерзительно запахло жженой костью. Вендикко отпрянул, попытался отмахнуться, будто человек от надоевшего комара, но...

Великий дух Нордхейма показал свою истинную мощь.

* * *

В самом Тусцелане никто толком и не понял, что именно произошло. Внезапно поплыла и задрожала земля, бревна, из которых были сложены стены форта угрожающе затрещали, а затем трянуло так, что никто не устоял на ногах — удивительно, что никто не порезался об оружие, вылетевшее из рук. Сотник Хуннар увидел, как разлетаются в клочья тела призраков, оставляя

в горячем воздухе дымные следы и сполохи умирающего багрового огня. Вендикко отступал — пятился, сокрушая вековые деревья.

Грохот стоял невыносимый — сравнить это невероятное сражение можно было лишь с сагами о временах, когда боги боролись с великанами, желая отдать принадлежавшие им земли юной расе людей, взятых под покровительство великих сил. То справа, то слева вспыхивали и угасали сине-зеленые молнии, и очень многим защитникам Тусцелана чудилось, что за спинами ревущих и отчаянно отбивающихся духов и рядом с самим Вендикко поднимаются очертания огромного молота и чьей-то исполинской фигуры...

* * *

Тесную каморку в общем доме, теперь принадлежавшем нордхеймской дружне, заливал грязно-серый свет, какой бывает только в утренние часы ненастного и холодного весеннего дня. Очнувшийся Конан видел, как за распахнутыми ставнями проносились к востоку лохмотья облаков, похожие на сожженные обрывки отслуживших свое тряпок. По-прежнему подвывал на разные лады врывавшийся в окно ветер, но уже не холодный, а по-настоящему весенний, пахнущий влажной землей, прелыми прошлогодними листьями и еще чем-то очень знакомым и добрым. Чем-то человеческим.

— Гляньте-ка, очухался, — киммериец услышал знакомый голос и увидел стоящего в дверях

сотника. Выглядел седобородый Хуннар как обычно — уверенно и спокойно. — Я уж и лекаря к тебе присылал по раннему утру, так он сказал, что проснешься не раньше полудня. Крепко приложило, видать. Даже киммерийские каменные головы к такому не приспособлены...

— Можно еще поспорить, у кого тут каменная голова, а у кого насквозь деревянная, — попытался сострить варвар и присел на застеленной медвежьими шкурами лежанке. — Что такого стряслось? Ничего не помню!

— Да неужто? — поднял брови Хуннар. — Со всем ничего? А тут за утро о ваших с Сигвальдом подвигах уже целую сагу сложили.

— Сигвальдом? — Конана внезапно озарило. — Митра Всеблагой, Кром-воитель! Он жив?

— Живехонек, не беспокойся. Тоже в беспмятстве до самого рассвета валялся, а теперь прыгает, что твой лягушонок! Да вот он!

Молодой жрец, бесцеремонно отпихнув сотника, ворвался в крошечную комнатку.

— Живой? Фу, я уж думал, что эта мразь...

И тут киммериец, чей разум был слегка затуманен, вспомнил все, что нужно было вспомнить. Доннар, Вендикко... Проклятая тварь, едва не убила ведь! Еще бы, после такого пинка далеко не всякий придет в себя спустя всего шесть колоколов!

— Видать, повезло, — Конан ощупал большую шишку на затылке — приложился головой о крепкий, как гранит, корень старой сосны. — Сет меня раздери и пожри Нергал, Сигвальд, с

тобой-то что случилось? Я уж думал, что Доннар забрал тебя к себе, в Вальхаллу!

— Как бы не так! — рассмеялся годи. — Когда мы открыли проход в мир духов при помощи нашей крови, пролитой у статуи бога, Доннар использовал мое тело, чтобы воплотиться и преодолеть рубеж Зримого и Незримого миров! А когда Вендикко пробудил в нем священную ярость — отбросил телесную оболочку и предстал в истинном своем обличье! Только я этого тоже не помню...

— Утром мы нашли Сигвальда неподалеку от крепостных ворот, — дополнил Хуннар: — На нем теперь особое благословение богов...

— Это почему? — удивился Конан.

— Посмотри сам, — асир оттянул ворот рубахи. На его груди, чуть ниже левой ключицы краснел ожог. Багровое пятно в виде молота Доннара. — Теперь понимаешь? Доннар выбрал меня. Для чего — не знаю, но я подчинюсь воле Сил Нордхейма. Это судьба.

— А что случилось с Духом Лесов? — заинтересовался киммериец. — Хуннар, ты должен был все это видеть с крепостной башни!

— Он ушел. Похоже, навсегда, — просто ответил сотник. — Понял, что наши, человеческие боги, сильнее. Доннар его не убил — бог не может убить другого бога.

— Понятно, — протянул Конан. — Все, надоело валяться в постели! Пойдем-ка на свежий воздух!

Варвар натянул сапоги, набросил плащ и

вслед за Сигвальдом и Хуннаром вышел на широкий двор общинного дома. Светило солнце, из кузни доносился вкусный запах угольного дыма, лучники под руководством Эмерта тренировались в стрельбе по мишени — привычная жизнь форта Тусцелан. словно и не было минувшей ночи, когда рядом с крепостью бесновались уродливые тени и давно забытое божество лесов пыталось доказать людям, что его мир еще не мертв...

— Странно... — сказал варвар Сигвальду, поднявшись на барбикен. — Ветер-то не изменился. Все оттуда же дует — с Полуденного Заката. И слишком уж он холодный.

Годи промолчал.

— Вендикко не умер, — уверенно сказал Конан, глядя на колыхающиеся под порывами ветра вершины деревьев. — Убить древность невозможно. Тебе не кажется, что это лишь временное затишье?

Очень-очень издалека донесся знакомый плач — словно оскорбленные божества забытого прошлого, не нужные теперь ни людям, ни иным разумным тварям Хайборийского мира, оплакивали свою участь.

— И все равно я пойду на полуостров, где живет Дух Лесов! — воскликнул киммериец. — Пойду туда и убью эту тварь! Сигвальд, поможешь?

— Помогу, — не раздумывая и мгновения ответил асир. — Тебе, Конан, я буду помогать во всем. И не только потому, что богиня удачи все-

гда стоит за твоим плечом. Помогу потому, что ты и я готовы выйти на бой с любым злом, что существует рядом с нами...

Холодный, пронизывающий до костей, ветер не ослабевал. И неизвестно, был он порождением неведомых эпох и чуждой людям магии, или пришел с побережья великого Закатного океана, бушующего далеко-далеко отсюда, за унылыми серыми чащобами Пиктских пущ...

Кажите, почтенный, где мы могли бы увидеть господина Конана? Хозяин «Пивного бочонка», дремлющий за стойкой, соизволил приоткрыть сперва один глаз, затем второй, а затем уже снизошел до ответа. С виду Хитрый Джарид производил впечатление толстого и добродушного толстяка. Однако ни для кого из обитателей Сухой Гавани не было секретом, что лени и добродушие у него ровно столько же, сколько у бурого урсуса из тех, которые водятся в самых диких и непролазных лесах на границе с Асгардом.

Заведение Хитрого Джарида было известно далеко за пределами Шадизара, особенно среди тех, чьи отношения с законом не отличаются простотой. Впрочем, среди жителей Сухой Гавани немногие могли бы назвать себя благонамеренными гражданами, не покрывив при этом душой. Воры, скупщики краденого, авантюристы всех мастей, которые слетались в Шадизар подобно мотылькам, привлеченным пламенем светильника, питали особенную симпатию к этой самой неблагоустроенной из городских окраин.

Отчего получила такое странное название часть города, между которым и морским берегом лежало много дней пути, никто не знал.

Рассказывали, что когда-то в незапамятные времена, еще до того, как покинули наш мир Старые Боги, воды в море Вилайет было гораздо больше, чем теперь, линия его берега имела совсем другие очертания и волны плескались у самых стен древнего города. После того, как разразилась Битва титанов, лицо мира неузнаваемо изменилось... Некий видный ученый из Дворцовой Академии, открытой почти два века назад в столице Офира, почтил Сухую Гавань своим присутствием. Целыми днями он в сопровождении слуг бродил по грязным кривым улочкам, поминутно сверяясь с какими-то бумагами и повергая в смятение местных жителей, которые, по роду своих занятий считали день временем суток, предназначенным исключительно для сна. Именно в «Пивном бочонке» он после обильного ужина, поданного самим хозяином, поведал своим слушателям, что в древней легенде можно выискать некое зерно истины. Расположение нескольких самых старых улиц ясно указывает на то, что гавань здесь вполне могла быть...

«Пивной Бочонок» считался роскошным заведением среди тех, кто предпочитал честному труду ловлю рыбы в мутной воде, причем представляя это занятие с наибольшими удобствами. Здесь можно посидеть, заказав блюда, которые вполне могли быть только что украдены прямоком с кухни наместника. Можно было посмот-

реть на танцовщиц или в одиночку наслаждаться их обществом в одной из комнат верхнего этажа. Здесь никогда не происходило крупных скандалов и драк, что было большой редкостью для этого района Шадизара.

Те же, кто оказывался настолько безрассуден, чтобы не внять первому и единственному предупреждению, были счастливы, если их просто выбрасывали из дверей заведения. Многие из случайно зашедших сюда чужаков, кто вызывал хотя бы легкие подозрения в сотрудничестве с тайной стражей или Святым братством, обычно совершали такой же полет на другую сторону улицы, завершающийся весьма чувствительным ударом о забор с последующим падением в глубокую зловонную лужу. Или бесследно исчезали навсегда, что вовсе не вызывало удивления. Сухая гавань и есть Сухая гавань и нужно как следует подумать, прежде чем соваться сюда.

Но на этот раз крохотные заплывшие жиром глазки Хитрого Джарида не обнаружили ничего, что могло бы помешать господам постояльцам предаваться развлечениям и обдѣлывать дела по своему усмотрению, увеличивая его и без того немаленькое состояние. Перед хозяином «Пивного бочонка» стояли, немного растерянно озираясь по сторонам, несколько человек, которые бы походили на уроженцев Кофа, если бы не странный разрез глаз и черные с зеленым отливом волосы, заплетенные во множество косичек. Безо всякого сомнения перед ним были чужеземцы, мало знакомые с обычаями городского дна и Су-

хой Гавани в особенности. На купцов или паломников вроде не похожи, скорее всего — охрана какого-то важного господина, набранная из одних провинциалов...

— Он наверху, но вряд ли ему понравится, если кто-то помешает его развлечениям.

— Мы разыскиваем его по поручению одного очень важного лица. Даю слово, что дело, которое привело нас сюда, не нанесет господину Кокану ни малейшего ущерба — ответил один из пришельцев голосом, чем-то напоминающим чириканье зеленой птички, обитающей в джунглях Черных королевств и питающейся цветочным нектаром. Все прочие согласно закивали, растягивая губы в самых вежливых улыбках.

— Не знаю, что могу сделать для вас, уважаемые. Можете подождать его здесь, если хотите. Я распорядюсь, чтобы вам подали вина...

Но узкая рука с длинными пальцами ловко положила перед хозяином сразу несколько полновесных золотых монет.

— Весьма благодарен за ваше гостеприимство, но наше дело не терпит отлагательства, — ответил странный собеседник с тем же щебечущим акцентом.

Монеты были в мгновение ока накрыты холщовым передником и исчезли со стойки.

— Поднимитесь по лестнице, третья комната справа, — как бы нехотя проворчал Хитрый Джарид. — Но предупреждаю, он не жалуется на званых гостей.

И, удобно устроившись возле хитро замаски-

рованной слуховой трубы, он принялся ждать дальнейшего развития событий.

Ждать пришлось недолго. Скрип ступеней старой рассохшейся лестницы, затем осторожный стук в дверь и последующий за этим грохот, сопровождающийся жалобными выкриками, убедили хозяина «Пивного Бочонка», что он не ошибся в своих предположениях.

* * *

Конан, уроженец Северной Кимерии и один из самых везучих воров Шадизара, чья искусность и удачливость вошли в поговорку, пользовался поистине запредельным успехом у прекрасного пола. Его мощная фигура, от которой так и веяло звериной силой и мужеством, достойным короля-воина из древней легенды, синие глаза и грива темных волос одинаково не давали спокойно спать и уличным девкам и утонченным аристократкам. А его великодушие в сочетании с поистине королевской щедростью также как и прочие достоинства делали для них встречу с Конаном из Кимерии одним из самых сладких воспоминаний.

Благородный варвар отвечал красавицам таким же благосклонным вниманием, но ни одна из них не задерживалась надолго в его сердце. Мир полон прекрасных женщин, зачем останавливаться на какой-то одной? Или, что не менее вероятно, линия его судьбы еще не пересеклась с той, которую он пожелал бы назвать своей...

В тот вечер подружкой, которую Конан пригласил провести с ним время, оказалась уличная певичка. Она не отличалась особенной красотой, а голос ее более всего походил на мяуканье кошки, которая призывает кавалеров. Но благородному варвару, который не упускал возможности воздать должное женской красоте, показались необычайно привлекательными ее ярко-зеленые глаза и короткие ярко-рыжие волосы, торчащие в разные стороны, не говоря уже о фигуре, напоминающей статуи в одном из храмов Ианты. Кроме того, девица, как оказалось, обладала бурным неистовым темпераментом, что удивило даже Конана. Поэтому они оба были весьма недовольны, когда их прервали в самый разгар любовных утех.

Сперва острый слух варвара уловил, как кто-то внизу произнес его имя, затем раздались шаги нескольких пар ног, направляющиеся к лестнице. Замерев на мгновение, он жестами попросил подружку последовать его примеру. После этого хитрый северянин совершил прыжок через всю комнату, ловко приземлившись перед самой дверью. Ветхая трактирная мебель и пол, обычно оповещающие о каждом движении постояльца, при этом даже не скрипнули.

Стоило одному из незваных гостей поднести руку к двери, как та распахнулась сама собой. Гигант, не потрудившийся надеть даже набедренную повязку, мощной рукой сгреб прищельца за одежду и, втащив его в комнату, отправил напрямик в окно. За ним последовало и двое его

спутников. Последний, который пытался что-то объяснить, без чувств растянулся на полу, сраженный кувшином из-под вина, который ловко швырнула уличная прелестница.

Когда гнев немного поутих, уступив место благоразумию и здравому смыслу, Конан решил посмотреть, кто же попался ему под горячую руку.

Собственно говоря, стоило варвару услышать свое имя, произнесенное незнакомцем, как он решил, что его ищут по поручению тех, кому пришлось не по вкусу посещение своей сокровищницы или собрания редкостей. Кто из обокраденных им вельмож мог послать за ним? Вроде бы ни у кого из тех, кого он «осчастливил» своим визитом не было слуг с такой необычной внешностью... Надо будет заодно спросить хозяина заведения, почему он позволил помешать ему. Разве он недостаточно заплатил за возможность спокойно предаваться удовольствиям?

Но едва северянин сгреб последнего незваного гостя за шиворот, чтобы без промедления вышвырнуть его вон, как тот пришел в себя и принялся что-то горячо и неразборчиво доказывать. Вид незнакомца при этом был настолько жалкий, что великодушный северянин вместо того, чтобы стащить помешавшего ему вниз по лестнице как бесчувственный мешок мусора, усадил его на табуретку и даже плеснул ему в кружку немного вина.

Под действием выпитого взор странного посетителя немного прояснился.

— Вы и есть господин Конан? — спросил он голосом, похожим на щебетание крохотной птички, из тех, которые охотно покупают аристократы для того, чтобы услаждать слух их пением. — У меня к вам важное дело.

— Ну, я Конан, — буркнул в ответ киммериец. — Какое еще к Эрлику дело?

— Прежде всего, мне поручено передать вам вот это. — Незнакомец ловко извлек из складок своего просторного шелкового одеяния небольшой, но по виду довольно увесистый кошелек и с поклоном протянул его Конану. — Это за то, что мы своим появлением нарушили ваши планы... и помешали вашему отдыху.

Конан открыл кошелек, сперва взвесив его на ладони. В изящном кожаном мешочке лежало несколько полновесных золотых монет, на которые можно было бы при желании купить весь «Пивной бочонок», включая слуг, постояльцев и годовой запас выпивки.

Немного озадачено северянин уставился на своего странного собеседника. Никогда еще в его богатой приключениями жизни не случалось получать деньги просто так, да еще от человека, пострадавшего от его неласкового приема.

Нет, подвоха здесь не было; интуиция, сравнивая только с инстинктами хищного зверя, обязательно дала бы сигнал тревоги, будь в словах незнакомца хоть малейшая капля лжи или хитрости.

— Рассказывайте, что вам надо, — добавил он уже более доброжелательным тоном.

Собеседник чуть заметно кивнул и указал глазами на сидящую на кровати прелестницу, которая неторопливо расчесывала волосы, даже не сочтя нужным привести в порядок свою одежду. Без малейших колебаний киммериец вынул из кошелька одну из монет и кинул ее девушке. Та, ловко поймав ее, улыбнулась варвару и неторопливо направилась к двери, не забывая соблазнительно покачивать бедрами.

— Так что у вас за дело ко мне? — снова спросил киммериец, не без некоторого сожаления проводив ее взглядом.

— Ваша слава непобедимого воина дошла до самых отдаленных земель. Говорят, что нет такого противника, который мог бы противостоять вам...

— Нет, с этим покончено, — резко перебил его Конан. — Я не дерусь на потеху публике.

— Что вы, глубокоуважаемый господин Конан, — забеспокоился странный посетитель, стараясь жестом остановить северянина, который собрался уже вернуть полученный от него кошелёк. — Некое важное лицо просит вас найти злоумышленника, пробравшегося в его дворец.

— Всего-то! — усмехнулся северянин, пожав могучими плечами. — И сколько готов заплатить этот господин за такую простую работу?

Названная сумма произвела впечатление даже на варвара, который уже привык к тому, что деньги могут внезапно появляться в довольно большом количестве. Интересно, какой из богатых бездельников способен так легко расстаться

с деньгами, при этом не позаботившись обеспечить свой дворец надежной охраной?

— И где находится этот дворец? — поинтересовался Конан, окончательно поверив, что сегодняшний день и в самом деле отмечен счастливым случаем.

— Не беспокойтесь, несравненный господин Конан, — зачастил посетитель, отчего речь его стала настолько невнятной, что киммериец начал с трудом понимать его, — мы отвезем вас к нему. Дорога займет всего несколько дней. Прощу прощения, но выехать нужно сегодня же вечером, это неперемное условие сделки. Не утруждайте себя сборами, мы уже обо всем позаботились.

* * *

В тот же день тяжело нагруженный караван выехал из ворот Шадизара. Никогда еще Конану не приходилось путешествовать таким образом. Так как коня, который был бы в состоянии нести на себе могучего варвара, попросту не нашлось, а купить что-то подходящее по дороге отчего-то не получилось, киммериец снизошел к настойчивым просьбам своих проводников и согласился проделать часть пути в экипаже. В таких обитых шелком и обложенным мягкими подушками домиках на колесах путешествуют лишь знатные дамы и аристократы, которые не могут выйти за порог своего особняка, не захватив с собой множество «необходимых» предме-

тов, начиная от веера и вендийской собачки, чья морда напоминает обезьянью и заканчивая несколькими наложницами. Пол экипажа устилали мягчайшие хауранские ковры, поверх которых были набросаны подушки, набитые пухом птиц, обитающих в море неподалеку от берегов Гиркании.

Посланники неведомого заказчика из всех сил старались, чтобы почетный гость не испытывал ни в чем недостатка и был обеспечен всеми возможными развлечениями. Ехать приходилось целыми днями, останавливаясь только для краткого ночлега, но, тем не менее, с утра до вечера в экипаж доставлялись тонкие вина и диковинные кушанья, многие из которых Конану еще не доводилось пробовать. В душе северянина, не смотря на то, что пережитых им событий с избытком хватило бы на несколько десятков жизней, по-прежнему горело неугасимое детское любопытство и жадность ко всему новому и неизведанному. Поэтому он с удовольствием воздал должное дарам щедрого хозяина.

Первым блюдом подали рыбу-змею, тушеную в золотистом офирском вине. Особенно удивило неприхотливого варвара то, что кушанье было разогрето на переносной жаровне прямо во время перехода. За этим последовали гигантские фроги, чье мясо по вкусу представляло собой нечто среднее между кроликом и кальмаром, которого ловят ночью при свете масляного светильника асгалунские рыбаки. Гарниром к необычному лакомству служили мелко нарезанные ви-

ноградные листья вперемешку с нежными речными водорослями. На ужин в экипаж доставили большую корзину необычных пирожков. Это были шары из пресного теста, внутри которых оказалось необычайно нежное сладковатое мясо, которое пришлось киммерийцу по вкусу. Чуть позже выяснилось, что это было не что иное, как мясо лесных улиток, обитающих на склонах Карпашских гор и питающихся только листьями серебряного дерева. Узнав об этом, варвар едва сдержался, чтобы не прибить сообщившего это прислужника его же подносом.

Должно быть, решив, что женское общество развлечет важного гостя, провожатые позаботились о том, чтобы днем и ночью в экипаже или рядом с ним находилась какая-нибудь из служанок. Конан от души наслаждался обществом Ласаны, чья кожа напоминала черное дерево, а гибкость вызывала сомнения в том, что в ее теле вообще есть кости. После он прекрасно провел время с пухленькой веселой блондинкой Мартильей, утверждающей, что ее детство прошло в столице Аквилонии, и девушкой из Кхитая, чье имя он так и не смог запомнить.

Утром, на третий день путешествия, проснувшись, Конан к некоторой досаде, не обнаружил рядом с собой очередной подружки. Но тут прямо на ходу открылась дверца и чья-то рука втокнула внутрь мальчика лет десяти, одетого в яркий шелковый халат. Лицо ребенка было покрыто белилами, глаза густо подведены черной краской, а губы нарисованы в виде сердечка. По-

чтительно поклонившись, мальчик начал перебирать струны диковинного музыкального инструмента, звук которого напоминал то капли дождя, падающие на крышу, то шелест травы, то мяуканье потерявшегося котенка. После, отложив инструмент в сторону, маленький искусник начал творить такое, что повергло северянина в глубокое омерзение. Ценой поистине невероятных усилий благородный киммериец сдержал порыв гнева, побуждавший его немедленно выкинуть вон это развратное существо, лишь с виду напоминающее ребенка. Поняв, что не смог угодить, тот приоткрыл дверцу и покинул экипаж тем же способом, что и появился.

Один раз, перед самой границей между Аргосом и Кофом прямо на них неожиданно вылетел целый отряд разбойников. Злоумышленников было гораздо больше, чем тех, кто охранял караван и Конан собирался, было, принять участие в стычке, как все уже закончилось, не успев толком начаться. Стражи, один вид которых вызывал у киммерийца сомнение в том, что от них может быть хоть какой-то прок, одновременно вынули из висящих на шее сумочек нечто, похожее на зеркала из тщательно отполированного металла. Несмотря на то, что день был пасмурный, поверхность каждого из зеркал вспыхнула ослепительным белым светом. Лучи, вырвавшиеся из середины полированных кусочков металла, превратили скачущих первыми разбойников в подобие живых факелов. Один из них, одетый богаче прочих, прыгнул в протекающую побли-

зости речушку, но странный огонь не потух даже под водой.

В следующий раз, когда они проезжали по лесной дороге, путь им преградило упавшее дерево. Чтобы свалить такого великана, потребовался бы сильнейший ураган... или чьи-то злонамеренные усилия. Как и следовало ожидать, стоило каравану остановиться, как в глубине лесной чащи замелькали силуэты вооруженных людей, которые приближались, прячась до поры до времени то за одним, то за другим деревом.

Но те же металлические зеркала, расположенные под другим углом и составленные в некую сложную фигуру, в считанные мгновения превратили, казалось бы, непреодолимую преграду в горстку невесомого белесого пепла. Развернув свое непонятное, но без сомнения грозное оружие навстречу солнечному лучу, стражи заставили упасть несколько самых толстых деревьев, за которыми замерли в ожидании грабители. Некоторые из тяжелых корявых стволов навсегда лишили одних разбойников заниматься своим промыслом, превратив других в беспомощных калек, годных лишь на то, чтобы просить подавания. Путешественники двинулись дальше, сопровождаемые воплями и ругательствами на незнакомом языке. Ни одна из стрел, пущенных им вдогонку, не достигла цели; все они без остатка сгорели, не пролетев и половины предназначенного им расстояния.

* * *

Целью их путешествия оказалось государство, о котором Конан слышал впервые в жизни. Собственно говоря, оно даже не было обозначено ни на одной карте, из тех, которые киммерийцу довелось видеть. Страна, территорию которой можно проехать из конца в конец и обратно в течение одного дня, со всех сторон окруженная землями Аргоса, но, тем не менее, упорно продолжающая считать себя самостоятельной. Как во всяком уважающем себя государстве там был королевский двор, армия, состоящая из нескольких десятков человек, там издавались законы и отправляли послов в различные государства Подлунного мира. В столице находились храмы, различные общественные заведения и даже библиотека, пышно именуемая Сокровищницей Знаний.

Последний из посетителей, который пострадал от меткости метательницы кувшинов, нанес северянину визит. Он назвался Мохсендаром, придворным советником и заявил, что ему надлежит рассказать высокому гостю о государстве, которое является целью их поездки. Особенно он остановился на законах, выполнении которых ни в коем случае не следует пренебрегать.

Категорически, под страхом вечной ссылки на Остров Серого камня, запрещалось стоять на одной ноге, обратившись лицом в сторону королевского дворца. Никому ни при каких обстоятельствах не позволялось расчесывать гривы лошадей и тем более заплетать их в косички после захода

солнца. Также не разрешалось кормить священного водяного ящера, обитающего в бассейне храма Иуриана, повелителя омутов и водоворотов, переспелыми фруктами желтого цвета...

Вскоре от перечисления запретов один нелепее другого, Конан начал испытывать желание разбить первый попавшийся сосуд о голову любезного Мохсендара, чтобы прекратить этот бесконечный поток речей. Окажись на месте Конана человек, водящий более тесную дружбу с книжными науками, он бы, в конце концов, задался вопросом: кто из двоих присутствующих начисто лишен рассудка. Но прямодушному киммерийцу ситуация представлялась яснее ясного: он едет в местность, жителей которой поразило повальное слабоумие. А так как слабоумными вполне может править монарх, страдающий тем же недугом, то тогда становится понятно почему за невероятно легкое поручение обещают заплатить так неоправданно много.

Интересно, подумал Конан, растягиваясь на шелковых подушках во весь свой могучий рост, если такая цена обещана за то, чтобы он выловил из дальних покоев пару заблудившихся ворышек или прогнал из кладовки обосновавшегося там бездомного пса, то какие деньги он мог бы получить за настоящую работу?

* * *

Наконец, переехав низенький полукруглый мостик из светлого ажурного камня, они оказа-

лись в местности, название которого переводится на многие языки как Край Медного Нарцисса.

Путь до королевского дворца занял не так много времени. Сперва по обе стороны от дороги, мощеной полупрозрачными дымчато-серыми плитами, расстилались бесконечные розовые сады. Казалось, кусты и целые деревья, усыпанные пурпурными цветами всех форм и оттенков, никогда не закончатся. Но когда солнце только начало клониться к горизонту, их сменили плантации шелкового дерева. Листья этого невзрачного на вид растения представляют собой излюбленную пищу полосатых гусениц, способных извергать из себя нити, тонкие настолько, что едва уловимы человеческим глазом и не знают себе равных по прочности. В древней легенде говорится, что однажды в сеть, сплетенную из таких нитей, попался кракен и ему понадобилось довольно много времени, чтобы освободиться...

Дворец не произвел на северянина никакого впечатления. Там было все, чему положено находиться в резиденции коронованной особы — башенки, многоцветные витражи, изготовленные кхитайскими мастерами, парадная лестница, украшенная гобеленами, изображавшими горы битой дичи и батальные сцены. Как будто строители руководствовались одним желанием возвести дворец, который был бы не хуже всех прочих.

Зал, куда провели Конана беспрестанно кланяющиеся слуги, одежду которых составляли короткие юбочки и нечто вроде полосатых ворот-

ников, отличался от всех прочих. Стены, пол и потолок были искусно выложены узорами из небесного камня. Один кусочек минерала, цвет которого был подобен небу середины лета в безоблачный день, стоил больше, чем куча золота величиной с немедийского охотничьего пса.

Единственной мебелью здесь был овальный столик на одной ножке и довольно изящное кресло, целиком вырезанные из молочно-белого камня, взглянув на который, так и хотелось до него дотронуться.

Конан отвернулся чтобы полюбоваться окном, составленным из множества тончайших пластинок горного хрусталя с вырезанным на них непонятным орнаментом. Но не успел варвар как следует разглядеть эту диковину, как за спиной его раздался голос:

— Значит, вы и есть Конан из Киммерии?

Северянин стремительно оглянулся. В кресле, которое пустовало несколько мгновений назад, сидела старая, очень старая женщина в просторных одеждах из ярко-синего шелка. Но, несмотря на, безо всякого сомнения, почтенный возраст, голос хозяйки звучал как у двадцатилетней, а в маленьких черных глазках было больше огня и живости чем у многих, только переступивших порог юности. Более того, несмотря на то, что кожа ее напоминала фрукт, высохший на солнце, осанка сидящей перед Конаном женщины была исполнена грации и достоинства.

Северянин пребывал в полном изумлении. Он не слышал ни малейшего шума — ни шороха

ткани, ни даже самого легкого вздоха, шума, который невольно издает любой человек, не являющийся бесплотным призраком. Конан изобразил вежливый поклон, решив показать, что хорошие манеры и уважение к старшим не чужды ему. Женщина, которую он даже мысленно не решился бы назвать старухой, благосклонно кивнула ему в ответ на приветствие и сразу же перешла к делу, чем еще больше привела северянина в изумление.

— Мы позвали вас как воина, равного которому нет на свете и как человека, который может пробраться туда, куда не проникнет никто и невинным вернуться назад. Мы просим вас о помощи, Конан из Киммерий и готовы щедро вознаградить вас.

— Я готов, почтеннейшая, — произнес варвар, тщетно пытаясь сообразить, каким же образом смогла проникнуть в зал его собеседница, — за достойное вознаграждение.

— Оно не разочарует вас, — ответила та с едва заметной улыбкой. — Прошу вас, подойдите к этому столу. Взгляните вот сюда.

На поверхности из отполированного молочно-белого камня, которая до сих пор была совершенно гладкой, теперь прямо на глазах удивленного киммерийца одна за другой появлялись светящиеся золотистые линии, которые разбегались во всех направлениях, пересекаясь и образуя светящиеся пятна. Это была карта: приглядевшись, северянин узнал реку Хорот, границу с Зингарой и Рабирийские горы. А вот и границы

края, куда его занесло по воле случая. Разумеется: по этой дороге они ехали сегодня утром, этот значок не может обозначать ничего кроме королевского дворца, где он сейчас находится...

— Взгляните немного правее, — снова раздался голос странной женщины. Это озеро мы называем Океаном Росы. Создавая мир из лепестков медного нарцисса, богиня Амритис уронила на землю каплю росы с одного из священных цветов. Тот, кто удостоится чести выкупаться в водах этого озера, обретет мудрость, также ему откроется возможность прозревать истинную суть вещей... но в том случае, если он сам возжаждет этого всей душой...

— Вы говорили, что вам требуется помощь, — осторожно заметил Конан, опасаясь, как бы собеседница не обрушила на него потоки сведений, безусловно, интересных, но не имеющих никакого отношения к делу, которое послужило причиной его необычного путешествия.

— Верно, терпение — удел старости, молодым свойственно безоглядно стремиться вперед, — согласилась женщина с немного печальной улыбкой. — Видите пятнышко посреди озера, на этом острове находится Дворец Тысячи Комнат. Он служит не для жилья и пустует почти все время кроме нескольких дней в году. Когда созвездия выстраиваются на небе определенным образом, во дворце проводятся исключительно важные обряды. Мы должны заручиться милостью богов на весь следующий год, ведь от этого зависит благополучие нашего государства, а также рав-

новесие между добром и злом всюду, куда достигает солнечный свет... В такие дни жизнь снова возвращается в древние стены; весь двор переезжает туда и живет несколько дней до благополучного завершения того, что предписано древними обычаями. Никто и ничто не должно помешать происходящему там. Совершив то, что должно, все снова возвращаются сюда, в Розовый Сад, а дворец Тысячи Комнат остается на попечении нескольких хранителей... Но недавно в пустующем дворце поселилось зло. Вы должны изгнать его до наступления следующего новолуния иначе неисчислимые беды обрушатся на мир...

— Простите, что прерываю вас, многоуважаемая, — осторожно перебил Конан, в душе которого пробудились подозрения, не стал ли он жертвой обыкновенной подозрительности, к несчастью, поражающей многих, доживших до столь преклонных лет. — О какого рода эле вы говорите?

— О том, справиться с которым может только непобедимый воин, отмеченный самими богами. — Голос старой женщины обрел необычайную силу и звучность, казалось, он заполнил собой все пространство зала, отражаясь от его стен и потолка. — Тот, чья судьба исполнена удивительных и замечательных событий, тот, кому суждено испытать многое...

Конан попытался возразить, что по всей вероятности уважаемая заказчица перепутала его с каким-нибудь полубогом из легенды. Разумеется,

он сделает то, о чем его просят, но он не обладает теми способностями, которые ему приписывают. Но необычная женщина прервала его величественным жестом.

— Итак, я вижу, вы согласны помочь нам. Не позднее ближайшего новолуния дворец должен быть готов для церемоний, а пока что прошу вас быть моим гостем. Вам покажут ваши покои.

Варвар невольно обернулся в том направлении, куда указала рукой удивительная женщина. Там медленно открывались двери и несколько слуг почтительно кланялись ему. Обернувшись, чтобы отдать прощальный поклон, Конан с изумлением обнаружил, что зала снова пуста. Ни хозяйки, только что восседавшей в кресле из белого камня, ни карты из светящихся линий на крышке столика. Чтобы хоть немного восстановить присутствие духа, варвар проворчал себе под нос неразборчивую фразу насчет того, что все женщины независимо от возраста и сословия одинаково пренебрегают той простой истиной, что к серьезному делу надо готовиться заранее, а не суетится подобно тому, как угорелая кошка мечется в поисках двери.

* * *

Покои, которые отвели киммерийцу, были обставлены с поистине королевской роскошью. Воздав должное кровати под балдахином, на которой запросто могло бы уместиться пять человек не отличающиеся худобой и изящным сло-

жением, а также изысканным яствам и ванне из белоснежного мрамора, наполненной водой, по поверхности которой плавало множество розовых лепестков, простодушный варвар начал думать, что в жизни аристократа имеются свои, весьма существенные достоинства.

Но сначала, едва двери из темного благоухающего дерева закрылись за ним, северянин внимательно обследовал комнаты, высматривая, не притаился ли в каком-нибудь углу какой-нибудь малоприятный сюрприз. Не то, чтобы он питал какие-либо подозрения или дело, в которое его вовлекли, не внушало ему доверия, просто он привык доверять исключительно тому, в чем удостоверился самолично. А незнакомые помещения, даже если они находятся в королевском дворце, доверия у него не вызывали.

Но никаких свидетельств коварства хозяев он не обнаружил. Необычайно чуткая интуиция, сравнимая разве что с инстинктами хищного зверя, тоже оставалась спокойной. Единственное, что открылось его внимательному взору, были дырочки для подглядывания, которые кто-то не в меру любопытный проделал в глазах устрашающего вида кракена, украшающего гобелен, висящий прямо напротив кровати.

Что ж, он способен ценить шутку и в свою очередь тоже не прочь пошутить... Все время, при всей кажущейся беспечности, варвар украдкой не спускал глаза с продырявленного гобелена подобно кошке, которая лениво прикрыв глаза, делает вид, что не замечает резвящихся

рядом птичек. И вот ближе к вечеру, когда северянин лакомился сочными персиками, которые ему доставили в огромной корзине, сплетенной из тончайших позолоченных прутиков, его терпение было вознаграждено. Глаза морского чудовища, еще недавно представляющие собой черные провалы, вдруг обрели поразительное сходство с человеческими. Выплюнув косточку абрикоса, варвар метким щелчком направил ее прямо в неведомого шпиона, чтобы раз и навсегда лишить того желания подглядывать.

За гобеленом раздался жалобный вскрик, что-то тяжелое шлепнулось об пол. Желая посмотреть, кого настигло его справедливое возмездие, Конан заглянул за гобелен, но не увидел ничего кроме стены с двумя просверленными в ней дырочками. Стремительно выскочив в коридор, варвар увидел лишь темный силуэт, удаляющийся по замысловатой кривой. Жалость и угрызения совести не нарушили спокойствие киммерийца: он же не приглашал этого любопытного подглядывать за ним, пусть теперь пожинает плоды своего поступка.

* * *

Прошло полдня, а затем еще день, полный лени и безмятежного отдыха. На рассвете следующего дня, когда варвар уже начал думать, что дело, которое именовалось важным и срочным, разрешилось само собой, в дверь к нему вежливо постучали. Это оказался уже знакомый Кона-

ну Мохсендар, который всю дорогу донимал его рассказами о диковинных местных обычаях. Сегодня худенький низкорослый человечек, вид которого неизменно вызывал у северянина улыбку, был преисполнен необычайной серьезности. Волосы, заплетенные во множество коротких косичек, были прижаты узким обручем из золотистого металла, отполированным до зеркального блеска. Такие же сверкающие пластины украшали его одежду.

— День настал, господин Конан! — торжественно произнес он, — сегодня мы отправимся и очистим священный дворец от зла!

— Почему это «мы»? — проворчал в ответ рассерженный варвар, — такого уговора не было; я делаю все один и не нуждаюсь в помощниках!

— Королева считает, что вам будет необходим проводник, которому известен безопасный путь через дворцовые покои и который не даст вам заблудиться...

— Вы что, и в самом деле думаете, что я способен заблудиться в каком-то так дворце? — голос Конана стал напоминать рычание пещерного саблезубого медведя, встречи с которым опасаются даже те, кто прожил всю жизнь в горах Киммерии.

— Это особенный дворец, — ответил тот, продолжая невозмутимо смотреть в лицо разгневанного северянина. — Лишь немногие посвящены в тайну расположения его покоев, не говоря о прочих постройках. Поверьте, я буду вам очень

полезен, а мое присутствие и скромная помощь вовсе не умалят вашей славы.

— Так уж и быть, — снисходительно процедил северянин сквозь зубы, — отправимся туда вдвоем.

— Не совсем так: по приказу королевы нас будет сопровождать отряд дворцовой охраны. Неизвестно, с чем нам доведется встретиться; истории известно немало случаев, когда даже несравненных качеств героя, по праву носящего это имя, оказывалось недостаточно...

— Если это будут те, кто был с нами по пути сюда, то я, пожалуй, не против. В конце концов, помощники могут оказаться не лишними.

— Увы, славнейший господин Конан, те, кого вы изволили упомянуть, отправлены с другим поручением. С нами пойдет десяток самых лучших дворцовых стражей. Таков приказ королевы и мы не вправе его ослушаться. Вы ведь не хотите, чтобы на меня обрушился ее гнев?

* * *

Большая низко сидящая на воде лодка бесшумно скользила по зеркальной глади озера. В лучах утреннего солнца озеро, берега которого поросли вековым лесом и вправду напоминало каплю росы, лежащую в чаше из нежной зелени или глаз, обрамленный пушистыми ресницами. Остров, к которому они направлялись, виднелся на горизонте лишь крохотным пятнышком.

Стражники в причудливых кожаных доспехах, украшенных золотыми пластинами с изобра-

жениями длиннохвостой черепахи, гребли, стараясь поднимать как можно меньше шума. Конан, устроившись на корме, поглядывал по сторонам с кажущейся беззаботностью и ленивой грацией хищного зверя. Он не тратил понапрасну силы на то, чтобы попытаться угадать, что приготовила ему судьба и чем обернется для него сегодняшняя день. Самое главное известно и так: его ждет приключение, хорошая драка и не менее хорошее вознаграждение за сегодняшнюю прогулку. Может быть, там во дворце и красивые женщины найдутся, как же без них? А нет — тоже невелика печаль: когда он вернется в Шади-зар, то сумеет развлечься как следует.

Разумеется, от взгляда северянина не укрылось, что спутникам внушает нешуточный страх нечто, обитающее в глубинах озера. Но пока что все спокойно и к тому же некоторым свойственно приходить в ужас от вида собственной тени.

Мохсендар, присев рядом с киммерийцем на пушистой шкуре зингарского пардуса продолжал вполголоса рассказывать о том месте, куда они направлялись.

— Как вам, без сомнения, уже поведали, в этом дворце никто постоянно не живет; он никогда не служил резиденцией ни одному из монархов, восседавших на Лунном троне с самого начала времен. Тем не менее, каждая из коронованных особ, имеет там свои апартаменты. В покоях все заботливо сохраняется в том виде, как было при жизни хозяина. Мы верим, что на время ежегодных церемоний духи почивших монархов

возвращаются в наш мир и обитают в своих апартаментах во Дворце Тысячи Комнат. Я содрогаюсь от мысли, что они вернутся и узнают, что обряды не могут состояться. Между нами говоря, многие из коронованных особ, ушедших на ту сторону великой реки, не отличались кротостью и добрым нравом...

— Вы можете просто сказать мне, что там стряслось? — непочтительно перебил его варвар, который начал чувствовать, что еще немного и он намертво увязнет в этой паутине вкрадчивых речей. Кроме того, он был все еще сердит на то, что его слишком поторопили, да еще и навязали в спутники каких-то безмозглых стражников, только и годных для того, чтобы изображать статуи у дверей в туалетную комнату.

— Ужасное чудовище проникло в священный дворец, — печально покачал головой Мохсендар, понизив голос до трагического шепота. — Придворные, посланные удостовериться, что все совершается согласно обычаям и подготовить дворец к ежегодным церемониям, бесследно исчезли. Нет, они не могли заблудиться; все с раннего детства состоит на придворной службе и знают Священный дворец лучше, чем расположение комнат в собственном доме. Слуги, почти все, были растерзаны и сожраны прямо в залах дворца. От королевского мага, который вознамерился навести порядок, остался лишь клочок мантии. Из нескольких отрядов стражи, посланных во дворец, не вернулся ни один человек. Единственный почтовый голубь, посланный самым пер-

вым отрядом, принес известие, что следы кровавого чудовища обнаружены и что доблестные воины преследуют его. Но это послание оказалось единственным... О боги, церемонии должны начаться через несколько дней, а еще ничего не готово!

— Почему бы в таком случае не провести эти ваши церемонии где-нибудь в другом месте? — поинтересовался простодушный варвар. — Если нет золотой посуды — едят из глиняной! И почему вы все время шепчете?

— Сотворить все, что требуется вне стен дворца совершенно невозможно, господин Конан, совершенно невозможно. Помимо всех исключительно важных причин имеется особо значимая. В лазурном зале хранится бирюзовая корона, выточенная из одного куска. Как вам без сомнения известно, этот изумительный камень родился из костей умерших от любви. Бирюзовая корона когда-то была черепом лазурного единорога, который увидел прекрасную Арброзию... Все эти дни корону должен носить старший из представителей королевского дома. Это своего рода благословение и ниспослание мудрости в государственных делах на весь год.

— Да что вы шипите как заморанский уж на змеиной свадьбе? — возвысил голос северянин, который продолжал пребывать не в самом лучшем расположении духа.

— Умоляю вас, тише! Воды этого озера таят в себе немало опасностей. После гибели королев-

ского мага никто не может усмирить созданий, обитающих в его глубине и не позволяющих приблизиться к острову никому, кто бы не владел особым секретом.

— Подождите, вы хотите сказать, что мы плывем на свой страх и риск?

— Увы, это так, а еще уповая на милость богов. Совершенно верно, мы в большой опасности, но государственные интересы значат гораздо больше, чем жизнь кого-то из нас. Что же касается вас, господин Конан, то вознаграждение должно послужить для вас достаточным доводом, чтобы идти на некоторый риск... Будем надеяться, что нам удастся проплыть, не потревожив Живую Нить. Это поистине ужасное существо, созданное магией, от него никто еще не смог спастись... О боги, нет!

Не успел он договорить, как из прозрачной глубины в облаках брызг взметнулось нечто напоминающее веревку. Но эта веревка в отличие от всех прочих была оснащена множеством мелких без сомнения острых коготков и отвратительных ярко-алых присосок. Тугая петля моментально обхватила плечи одного из стражей и рванула его прочь. Его соседи, которые схватили своего товарища, удерживая его в лодке, не намного помогли; острые коготки впились в тело несчастного, а присоски начали свою омерзительную работу. Короткие причудливо изогнутые мечи, одним из которых на глазах Конана незадолго до того перерубили шелковый платок, плавающий по поверхности дворцового прудика,

не могли причинить кошмарному пришельцу никакого вреда.

Варвар молниеносно выхватил меч, все время путешествия праздно пролежавший в ножнах и одним прыжком преодолел расстояние в несколько шагов. Оружие, выкованное из стали древних атлантов, за несколько мгновений превратило кровожадную веревку во множество отчаянно извивающихся обрубков.

Едва путешественники с облегчением вздохнули, как с другой стороны лодки начало подниматься что-то похожее на громадный клубок тины. Правда, с небольшой разницей — у этого клубка имелось множество круглых выпученных глаз, с ненавистью взирающих на людей и широкая пасть с зубами, похожими на изогнутые иглы. Под взглядом непонятого существа все тут же замерли, не чувствуя себя в силах даже пошевелиться. Все, но только не Конан, которому за свою жизнь случалось бывать и в более опасных переделках. Не теряя времени, он схватил одного из стражей и подставил под солнечные лучи золотую пластину, нашитую спереди на его доспехи. Луч отразился от полированной поверхности, упал на подводное чудовище и сразу же на месте одного из его глаз задымилась глубокая дыра. С пронзительным визгом, от которого у всех присутствующих заложило уши, чудовище скрылось в озере.

Дальнейший путь к острову прошел благополучно и путешественники уже начали надеяться, что самые большие опасности остались поза-

ди. Но когда лодка оказалась на прибрежном мелководье и до берега, казалось, было подать рукой, прямо под самым днищем что-то зашевелилось. Из воды поднялось множество тоненьких стебельков, которые, стремительно удлиняясь, начали проворно оплетать лодку и всех, кто там находился. Острое железо с легкостью могло с ними справиться, но на месте каждого срезанного стебелька тут же вырастало не менее десятка. Стражи, в панике выпрыгнувшие за борт, отчаянно крича, барахтались, пытаясь выбраться из живой сети, которая тянула их под воду, прижимая к самому дну. Лишь двое сохранили присутствие духа — Конан и придворный советник Мохсендар. Не стовариваясь, они одновременно подставили под солнечные лучи один — полированную золотую пластинку, другой — один из валявшихся в лодке щитов и сделали так, чтобы светящееся пятно упало в самую гущу оживших водорослей. От хищных растений повалили клубы бледно-зеленого пара и часть из них завяла, превратившись в подобие грязно-коричневой губки, безвольно колыхающейся на поверхности воды. Те из стебельков, которых не коснулся губительный огонь, попрятались под воду так же неожиданно, как и появились.

* * *

Не успев ступить за дворцовые ворота, отряд уже уменьшился на одного человека. Стражник, дольше остальных побывавший в смертельных

объятиях Живой Нити, не дотянул даже до берега. Жизнь покинула его, когда все пытались справиться с беснующимися водорослями. Стражи делали все возможное, чтобы не смотреть на то, что осталось от их товарища. То, что еще недавно было молодым полным сил мужчиной, стало уродливым подобием раздутого винного бурдюка. Несчастного завалили камнями и оставили на морском берегу, клятвенно пообещав вернуться и устроить ему достойное погребение.

Парадные ворота оказались заперты, поэтому Мохсендар повел отряд вдоль береговой линии и вскоре они оказались перед низенькой дверцей, еле заметной в толще стены. На двери не было ни ручки, ни замочной скважины, но стоило Мохсендару приложить к гладкой черной поверхности золотую пластинку, висевшую у него на груди, как гладкая каменная пластина медленно отъехала в сторону.

Более необычного сада Конану еще не случилось видеть. Там были прекрасные цветущие деревья, клумбы и тщательно ухоженные лужайки. Через крохотный прудик был перекинут ажурный мост, который пересекал водоем не прямо, а причудливым зигзагом, образуя несколько поворотов. На каждом повороте стояла изящная беседка, поместиться в которой смог бы лишь ребенок, которому исполнилось не более года.

В отличие от всех прочих садов, этот был разделен насыпями, наверху каждой находилась выложенная разноцветными камнями дорожка. Будь Конан один, он бы долго терялся в догад-

ках, для чего понадобилось превращать сад в подобие загона для домашней скотины.

Мохсендар сделал несколько шагов вдоль стены, уверенно свернул в сторону, раздвинув кусты, покрытые желтоватыми цветами с одуряющее-сладким ароматом, и молча указал на узкую лестницу, проделанную в толще одной из насыпей.

Поднявшись на дорожку, северянин поразился, насколько другим увидел он теперь место, которое он только что покинул. Деревья, которые возвышались теперь лишь наполовину своего роста, казались аккуратными кустарниками, цветы на клумбах сложились в узор подобный тому, который можно видеть на коврах, сотканных иранистанскими мастерицами, прудик чудесным образом превратился в силуэт летящей птицы.

— Этот сад — произведение великого мастера, равных которому нет и не будет, — продолжал нашептывать киммерийцу на ухо Мохсендар. Сорок три дня провел он на верхушке дерева, стоящего на вершине самой высокой горы королевства, обдумывая свой замысел. После этого он уединился в своих апартаментах и никто, включая особ королевской крови, не имел права тревожить его. Слуги ставили под дверь его комнаты подносы с едой и кхитайскими благовониями, аромат которых пробуждает фантазию. Когда сад был готов, король Ясин Шестой спросил, может ли он создать что-нибудь прекраснее, чем этот сад. Да, — сказал мастер, я чувствую в себе силы создать множество прекрасных садов, кото-

рые украсят мир. Хорошо, — сказал король, я желаю оказать тебе особую честь, прими это кольцо из моих рук... Амальгарус, так звали мастера садов, умер вечером того же дня, сраженный неведомой болезнью. Его величество Ясин Шестой не мог потерпеть, чтобы кто-то другой владел чем-то лучше того, что принадлежит ему...

— Скажите-ка мне лучше, есть ли здесь ловушки от непрощенных гостей или они расставлены только во дворце? — снова невежливо перебил его варвар. — Что-то все слишком легко у нас получается.

— Разумеется, есть, бесстрашный господин Конан, на каждом шагу, — ответил ему Мохсендар, чуть изогнув губы в придворной улыбке. — Мы как раз миновали одну из них. А теперь прошу вас пропустить меня вперед. Да, так и есть... Внимательно смотрите, на какие камни я наступаю, и ступайте точно по моим следам.

Конан при всей своей неистовой храбрости был вовсе не из тех, кто находит удовольствие в том, чтобы бездумно рисковать жизнью. Этот человек знает, о чем говорит, почему бы не послушать разумного совета? Поэтому могучий северянин выполнил требуемое с грацией снежного барса, обитающего в горах Северной Киммерии, ни разу не сбившись и наступая точно на нужный камушек, каким бы маленьким тот ни оказался.

Стражи последовали его примеру; все, кроме последнего, который нечаянно споткнулся и наступил не на желтую треугольную плитку, а не-

много рядом. В тот же миг целый кусок насыпи перевернулся как неплотно положенная крышка котла и отъехал в сторону. Не успев даже крикнуть, злосчастный юноша рухнул в яму, из которой торчали острые железные колья. Зоркие глаза варвара различили груды костей, виднеющуюся в самом низу. Участок тропинки вернулся на свое место, скрыв от глаз путешественников ужасное зрелище. Благородный варвар рванулся, было туда, но советник почтительно, но довольно настойчиво удержал его.

— Ему уже не помочь, бесстрашный господин Конан: колья намазаны ядом змеиного дерева. Чтобы человека настигла мгновенная смерть, достаточно лишь небольшой царапины... Надеюсь, теперь вы не жалеете, что позволили мне сопровождать вас?

* * *

Солнце уже поднялось довольно высоко над горизонтом, когда они достигли, наконец, дворцовой лестницы. Ступени ее, казалось, были предназначены для великанов; даже Конана, который намного превосходил большинство людей ростом и телосложением, неожиданно посетили воспоминания из раннего детства. Он в отцовском доме, старается залезть на широкую лавку, сколоченную еще прадедом. Отец смотрит на него, но не торопится посадить и жестом останавливает мать ... Он становится на цыпочки, чтобы заглянуть, что лежит на столе...

Спутники Конана с большим трудом преодолевали ступеньку за ступенькой. То, что представляло собой трудность для него, для малорослых уроженцев Края Медного Нарцисса оказалось почти что непосильной задачей. Стражи подсаживали друг друга, карабкались друг другу на спины как дети, которые вознамерились проникнуть в соседский сад.

— Эта лестница построена для всадников, — пояснил северянину Мохсендар, которого тот легко переставил на ступеньку выше. — Прадед его величества, которого боги не отметили высоким ростом и крепким здоровьем, предпочитал большую часть времени проводить в седле. Он возжелал даже во дворце пользоваться исключительно таким способом передвижения, но его августейшая супруга воспротивилась и его величеству пришлось довольствоваться парадными носилками.

— Неужели нет более удобного пути? — недовольно поинтересовался варвар. — Не можем же мы копать тут целый день.

— Мне известны четыре потайных хода, — ответил ему советник, преодолевая еще одну ступеньку. — Сколько их на самом деле, не знает никто. Дело в том, что мне неизвестно, какие сюрпризы могут поджидать там непрошенных гостей. Даже мне, выросшему в Священном дворце, не могут быть ведомы все его тайны.

Конан немного удивился когда, вместо того, чтобы войти в одну из гостеприимно распахнутых створок двери, они свернули в сторону.

— Самый короткий путь далеко не всегда является самым верным, — важно произнес Мохсендар. Мы войдем с другой стороны, через Ползающие Дворы... и да помогут нам боги!

Объяснения были излишни: пройдя мимо парадного входа, откуда, несмотря на жаркую летнюю погоду, тянуло холодом и сыростью, Конан ощутил, как из темноты на него веет ужасом, способным заledenить кровь даже самого храброго человека. В дворцовом вестибюле находилось нечто такое, встречи с чем лучше избежать. Тем более что это было вовсе не то зло, о котором упоминала высокородная заказчица и о котором так настойчиво напоминал не в меру болтливый советник.

— Охранный дух, созданный одним из величайших магов прошлого, вышел из повиновения, — снова пояснил вполголоса советник. — Он не может покинуть это помещение, но уничтожит всякого, кто будет настолько безрассуден, чтобы войти туда. Неважно кто будет перед ним — слуга, стражник или особа королевской крови. Поэтому на заседании Королевского совета было решено оставить все как есть. С той стороны дверь в вестибюль заложена особым заговоренным камнем...

— Лучше расскажите мне, о каких еще ползающих дворах вы упоминали? — перебил его Конан, от всей души сожалея, что не может встретиться с магом, который нагородил вокруг дворца все эти смертоносные головоломки. Воспитанные с детства взгляды уроженца Северной

Киммерии и опыт самого знаменитого вора Шадизара пробудили в нем сильнейший гнев против подобного коварства. Но что толку обращать свой гнев против того, кто умер много лет назад? Поэтому Конан благоразумно предпочел вслушиваться в восторженные речи своего проводника. Мохсендар восхищался Священным дворцом так, будто тот был построен специально для него или как будто все начиняющие его загадки и ловушки были плодом его разума.

— Ползающие дворы были построены очень давно, при Наимасане Разумном, — охотно откликнулся собеседник. — Это своего рода символ вечного движения и обновления мира. Мудрецы древности считали, что те, кто проведет некоторое время в подобном месте, преисполнятся вселенской гармонии... Только они могут не отпустить нас, пока сами не захотят! — закончил он с некоторым страхом. — Ползающие дворы обладают собственным разумом; если они сочтут, что нашим душам недостает единения с вселенской гармонией... Сейчас вы все увидите своими глазами... только бы они сегодня не захотели загадывать нам свои загадки!

Тем временем путешественники приблизились к довольно высокому забору, сделанному из аккуратно связанных между собой стеблей тростника. Пройдя в низкую калитку, они оказались в небольшом пространстве, огороженном забором со всех сторон. Здесь ничего не было — только серая пыльная земля, на которой для чего-то провели множество волнистых линий, каж-

дая из которых повторяла узор другой, немного его сглаживая. Напротив виднелся проход, через который они попали в следующий двор, потом еще в один... Дворы были похожи между собой, даже примерно одинаковой величины, но в то же время в каждом было что-то, отличающее его от всех прочих. Посреди одного лежало несколько круглых желтоватых камней, похожих на головы великанов, в углу другого виднелся крохотный прудик.

Вскоре всем начало казаться, что они провели в этом странном месте, по меньшей мере, несколько лет и проведут здесь всю оставшуюся жизнь. Когда один из стражей случайно наткнулся на мелкую монету, которую выронил несколько дворов назад, путешественники заметно пали духом.

Они устроились на отдых в одном из дворов, посреди которого стояла арка из ослепительно-белого резного камня. Мохсендар, устроившись поодаль, принялся что-то чертить на земле. Бесшумно приблизившись, Конан увидел перед собой не что иное, как план какого-то помещения.

Занимаясь ремеслом охотника за ценностями, он навидался таких рисунков более чем достаточно. Знания, полученные в городе воров, а также необычайно острая интуиция и варварская хитрость подсказали киммерийцу то, что с его точки зрения было более чем очевидно.

— Вот здесь должна быть дверь. — И, протянув руку через плечо испуганно подпрыгнувшие

го советника, Конан стер пальцем кусочек одной из линий. — Это что за план, дворцовые покои?

— Нет, — ответил Мохсендар, с трудом оправившись от испуга. — Я пытаюсь воспроизвести по памяти расположение Ползающих Дворов. Хотя я прекрасно понимаю, что любые попытки обречены на неудачу: дворы изменяются по своему усмотрению подобно облакам в ветреный день... Дверь? Мы только что миновали этот двор, там находился пустующий постамент с надписью «идеальный человек» на одном из древних офирских диалектов. Но там не было иных проходов кроме тех, двух, которыми мы воспользовались.

— Сейчас посмотрим, — улыбнулся ему Конан. — А если прохода и вправду там не окажется — сделаем его сами!

— Как можно, господин Конан, — забормотал вконец перепуганный советник. — Гнев богов падет на наши головы...

— Главное — цель, а цель у нас священная, — повторил хитроумный северянин случайно услышанные слова одного странствующего жреца.

Хитрость возымела действие и отряд вернулся во двор, где должна была отыскаться нужная дверь. Правда, то дороге туда, им пришлось пересечь только три неправильных прямоугольника, огороженных тростниковым забором, теперь же они миновали шесть. Откуда появилось еще три двора, так и осталось загадкой.

Внимательно осмотрев нужную стену, варвар заметил, что на одном ее участке веревка, свя-

зывающая высохшие желтоватые стебли, немного отличалась по цвету и была менее истрепанной, чем та, которая удерживала тростник на остальном пространстве стены.. Не тратя времени на лишние разговоры, Конан уперся в стену плечом. Несколько пучков тростника тотчас же вывалились на ту сторону, открыв изумленным взорам уже начавшим терять надежду путешественников дорогу, ведущую прямо к дворцу. Небрежно пожав могучими плечами в ответ на хор восторженных голосов, северянин направился вперед по шестиугольным бледно-зеленым плиткам. Когда последний из стражей выбрался из пролома и они отошли от коварных дворов на довольно большое расстояние, любознательный варвар уступил внезапно возникшему желанию и оглянулся назад. Ограда снова была целой; от дыры, через которую они только что пролезли, не осталось и следа.

* * *

Через одну из дверей, предназначенных для прислуги, они попали сперва в коридорчик, завешанный гобеленами, а затем в один из залов анфилады первого этажа. Несмотря на то, что снаружи царил нестерпимый зной, здесь было прохладно как в глубоком подземелье. Окна, забранные ажурными решетками, искусно выточенными из светлого камня, не позволяли солнцу проникнуть вовнутрь. Время от времени по залам со звуком, напоминающим еле различ-

мый шепот множества голосов, проносился холодный сквозняк, заставляя шевелиться занавески, колыхаться драпировки на стенах и сжиматься сердца путешественников от неясных, но весьма недобрых предчувствий.

Конан в отличие от остальных, не отвлекался на подобные пустяки, хотя он, как и все прочие, напряженно вглядывался и вслушивался, готовый встретить любую опасность. Но ничего, что было бы воспринято им как сигнал тревоги, северянин не ощутил; магией здесь тоже не пахло. Небрежно окинув взглядом интерьер дворцовых покоев, варвар мысленно отметил следы некоторого запустения. То тут, то там на поверхности драгоценной мебели или на крышке мозаичного столика можно было увидеть легкий налет пыли, рамы картин и длинного узкого зеркала носили на себе следы сырости, цветы в расписной кхитайской вазе бессильно повесили головки.

Советник на каждом шагу успешно подтверждал свою репутацию знатока Священного дворца. В первом из залов он нажал в одному ему известном порядке несколько кусочков мозаики на полу, в следующем повернул в другую сторону хвост собаки из барельефа, изображающего сцену удачной охоты... Некоторые из ловушек Конан успевал заметить за несколько мгновений до того, как Мохсендар подходил к ним, чтобы привести их в бездействие, некоторые даже для него были в новинку.

Сначала все шло гладко, пока в зале с витыми колоннам из матового зеленого камня не про-

изошло нечто неожиданное. Не успели они ступить на мозаичный паркет солнечного дерева, как стрела в несколько раз длиннее и тяжелее обычной со свистом выскочила из потайного отверстия и пригвоздила к стене самого молодого из стражей, который немного выдвинулся вперед, пытаясь разглядеть портрет темнокожей женщины, висевший напротив входа. Механизм, которым не пользовались более ста лет, сработал по совершенно непонятной причине. Нет, следов колдовства здесь не ощущалось, зато присутствовал явственный запах мускуса, но не такого, каким пользуются султанапурские красавицы, чтобы завоевать сердце мужчины, а совсем другой, с пряным горьковатым оттенком дикого зверя...

* * *

Еще двоих отряд стражей потерял на втором этаже, в зале, который известен под названием зала двух сестер. Вездесущий советник успел рассказать Конану, что такое название было дано в честь двух принцесс, которые прервали жизнь друг друга, не поделив между собой сердце юноши, вероломно испытывающего склонность к ним обеим. Черная и белая плиты, виднеющиеся на полу по обе стороны от широкой полосы, украшенной мозаичным изображением офирского чертополоха, — пояснил Мохсендар, — символизируют сестер, не пожелавших помириться даже после смерти.

Ничего не предвещало опасности, но, стоило

одному из стражей ступить на узорную мозаичную полосу, проходящую вдоль всего зала, как принцессы поступили на удивление дружно. Распавшись на две части, полоска ушла из под ног юноши, открыв зловещий провал. Каменные квадратики, которыми был выложен пол в центральной части зала, вдруг встали дыбом подобно торосам на северной реке, когда холод снова вступает в свои права после небольшой оттепели. Страж рухнул, было, вниз, но успел схватиться за край и повис на нем, умоляюще глядя на остальных.

Второй бросился выручать его, но одна из плит под ним покачнулась и тот рухнул прямо на своего товарища, увлекая его вниз и падая следом за ним. Крики их замерли глубоко внизу.

— Нет, этого не может быть, — прошептал Мохсендар, становясь блее офирского мрамора. — Эти ловушки не работают; я сам, своими глазами видел, как их остановили навсегда.

Но это был еще не конец. Голова стоящей напротив входа статуи, изображающей молодую женщину с зеркалом, начала медленно поворачиваться, пока не застыла в немыслимом для живого человека положении.

Все замерли, пораженные жутким зрелищем, но тут Конан, слух которого был во много раз более чутким, чем у любого другого человека, удивленно поднял голову к потолку. На них медленно и неотвратно спускался потолок. Точнее говоря, только центральная его плита, но и этого было бы достаточно, чтобы прихлоп-

нуть их всех как усатых красных жуков, которые отчего-то любят селиться всюду, где живут люди.

Не раздумывая, северянин сгреб в охапку тщедушного советника и одним могучим прыжком одолел расстояние до входа в следующую комнату. Двери из светлого дерева, обильно украшенного позолотой, по всей вероятности, были заперты, но даже они не смогли устоять перед яростным напором варвара. Одна из створок распахнулась, демонстрируя выломанный замок, другая жалобно повисла на одной петле. Оставшиеся не замедлили последовать примеру северянина. Последний выскользнул наружу, проделав несколько шагов, согнувшись в три погибели. Как только в зале не осталось ни одного человека, потолок, как ни в чем не бывало, вернулся на свое место, а голова статуи заняла подобающее ей положение.

— Ну и где это ваше зло, которое поело всех слуг и придворных? — поинтересовался киммериец, осторожно ставя немного придушенного Мохсендара на пол после того, как они, наконец, остановились, вихрем проскочив несколько комнат. — Мы что, так и будем весь день возиться со сломанными ловушками от воров? На месте хозяина я бы велел выпороть того, кто отвечает за все эти механизмы. В доме любого захудалого купца и то больше порядка!

* * *

Отряд, состоящий теперь из пяти стражей, Конана и Мохсендара, упорно продвигался к месту, ведомому лишь одному советнику.

На первые свидетельства того, что проникшее во дворец чудовище не было плодом фантазии, они наткнулись, поднявшись по узкой винтовой лестнице. Комната, которая, по всей вероятности служила залом для малых приемов, приобрела на удивление отталкивающий вид. Стены из полированного белого камня были заляпаны бурными потеками засохшей крови, а по всему помещению валялось то, что осталось от нескольких слуг. Щеточка для сметания пыли была все еще зажата в руке одного из них, валявшейся посреди ковра отдельно от всего остального.

Даже Конан, который поучаствовал во множестве сражений и был свидетелем множества гораздо более ужасных смертей, ощутил, нелепость того, что произошло здесь. Эти люди всего-навсего выполняли свою работу и, будь они даже отъявленными лентяями, они не заслужили такого ужасного конца. Хотя есть множество способов закончить жизнь гораздо более нелепым способом. Как, например, тот гладиатор родившийся в одном из Черных королевств. Победив множество более сильных и искусных противников, он поперхнулся куском мяса на трапезе, устроенной в его честь...

В коридорчике, неподалеку от лестницы, ведущей на узкую галерею, опоясывающую один из следующих залов, на полу одиноко стоял светильник, в котором давно выгорело все масло и

ловушка для грызунов с нетронутой приманкой. Ее так и не успели донести до предназначенного ей места.

Ощущение опасности заметно усилилось и это уже чувствовал не только Конан. Но, сколько он ни вслушивался, он не смог различить звуки, которые неизменно сопровождают передвижение всякого живого существа — ни шагов, ни звука дыхания. И вместе с тем опасность была — она следовала за ними по пятам, ни на шаг не отставая и, казалось, следя из темных углов множеством внимательных глаз.

Покидая тронный зал одного из почивших императоров, путешественники обнаружили, что число стражей снова уменьшилось. Низенький толстяк, который, желая поднять настроение товарищам, шепотом сыпал анекдотами, более уместными в казарме наемников, чем во дворце, бесследно исчез. Вернувшись, они старательно обшарили каждый уголок, проверили каждую плитку пола, нет ли там коварно расположенного колодца, попытались отодвинуть каждую из деревянных панелей, не скрывается ли за ней потайной ход. Но страж как будто растворился в воздухе.

За одной из панелей неожиданно обнаружилась ниша. Там находился прикованный к задней стене скелет рослого мужчины. Давно умерший узник лежал на полу, вытянув руку по направлению к тарелке драгоценного ххитайского фарфора, полной засохшей пищи. Расстояние между кончиками его пальцев и тарелкой было

таким маленьким... Они задержались перед ним, шепча молитвы на незнакомом Конану языке и уже двинулись дальше, когда один из стражей, вероятно, желая проявить хотя бы запоздалое милосердие, ногой пододвинул тарелку, чтобы она оказалась рядом со скелетом.

В этот момент раздался не то стон, не то вздох, преисполненный нечеловеческой тоски. Вслед за этим Конан и его спутники ясно услышали, высокий мужской голос: «бойтесь розового коридора, это смерть»! Оглянувшись, они не обнаружили никого, кто мог бы произнести эти слова: они по-прежнему были единственными живыми людьми в этом дворце, полном опасных загадок. Одни, если не считать чудовища, уничтожить которое было необходимо до дня, предназначенного для церемонии.

— Что это еще за розовый коридор? — спросил Конан. — И чем он может быть так опасен?

Мохсендар вопреки своему обыкновению постарался уйти от прямого ответа. Зато он принялся в красках рассказывать историю гибели вельможи, нашедшего такой бесславный конец за стеной тронного зала. Конан, которого нелегко было сбить с толку, прервал рассказчика на самом интересном месте и потребовал сообщить, возможно ли проникнуть туда, куда они направляются как-нибудь по-другому, не через розовый коридор. Нет, никакая опасность не страшилась его, но даже самая отчаянная безудержная храбрость не должна исключать присутствие здравого смысла. К тому же те, кого навязали

ему в спутники, вряд ли стоят чего-нибудь как воины, несмотря на все навешанные на них металлические зеркала.

Но один из обходных путей оказался завален обломками рухнувшей лестницы, дверь, ведущая в другую, так и не открылась, несмотря на все усилия Конана, вооружившегося для этой цели довольно массивной бронзовой статуей.

Поэтому всем пришлось вернуться в малый тронный зал, а оттуда, миновав несколько личных королевских комнат, направиться в розовый коридор, куда идти им так настоятельно не советовали.

Бросив взгляд на узника в нише, Конан заметил, что скелет теперь лежит на спине, сложив руки в самой умиротворенной позе, а тарелка непонятным образом опустела. Северянин не стал обращать на это внимание своих спутников; нет нужды тревожить лишний раз тех, чьи нервы и так напряжены до предела.

Возобновив расспросы о коридоре, он добился очень немногого.

Один из королей, самолично создавших его, питал сильнейшее пристрастие к запретной магии. Только он один мог безо всякого риска для себя пользоваться этим коридором, но это было очень много лет назад, за это время колдовство, разумеется, уже выдохлось и к тому же это самый удобный путь к цели. Зато насчет ловушек для воров можно быть совершенно спокойным — там нет ни одной и никогда не было. Хо-

зиян коридора испытывал сильнейшее отвращение к механизмам любого рода.

* * *

Казалось, они шли не по дворцовому коридору, а находились внутри одного из туннелей, непонятно зачем прорытых в горах Северной Киммерии древним народом. Здесь не было ни одного окна и ни одного, самого крохотного светильника, но, тем не менее, на темноту невозможно было пожаловаться. Казалось, это светились сами стены, отделанные странным бледно-розовым веществом, не похожим ни на один из материалов, которыми обычно пользуются для отделки человеческого жилища. Стены были теплыми; казалось, стоит дотронуться до них — и ощутишь, как они дышат. Пол немного пружинил под ногами, вызывая у Конана неприятные воспоминания о том, как выглядит поле сражения на следующий день после битвы.

Осторожно ступая, они достигли уже почти середины коридора, как вдруг начальника отряда стражей, который замыкал шествие, обуяло неуместное любопытство. Желая узнать, из чего все-таки сделаны стены странного коридора, он остановился, и, невзирая на предостережения остальных, достал нож с длинным узким лезвием и провел им по стене. Бледно-розовый материал распался, как если бы это была живая плоть, из разреза капнула громадная капля белесой жидкости похожей на смолу фиолетового

офирского мирта. Вслед за этим стены и пол под ногами вздрогнули, как будто судорога прошла по всему коридору. Путешественники с ужасом заметили, что расстояние между стенами резко уменьшилось и продолжало уменьшаться с ужасающей быстротой. Не теряя времени, все устремились к выходу, до которого было еще довольно далеко. На полу непонятно отчего выступила та же клейкая жидкость, что продолжала сочиться из пореза на стене. Люди изо всех сил торопились, в то же время чувствуя, что каждый шаг дается им все труднее и труднее. Еще немного и они увязнут здесь как насекомые, неосторожно севшие на середину цветка-ладони, который, если верить рассказчикам, растет на болотах Бритунии.

Вдруг стенки перед бегущими сомкнулись подобно створкам раковины, наглухо отрезая им путь к спасению. Не растерявшись, Конан выхватил меч и взмахнул им в одном из своих любимых движений. Мастер из Вендии, который когда-то учил гладиаторов боевому искусству, назвал это «осенний перелет птиц»... Стенка коридора с каким-то влажным чавканьем распалась, образуя дыру, достаточно широкую, чтобы через нее можно было выбраться на свободу. Весь коридор трясся как в болотной лихорадке, отверстие пульсировало, изо всех сил стараясь сжаться и закрыться вовсе, но благородный варвар изо всех сил держал его подобно одному из героев древности и не отпустил, пока Мохсендар и остальные его спутники не выбрались наружу.

Но, едва стенки сомкнулись, как из глубины коридора раздались жалобные крики. Это тот, чье любопытство послужило причиной всего этого ужаса, застрявший на расстоянии всего несколько локтей от остальных, умолял освободить его и клялся, что отныне он никогда... больше никогда... Но Стоило Конану снова попытаться освободить его тем же способом, как коридор, который снаружи был похож на исполинскую кишку, сжался и крики замолкли. Любопытный, которого после долгих усилий извлекли наружу, более всего походил на муху, спеленатую паутиной и оставленную пауком про запас. И жизни в нем осталось не больше чем в паучьих объедках.

Но предаваться печали, позабыв обо всем остальном, оказалось преждевременным; положение оставшихся было немногим лучше. Люди стояли, прижавшись к шершавой каменной стене в тесном узком пространстве, посреди которого изгибался и ходил ходуном розовый коридор подобно телу гигантского червя, нечаянно съевшего что-то ядовитое. Сияние его стенок постепенно меркло, становилось все темнее и темнее и страх помимо воли начал проникать в души тех, кто вовсе не считал себя трусами. Но Конан, который видел в темноте не хуже снежного барса, не испытывал никакого беспокойства. Он приказал каждому схватиться за пояс идущего впереди, а Мохсендару взять за пояс его самого. Вслед за киммерийцем отряд начал осторожно продвигаться вдоль стенки. Через некоторое время путь им преградила еще одна стена, с кото-

рой соединялось то, что называлось розовым коридором. Велев остальным неподвижно стоять на месте, Конан извлек из своего мешка моток крепкой веревки и бесстрашно полез в узкое пространство между полом и изгибающейся трубой. Обвязав ее со всех сторон, Конан наглухо связал скользкую извивающуюся кишку и одним мощным движением оторвал ее от стены. ...Никто из спутников киммерийца не мог и предположить, что способен испытать такую радость от вида самой обыкновенной арки, ведущей в коридорчик, соединяющийся с парадным залом.

* * *

Но у самого входа в залу они вслед за Мохсендаром резко свернули направо, а потом вошли в крохотную неприметную дверь, расположенную в одной из ниш.

— Мы почти у цели, — сообщил, наконец, советник. Осталось совсем немного — через зал богов и великанов, а затем туда, где находится одно из величайших чудес света...

— А чудовище? — поинтересовался киммериец, который давно уже почуял неискренность в словах своего собеседника. А своей интуиции он привык доверять.

— Чудовище? Да, разумеется, именно за этим мы сейчас здесь. Только сначала нужно взять одну очень важную вещь. Без нее ничего не может состояться и, насколько мне известно, именно я решаю, каким путем нам следует идти.

Ни слова не говоря, варвар двинулся следом за ним. Устраивать ссору здесь, в заброшенном дворце, когда жизнь каждого из них и так в опасности — что может быть более неразумным? Ему нет никакого дела до всех этих дворцовых интриг, но горе тому, кто вздумает обмануть его и дело здесь вовсе не в деньгах... Он должен избавить обитателей дворца от некоего опасного существа. Во что бы то ни стало, он сделает это и получит причитающееся ему золото. А если некоторые испытывают желание менять планы по несколько раз на день, это вовсе не его забота.

На пороге зала, роспись которого повествовала о произошедшей еще до начала времен битве, произошедшей между богами и великанами, вошедшие застыли, затаив дыхание как будто весь остальной мир для них перестал существовать. Разумеется, исключая Конана, которого даже во сне невозможно было застать врасплох..

Потолок зала представлял собой рушащийся каменный свод, через дыры которого врываются молнии, клубы дыма и порывы ураганного ветра. В самом большом проломе виднелась летучая колесница, которую везли прекрасные, едва одетые женщины. Стоящий на ней мужчина с лицом, исполненным благородного негодования, метал руками молнии в находившихся внизу.

То, что было нарисовано на стенах, впечатляло не меньше. Казалось, они были сложены из мощных каменных блоков, которые вот-вот должны разлететься под напором чудовищного вихря. Мускулистые гиганты — мужчины и женщи-

ны — лица которых были искажены гневом и отчаянием, изо всех сил удерживали готовые рухнуть своды и арки, подпирали колонны, бесильно грозя кулаками вверх. Некоторые уже проваливались в подземное царство вместе с остатками своего убежища, продолжая выкрикивать что-то угрожающее.

«Да, славные были воины, — подумал Конан. — Вот что значит биться до последнего». Взглянув еще раз наверх, он мысленно отметил, что богини, везущие колесницу, вовсе не вызывают у него желания любоваться их красотой не говоря уже о большем. Война не женское занятие, к тому же нет никакой доблести победить того, кто во много раз уступает тебе в силе...

Услышав тихое едва различимое слухом обычного человека шуршание, варвар стремительно обернулся, отпрыгивая в сторону и выхватывая меч, но было уже поздно. Нечто, похожее на щупальце спрута-хамелеона, обитающего в глубинах моря Вилайет, в мгновение ока схватило стоявшего рядом с Конаном стража и потащило его по коридору. Тот бессильно колотил по полу руками и ногами, делал отчаянные усилия, чтобы схватиться за колонну или барельеф, но щупальце стремительно протаскивало его мимо. Конан бросился вперед, желая перерубить его, но меч только выбил искру, встретившись с каменным полом. Стремительная размытая тень добралась до глухой стены, которой заканчивался коридор, мелькнула наверх, чуть задержалась среди лепных украшений на карнизе... Не помня

себя от ярости Конан хотел полезть вслед за похитителем прямо по гладкой стене, но к немалому его удивлению, советник остановил его.

— Не нужно, господин Конан, ему уже не можешь, а мы пока что не выполнили главного и не можем задерживаться. Скоро зайдет солнце и тогда одним богам известно, что здесь может происходить. А самое печальное, что тогда у нас не будет возможности посоветоваться с зеркальным оракулом. Только он может нам сказать, куда следует идти в поисках... этой вещи.

Конан нахмурился; любезный собеседник падал в его мнению все больше и больше. Его подчиненного только что унесла и возможно уже сожрала неведомая тварь, а его это, судя по всему, ничуть не расстроило. Не желая устраивать ссору, варвар ограничился нарочито простодушным замечанием:

— Но вы же сказали, что выросли здесь и знаете расположение дворцовых покоев как свои пять пальцев.

— Именно так — иронично улыбнулся в ответ собеседник. — Но речь идет о совершенно особых комнатах. Не стану утруждать вас подробностями из области тонкой механики, но лишь зеркальный оракул может указать верный путь.

— Если мы точно знаем, что нужная вещь лежит в одной из комнат — заглянем в каждую и найдем ее в конце концов, — рассудительно заметил северянин. Сколько бы их ни было, все равно мы сможем заглянуть в каждую.

— Особенно если учесть их количество, — снова улыбнулся Мохсендар, — их столько же, сколько дней в году. К тому же не во все из них можно войти, не зная зеркального слова-ключа, которое может подсказать лишь оракул. Речь идет о колесе вращающихся комнат, но все это не так важно. Сперва нужно благополучно миновать зеркальную галерею. Каждое зеркало в ней может таить в себе опасность, — продолжил он, обращаясь уже ко всем. Они могут отражать как то, что существует на самом деле, так и ваши тайные страхи и желания, которые вы скрываете даже от самих себя. Зеркала имеют способность поднимать все самое скверное со dna человеческих душ... Тот, кто хоть на мгновение задержится перед одним из них, может пенять только на себя.

И не оборачиваясь, он быстро зашагал вперед. Бросив взгляд за окно, где солнце висело уже почти над самой дворцовой стеной, Конан последовал за ним, сопровождаемый последними тремя стражами.

* * *

Убранство галереи также поражало роскошью. Длинные узкие зеркала красовались друг напротив друга в позолоченных резных рамах, между которыми плотно друг к другу висели многоцветные вышивки, которыми славятся мастерицы Иранистана и Султанапура. Потолок был искусно расписан цветочными гирляндами,

которые соединяли находящиеся напротив друг друга зеркала подобно аркам в саду коринфской аристократки.

В дверях Конан жестом велел стражам идти впереди него. Он лучше остальных сможет встретить любую опасность, гораздо лучше этих растяп, которые из-за своей глупости гибнут один за другим.

Барвар мягко ступал по мозаичному полу, стараясь не упускать из вида все, что творится вокруг. Когда-то давно одна из его случайных подружек, черноволосая заклинательница химер долго объясняла любознательному северянину, что женщины от рождения наделены умением замечать все, что находится сбоку от них, не поворачивая головы. Это очень полезно, объясняла она, ведь только так можно отличить истинно существующее от того, что может оказаться всего-навсего иллюзией. Насчет того, что мужчины лишены возможности преуспеть в этом искусстве, она оказалась не совсем права, во всяком случае, в отношении Конана. Киммериец имел достаточно возможностей и причин овладеть этим умением, одинаково полезным и для гладиатора и для охотника за ценностями.

Некоторые зеркала, стоило украдкой взглянуть на них, в самом деле отличались от других — если остальные были всего-навсего стеклами, то эти казались дверями, ведущими в другой мир, бездной, в которую так и хочется заглянуть. В одних зеркалах северянин замечал свое отражение, в других мелькали картины, не име-

ющие ничего общего с тем, чему положено отражаться в обыкновенном зеркале. Впрочем, северянин предпочитал не всматриваться. Трусости не было места в его сердце, просто ко всему, что было создано при помощи колдовства, он испытывал сильнейшее отвращение.

Внезапно один из стражей, который был больше похож на девушку, ради шутки надевшую мужской костюм, застыл, глядя в зеркало, а потом с криком: «Предатель, ты все-таки сделал это!» выхватил кинжал и бросился на ничего не подозревающего товарища. Не успели остальные остановить безумца, как тот отправился вслед за своей жертвой. Последний оставшийся из всего отряда дворцовой стражи проделал весь путь до выхода из галереи закрыв глаза и крепко вцепившись в одежду Конана.

* * *

Пройдя через несколько залов, гостиных и комнат для малых приемов, они остановились на пороге небольшой, по меркам дворца, комнаты, стены и потолок которой были обшиты темным резным деревом. Взглянув на них, Конан почувствовал, что не испытывает никакой симпатии к хозяину покоев, кем бы он ни был. Тонкая искусная резьба изображала не обычный для дворцового помещения орнамент из цветов и фруктов, не охотничьи или даже любовные сцены. Отовсюду на него угрожающе смотрели, косились, скалились разнообразные существа, один

вид которых должен вызвать страх и отвращение у любого, кто руководствуется разумом и здравым смыслом. Миниатюрные горгульи взирали на вошедших как бы размышляя, что бы такого с ними такого сотворить, существа, обладающие телом женщины и омерзительными ни на что не похожими головами, угрожающе растопыривали крылья, увенчанные длинными острыми когтями. Здесь был гигантский кракен, который заглатывал стоящих перед ним людей одного за другим, причем, остальные почтительно склонившись, ждали своей очереди. Рядом виднелось изображение молодого мужчины, поражающее красотой и совершенными пропорциями. Гармонию разрушал лишь рог, который рос у него прямо из середины лба. Ближе к громадной кровати под выцветшим шелковым балдахином, которая составляла единственный предмет мебели, во всю стену красовалась сцена отвратительной оргии, исполняемой теми же отвратительными существами.

Чутье подсказало варвару, что не следует безрассудно идти вперед, позабыв о всякой осторожности. Удержав любопытного стража, он присел на корточки и принялся внимательно вглядываться в немного потускневший пол из узорных квадратов. Примерно то же самое испытывает обычно путник, остановившийся на краю бездонной трясины. Будь я один, — размышлял про себя киммериец, — было бы гораздо удобнее и безопаснее пересечь эти покои, перелезая по стенам и ни в коем случае не ступая

на пол. Хотя, нет, стены здесь также не внушают доверия. А что скажет об этом знаток и страстный любитель дворцовой архитектуры?

— Покои королевы Северины, — прошептал Мохсендар, печально опустив глаза, — одно из самых опасных мест во всем дворце. Единственный путь к зеркальному оракулу лежит через них. Каждый год перед началом церемоний придворному магу удавалось задобрить дух королевы и она милостиво позволяла проследовать через ее личные комнаты. Но после его гибели такое вряд ли возможно. Не так легко найти замену: никто из тех, кто достаточно сведущ в магическом искусстве, не откликнулся на приглашение королевского двора. Лишь один взял на себя труд прислать ответное письмо, но лишь для того, чтобы в достаточно непочтительной форме сообщить, что считает службу при дворе столь небольшого государства недостаточно почетной для себя, а оплату — недостаточно высокой...

— А что требуется, чтобы задобрить покойную королеву? — деловито поинтересовался Конан, заметив про себя, что уж с женщиной-то он всегда сможет договориться, особенно если она окажется к тому же молода и красива.

Как бы угадав его мысли, Мохсендар спокойно ответил, как если бы речь шла о самых обыкновенных вещах:

— Ей нужны мужчины — молодые, полные сил и достаточно привлекательные с виду. Сюда, в парадную спальню, много лет подряд приводили преступников, осужденных на смерть. Наив-

ные, они полагали, что смогут выжить или что переход в иной мир будет для них более легким и приятным чем при... обычных способах. Утром на этой кровати находили лишь безжизненную мумию; это служило знаком, что на время необходимое для церемоний путь свободен. Те же, кто пытался проникнуть сюда без позволения, бесследно исчезали, так же как многие, кто пользовался расположением королевы при ее жизни...

— Значит, ловушки и прочие сюрпризы, — задумчиво произнес Конан. — Но вам все это должно быть известно?

— Все, что может ожидать в этих апартаментах непрошенного гостя, известно лишь самой королеве Северине. К несчастью даже ее наследник, принц Хольдерам, не смог обнаружить никаких записей, касающихся внутреннего устройства покоев. Все, кто принимал участие в их обустройстве, разумеется, сразу же после этого умерли. Сохранились лишь обрывочные рассказы старых слуг, которым удавалось что-то случайно узнать.

Тот, кто лишился расположения королевы, на следующее утро, мог запросто провалиться в бездонный колодец, который внезапно разверзался под его ногами, мог быть раздавлен опускающимся потолком вроде того, который мы уже... наблюдали. Несчастный мог заснуть на королевском ложе, уверенный, что у него впереди жизнь полная удовольствий. Незадолго до рассвета на него опускался тяжелый балдахин...

Те же, интерес к кому еще не угас, не могли по своей воле покинуть эти покои. Один гладиатор из глупого упрямства не пожелал делить ложе с королевой Севериной, даже после того, как она купила его. Рассказывают, что оставшуюся часть жизни он провел в клетке, поставленной в одной из задних комнат в обществе таких же несчастных. Подробности, которые мне довелось услышать позднее, чересчур ужасны и отвратительны, чтобы подробно останавливаться на них.

После ее смерти, которая наступила в весьма почтенном возрасте из-за чрезмерного пристрастия к... удовольствиям, покои королевы содержались в порядке, как и все прочие апартаменты покойных королей. Первое время она кое-как мирилась с тем, что в ее личные комнаты кто-то заходит. Но после того, как один из слуг позволил себе неслыханную дерзость, присев на ее кровать, она оставила довольно красноречивое послание... Ее величество Северина умерла задолго до моего появления на свет, но в старых летописях говорится, что она была прекраснее весеннего дня и развратнее самой распущенной девки.

— Неужели развратнее? — раздался насмешливый женский голос.

Испуганно обернувшись, путешественники увидели, что в комнате они больше не одни. Посреди кровати, которая мгновение назад была совершенно пустой, на покрытых пылью шелковых покрывалах, полулежала женщина, казалось, только перешагнувшая порог молодости.

ные, они полагали, что смогут выжить или что переход в иной мир будет для них более легким и приятным чем при... обычных способах. Утром на этой кровати находили лишь безжизненную мумию; это служило знаком, что на время необходимое для церемоний путь свободен. Те же, кто пытался проникнуть сюда без позволения, бесследно исчезали, так же как многие, кто пользовался расположением королевы при ее жизни...

— Значит, ловушки и прочие сюрпризы, — задумчиво произнес Конан. — Но вам все это должно быть известно?

— Все, что может ожидать в этих апартаментах непрошенного гостя, известно лишь самой королеве Северине. К несчастью даже ее наследник, принц Хольдерам, не смог обнаружить никаких записей, касающихся внутреннего устройства покоев. Все, кто принимал участие в их обустройстве, разумеется, сразу же после этого умерли. Сохранились лишь обрывочные рассказы старых слуг, которым удавалось что-то случайно узнать.

Тот, кто лишился расположения королевы, на следующее утро, мог запросто провалиться в бездонный колодец, который внезапно разверзлся под его ногами, мог быть раздавлен опускающимся потолком вроде того, который мы уже... наблюдали. Несчастный мог заснуть на королевском ложе, уверенный, что у него впереди жизнь полная удовольствий. Незадолго до рассвета на него опускался тяжелый балдахин...

Те же, интерес к кому еще не угас, не могли по своей воле покинуть эти покои. Один гладиатор из глупого упрямства не пожелал делить ложе с королевой Севериной, даже после того, как она купила его. Рассказывают, что оставшуюся часть жизни он провел в клетке, поставленной в одной из задних комнат в обществе таких же несчастных. Подробности, которые мне довелось услышать позднее, чересчур ужасны и отвратительны, чтобы подробно останавливаться на них.

После ее смерти, которая наступила в весьма почтенном возрасте из-за чрезмерного пристрастия к... удовольствиям, покои королевы содержались в порядке, как и все прочие апартаменты покойных королей. Первое время она кое-как мирилась с тем, что в ее личные комнаты кто-то заходит. Но после того, как один из слуг позволил себе неслыханную дерзость, присев на ее кровать, она оставила довольно красноречивое послание... Ее величество Северина умерла задолго до моего появления на свет, но в старых летописях говорится, что она была прекраснее весеннего дня и развратнее самой распущенной девки.

— Неужели развратнее? — раздался насмешливый женский голос.

Испуганно обернувшись, путешественники увидели, что в комнате они больше не одни. Посреди кровати, которая мгновение назад была совершенно пустой, на покрытых пылью шелковых покрывалах, полулежала женщина, казалось, только перешагнувшая порог молодости.

сти и неспешно приближающаяся к расцвету жизненных сил и красоты. Вид ее поражал удивительной гармонией: даже мраморные статуи, украшающие лестницу храма богини красоты в столице Гипербореи казались бы рядом с ней жалкими замухрышками. Волосы цвета старого золота, удивительно яркие голубые глаза и рот, уголки которого поднимались вверх подобно рогам туранского лука, приковывали взгляд, вызывая желание любоваться ими всю оставшуюся жизнь и несколько последующих.

Под полупрозрачным пеньюаром цвета закатного неба над Рабирийскими горами угадывалась фигура, соблазнительнее которой Конану не случилось видеть ни у одной из танцовщиц и ни у одной из обитательниц веселых домов. Хотя варвар, посетивший предостаточно заведений такого рода, считал, что обладает достаточным опытом во всем, что касается женской красоты.

Но странная женщина отличалась от всех виденных Конаном не только поистине божественной красотой. Взгляд ее вызывал трепет и причиной тому было вовсе не восхищение. Хозяйка покоев смотрела на застывших перед ней мужчин даже не так, как ребенок смотрит на игрушки, которыми жаждет обладать, даже не как покупатель на рынке рабов. Холодный оценивающий взгляд более всего походил на взгляд повара, разглядывающего лежащие перед ним куски мяса и прикидывающего, какое блюдо из них лучше всего приготовить.

— Так что же вам понадобилось в покоях

ужасной и развратной королевы? И кто вы такие, что осмелились побеспокоить меня? — снова заговорила женщина, соблазнительно изогнувшись на своем ложе, нисколько не заботясь, что ее пеньюар распахнулся, открывая взгляду гораздо больше, нежели позволено приличиями.

— Прошу простить нас, ваше величество, — проворно склонился в церемонном поклоне Мохсендар, побуждая спутников последовать его примеру.

Страж — рослый хорошо сложенный юноша — опустился на одно колено, густо покраснев и опустив глаза; Конан изобразил самый вежливый поклон, на какой был способен.

— Говори — милостиво разрешила королева, во взгляде которой зажглось неприкрытое вожделение, а голос стал удивительно мелодичным, завораживающим подобно флейте бродячего закладателя. — Ну, смелее же, не заставляй меня ждать.

— Я имею честь состоять при дворе, ваше величество, — заговорил Мохсендар, речь которого журчала подобно спокойной реке в безветренный день. — Мне поручено подготовить апартаменты Священного дворца для ежегодных церемоний. Как известно вашему величеству, они должны состояться в ближайшее новолуние...

— Ну и что из этого? — томно спросила королева, играя рукой безупречной формы и белизны. Лучи заходящего солнца играли на ее ногтях покрытых лаком цвета запекшейся крови.

— Осмелюсь напомнить вашему величеству,

что для этого нам необходимо получить ответ зеркального оракула. Мы смиренно просим вас о разрешении пройти через ваши покои.

— Мои покои? Кстати, почему они содержатся в таком небрежении? Где слуги, которые должны заботиться о чистоте?

— Они... неожиданно умерли, ваше величество. Как только церемонии завершатся...

— Что? Вы хотите сказать, что я еще несколько дней должна провести в такой грязи? И вы называете это службой при дворе? Я могла бы заставить вас самих вылизать здесь каждый уголок, но вижу, что в качестве уборщиков от вас будет мало толка. Так и быть, я подожду еще несколько дней и даже позволю вам пройти к зеркальному оракулу. Надеюсь, вы помните, какая плата за это положена?

— Да, ваше величество, разумеется, помню, — еле слышно прошептал Мохсендар.

— Можешь не беспокоиться за себя, — ответила зловещая красавица с легким презрением в голосе. — Меня никогда не привлекали худосочные и чересчур болтливые мужчины.

Взгляд королевы задержался на Конане. Северянин с удивлением понял, что эта прекрасная женщина вызывает у него примерно те же чувства, что когда-то вызывали противники на гладиаторской арене. Желание помериться силами, выяснить, кому из двоих нынче предстоит умереть — и ничего более.

— Нет, что-то мне сегодня не хочется возиться с неотесанным строптивцем, хотя потом это,

возможно, меня и развлечет, — продолжала рассуждать хозяйка покоев, как будто забыв о том, что ее собеседники тоже наделены слухом. — Вот он! — Палец с длинным острым ногтем указал на стража, который от ужаса едва не осел на пол. — Да, этот юноша будет платой за то, чтобы вы беспрепятственно добрались до зеркального оракула и вернулись обратно.

Лицо молодого человека перекошилось, как если бы он собирался заплакать. Он рухнул на колени перед Мохсендаром, умоляя не обрекать его на гибель, что-то взахлеб рассказывая о невесте, пожилых родителях, дальнем родстве, в котором он состоит с достопочтимым господином советником. Но тот, ни слова не говоря, развернул перепуганного юношу и с силой втолкнул его в комнату.

Проскользнув почти на середину помещения по гладкому полу, страж вскочил на ноги и хотел рвануться назад. Но, с ужасом взглянув на несколько рядов узорных квадратов, отделяющие его от спасительного порога, внезапно остановился и умоляюще протянул руки, обращаясь по очереди к королеве и к своему начальнику.

— Нет, умоляю вас, нет! Прошу вас, смилитесь! Ради всех богов только не это!

— Ты клялся отдать жизнь, если это понадобится, разве ты забыл? — равнодушно ответил ему Мохсендар.

Конан, которого до глубины души возмутило происходящее, ощутил желание восстановить справедливость. Он сделает это прямо сейчас,

просто для собственного удовольствия. Какой способ избрать? Может быть, взять этого любителя прятаться за чужие спины за шиворот и забросить прямо в постель к развратной королеве? Будет тогда развлечение им обоим, правда, не совсем то, на которое они рассчитывали... Или просто объяснить ему, как должен вести себя мужчина? Для этого даже не придется пачкать оружие о такого подлеца... Но в это мгновение одна из плиток пола угрожающе качнулась под ним. Оглянувшись, он увидел, что Мохсендар, насмешливо поглядывая на него, осторожно потянул за веревку, на первый взгляд ведущую к звонку для вызова слуг.

— Не вмешивайтесь, — голос советника, до этого достаточно приятный, теперь напоминал шипение рассерженной змеи. — Никого не касается, как я распоряжаюсь своими подчиненными. Без меня вам ни за что не выполнить работу, за которую взялись, непобедимый воин. Потом, если хотите, мы можем вернуться к этому разговору, но не раньше, чем заказ будет выполнен.

Северянин неохотно согласился, дав себе слово, что пройдет не так много времени и коварный царедворец очень пожалеет о своих поступках.

Тем временем страж, повинуясь заволаживающему взгляду королевы, прополз на коленях через всю комнату и замер возле самой кровати.

— Какая нынче трусливая молодежь, — промурлыкала хозяйка покоев, довольно жмурясь. — Если они испытывают такой ужас перед постелью, то каковы они на поле сражения? Мне

жаль наше государство, которое охраняют такие защитники. Или это все же не так, юноша? Я жду доказательств, что передо мной мужчина, а не жалкий трус!

И, обернувшись к стоящим за порог Конану и Мохсендару, она небрежно бросила через плечо:

— Входите, или вы намерены стоять там до следующего года? Я полагаю, вы знаете дорогу? Идите же и оставьте меня с моей новой игрушкой.

Последнее, что видел киммериец, покидая комнату с резными стенами, был юноша-страж, который неловко заключил королеву в объятия и брошенный искоса торжествующий взгляд прекрасной хищницы.

* * *

Конан и Мохсендар едва не опоздали. В небольшое помещение, одну из стен которого занимала мозаика, составленная из маленьких зеркальных квадратиков, поставленных под разными углами, они вбежали едва ли не перед самым закатом. Последние лучи солнца освещали лишь пол, оставляя странное сооружение в тени. Советник с видом полного отчаяния бессильно опустился на корточки прямо посреди комнаты.

Конан, сталкиваясь с каким-либо препятствием, предпочитал действовать, а не хныкать как слабая женщина. Без особого почтения стянув со своего спутника металлический панцирь, он поставил его таким образом, чтобы солнечный свет, отразившись от гладких полированных

пластинок, упал на зеркальную стену. Мохсендар, сообразив, что имеет в виду догадливый северянин, извлек из-под одежды металлическое зеркальце, одно из тех, с помощью которых была обращена в бегство шайка разбойников, и поступил точно так же. Солнечное пятно стало достаточно ярким и тут же несколько фрагментов мозаики пришли в движение. Каждое из зеркал оказалось гранью куба, который непонятным образом поворачивался то в одной то в другой плоскости, демонстрируя непонятные символы, выгравированные на каждой из граней.

Осторожно передав Конану свое зеркало, Мохсендар торопливо подошел к зеркальной стене, стараясь не загораживать свет, которого с каждым мгновением становилось все меньше. Внимательно вглядываясь в мелькающие перед ним изображения, он осторожно коснулся рукой каждого из вращающихся кубиков и замер в ожидании. Но время шло, а ничего так и не происходило. С досадой хлопнув себя по лбу, Мохсендар простонал:

— Какой же я глупец! Это было в прошлом году, а сейчас это должно быть вот так...

Он надавил на нижний край последнего из зеркальных квадратов, заставляя куб повернуться, открывая другой символ. Раздался мелодичный звон и тут же в движение пришла вся стенка. Кубики вращались, переворачивались, наполняя комнату множеством солнечных зайчиков, затеявших безумный ни на что не похожий танец. Через некоторое время все успокои-

лось, кусочки зеркала замерли один за другим. Беспорядочное мелькание на стенах и потолке уступило место множеству неподвижных светящихся пятнышек, которые, правда, с каждым мгновением становились все более и более тусклыми.

Конан с интересом разглядывал диковину. На каждой из сверкающих граней была начертана буква какого-то из древних языков. Нечто похожее варвару случилось как-то видеть в Шадизаре, в книге одного базарного гадателя. Через некоторое время простодушный северянин с возмущением узнал, что прорицатель не в силах прочесть даже строчки из собственной книги, содержание которой, как выяснилось, не имело ничего общего с наукой предсказывать будущее...

Советник поспешно читал текст, возникший прямо на его глазах, старательно записывая острой палочкой на покрытой воском дощечке. Когда солнце ушло и в комнате воцарился вечерний полумрак, знаток дворцовых секретов облегченно вздохнул.

— Я успел, о боги, я успел! Теперь осталось лишь внимательно прочесть прорицание еще раз и понять, какую истину хотели до нас донести.

— В таком случае, что мы теряем время? — проворчал Конан, которого это недостойное мужчины многословие и неумеренное проявление чувств начало уже заметно выводить из равновесия. Кроме того, в том, что им не пришлось ждать у зеркальной стены еще целые сутки, была и его скромная заслуга...

— Вообще-то священный текст не предназначен для ушей непосвященных, но, учитывая... особые обстоятельства... Это еще что? Нет, ошибки здесь быть не может, все именно так и написано: не ищи благодать в прошлом других людей. Ты найдешь необходимое тебе, повиснув в люльке между растянутыми и пересекающимися временами... Ничего не понимаю: прежде речи зеркального оракула были просты и понятны каждому, а теперь... это же бессмыслица какая-то!

— Что же тут непонятного? — нарочито простодушно осведомился северянин. — Где этот предмет хранился в последние годы?

— Как правило, в одном из залов анфилады военной славы, каждый из которых прославляет подвиги кого-то из правителей прошлого. Несколько лет назад — в парадной гостиной королевы Эмилины Мудрой, в годы ее правления здесь была истинная обитель счастья для всех живущих... Благодать в прошлом других людей, ну, конечно же, сейчас в эти залы идти бесполезно. Значит, нам следует направиться...

— Туда, где висит эта самая люлька, куда же еще?

— А вы вовсе не так просты, как желаете казаться, господин Конан. Ну конечно же, люлька, ничем другим это быть не может... Надо спешить!

И худенький советник устремился вперед со всей быстротой, на какую был способен. Конан последовал за ним. Варвар в это время с благо-

дарностью вспомнил одну таверну в самой грязной и неухоженной части Шадизара. Кажется, рассказы того вечно пьяного старого аквилонца, который именовал себя мыслителем, не прошли даром...

Свернув в боковую дверь и пробежав несколько совсем крохотных комнат, советник толкнул зеркало, висевшее на стене одной из них. Повернувшись вокруг своей оси, оно открыло проход, где царил непроглядная темнота. Советник вознамерился, было, ринуться вперед, позабыв о всякой осторожности, но Конан, который мог видеть в темноте гораздо лучше любого другого человека, удержал его. Осмотревшись как следует, чтобы убедиться, что их не подстерегают никакие неприятные сюрпризы, неторопливо двинулся вперед.

Один раз он остановился и прополз некоторое расстояние, прижавшись к пыльному каменному полу, побудив советника сделать то же самое. В ответ на изумленный взгляд Мохсендара, он молча указал на тоненькую еле различимую простым глазом ниточку, протянутую поперек коридора и еще несколько таких же, протянутых над ней на равном расстоянии друг от друга.

В другой раз он схватил ничего не подозревающего советника и швырнул его далеко вперед. Вслед за этим он поднялся по стенам, упершись в них руками и ногами, и преодолел это расстояние подобно гигантскому пауку. Прыгать показалось ему не лучшим выходом; все-таки весил он во много раз больше чем тщедушный

советник. Тот, довольно ловко приземлившись на четвереньки и ухитрившись даже не надеть шума, принялся внимательно осматривать стены и пол коридора, которые, казалось, были вырублены из цельного камня. Удостоверившись в свою очередь, что никакая опасность им не грозит, он поднялся на ноги и они продолжили свой путь.

Узкий коридорчик постепенно забирал вверх и Конан ничуть не удивился, когда они оказались на верхней площадке одной из башен. Казалось, что кругом ничего не было кроме черного неба, усеянного небесными кострами, как называли когда-то звезды его родители...

Раздался шум и несколько слов на языке, который был не знаком киммерийцу, но смысл которых не был от этого менее ясен. Это Мохсендар возился, изо всех сил пытаясь поднять крышку люка, находящегося чуть в стороне от входа, через который они попали сюда. Шагнув к своему спутнику, могучий варвар одним рывком поднял крышку, которую время и ржавчина почти что сделали одним целым с самой башней. Советник, который не успел отпустить руки, тихо ахнув, взлетел вместе с крышкой.

Внутри царил абсолютная темнота, ни одного окна или бойницы, через которые мог бы проникнуть хотя бы самый тоненький лучик света. Конан даже испытал легкое сожаление, что не пожелал захватить с собой никакого светильника.

Как будто прочитав его мысли, Мохсендар из-

влек из поясной сумки небольшой стеклянный сосуд, внутри которого была укреплен масляный фитиль. Засветив его, советник отважно шагнул вниз, но не успел он сделать и нескольких шагов по узкой крутой лестнице, как одна из ступенек покачнулась и угрожающе закрипела прямо под его ногами.

Драгоценный светильник выскользнул из руки советника и с успехом повторил судьбу падающей звезды. Конан едва сдержал рвущееся из его груди грозное рычание: как можно вести себя подобно неуклюжей старухе! Теперь придется спускаться намного медленнее. Хотя, ничего страшного не произошло: их выручат его способность видеть в темноте и звериное чутье, которое подскажет, на какую из ступенек этой ненадежной лестницы следует поставить ногу...

Но их подстерегала совсем другая опасность. Упав на каменный пол башни, светильник разбился и поджег валяющуюся там солому. Спускаться пришлось прямо в бушующее пламя. Безо всякого сомнения, было бы самым разумным подождать, пока огонь, истребив всю свою пищу, не угаснет сам собой. Но лестница, сделанная из старого сухого дерева, также показалась ему лакомой добычей. Нужно было действовать без промедления. Поэтому варвар не теряя времени на объяснения, накинул свою куртку на голову вконец растерявшегося советника и ловко в несколько прыжков одолел эту головокружительную высоту. Единственная дверь, которая вела из башни, оказалась заперта, но

киммериец снес ее одним мощным ударом. Точно так же он поступил еще с парочкой дверей, которые встретились на его пути.

Перед следующей, покрытой цветными узорами подобно иранистанскому ковру, он немного задержался, разглядывая рисунок, и это спасло произведение неведомых мастеров. Мохсендар, протиснувшись вперед, дважды дернул на себя позолоченную ручку в виде злобно ухмыляющейся обезьяны, приложил обе ладони к двери точно по центру ярко-синего круга и повернул ручку в направлении, противоположному пути, которое совершает каждый день дневное светило. Двери медленно распахнулись.

* * *

— Мы в апартаментах принца Ильрика, — почему-то шепотом сообщил Мохсендар. — В отличие от короля-мага он питал особое пристрастие ко всему, что ездит и движется само по себе... Ну за какие провинности мы должны лезть именно туда? Разве я паук, чтобы болтаться под потолком вниз головой, каждое мгновение рискуя свалиться?

— Это вы о люльке? — удивился Конан. — Если принц умер в младенческом возрасте, то о каких механизмах идет речь? Не об игрушках же?

— Нет, вовсе не об игрушках, — загадочно улыбнулся советник, — посмотрите наверх.

Там на высоте во много раз большей, чем во всех прочих дворцовых помещениях, под самым

потолком покачивалось нечто отдаленно напоминавшее колыбель. Такая вполне могла бы быть у младенца, родившегося в семье великанов.

Опустив глаза чуть ниже, северянин увидел не менее удивительную вещь. Стены небольшой гостиной, где они находились, не доходили до самого потолка, обрываясь примерно на половине высоты. Кроме того, в этой гостиной была только одна дверь — та, через которую они вошли.

Заинтригованный, Конан обошел вдоль стен, отыскивая потайную дверь. Не может быть, чтобы он, самый искусный и удачливый из воров Шадизара, не смог проникнуть в эту тайну! Но единственное, что ему удалось обнаружить, был шкаф, находящийся прямо в стене и хитро замаскированный цветным покрывалом из тех, которые ткут в своих хижинах мастерицы Черных королевств, живущие на левом берегу реки Зархебы. Там было несколько свитков с порядком выцветшими чертежами и початая бутылка вина, которое за долгое время превратилось в уксус.

— Не стоит тратить время, господин Конан, здесь нет никаких потайных ходов. Хозяин апартаментов попадал в другие помещения совершенно иным способом. Нам нужно подняться вон туда.

Узкая лестница, проделанная в стене, была практически вертикальной и, если бы не тонкие металлические перила, вряд ли бы обычный человек смог бы подняться по ней хотя бы на высоту своего роста. Конан, чьи детские годы прошли в суровых горах Северной Киммерии, с

легкостью обошелся бы безо всяких перил, а, возможно, и без ступенек тоже. Советник старался изо всех сил и, хотя его невозможно было бы назвать изнеженным, добравшись, наконец, до небольшой площадки, с трудом вмещающей их обоих, он без сил присел на корточки, прислонился к стене и закрыл глаза. Конан, которого эта прогулка ничуть не утомила, начал вглядываться в окружающий вид.

Советник не солгал: внизу было несколько комнат, обставленных с королевской роскошью. Но между комнатами не было ни двери, ни даже лаза и, кроме того, находясь наверху, можно было с легкостью видеть все, что происходит в каждой из комнат.

На краю площадки виднелось несколько рычагов, соединенных с громоздким механизмом, состоящим из множества зубчатых колес, которые цеплялись друг за друга. На канатах, натянутых в разных направлениях, висела люлька, в которой запросто могло поместиться несколько взрослых человек. С виду она и в самом деле напоминала колыбель для младенца, родившегося в семье великанов или на лодку с высокими бортами.

Значит, с помощью этого механизма можно попасть в любую из комнат. Но странное сооружение было слишком далеко, чтобы до него можно было добраться... И потом, даже если бы варвар смог допрыгнуть до него, то не оказался бы он в этой люльке беспомощным пленником? Нет, разгадку этой тайны следовало искать

именно здесь. Предположим, дух покойного принца при желании может с легкостью проходить сквозь стены, но как же сюда попадали слуги, в обязанности которых входило содержать все в чистоте?

Будучи по детски любознательным ко всему, что касалось нового и неизведанного, Конан принялся за разгадывание этой загадки. Механизм немного напомнил ему те, с помощью которых поднимают на крепостные стены пушечные ядра, котлы с горячей водой и прочие тяжести. А чтобы пустая корзина снова опустилась на землю, рычаг приводили вот в такое положение...

Стоило северянину отжать самый большой рычаг, как внутри непонятного сооружения что-то заскрипело и люлька, обитая ярко-синим шелком и украшенная золотыми звездами, принялась опускаться вниз. Рычаг вернулся в прежнее положение и она замерла, едва не раздавив своим весом круглый мозаичный столик. Понятно; а что, если покрутить вот это колесо? А если чуть повернуть вон ту ручку? Подобно ребенку, получившему в подарок новую игрушку, варвар начал с увлечением исследовать механизм, созданный неведомыми мастерами прошлого для принца, который упорно не желал пользоваться дверями.

Люлька дернулась в сторону, опрокинув несколько статуй и едва не сокрушив стену, затем снова поднялась к самому потолку, волоча за собой довольно большой клоч оторванной обивки; затем нырнула в следующую комнату...

— Теперь я начинаю верить тому, что о вас рассказывали, — раздался за спиной восхищенный голос советника. — Как только мы вернемся, ваше вознаграждение возрастет вдвое, нет, втрое! Как все, оказывается, просто: я сажусь в люльку и с вашей помощью осматриваю одну комнату за другой. Мы можем начать поиски прямо сейчас?

— Лучше дождаться утра, — ответил ему киммериец, в котором здравый смысл все же возобладал над азартом и любопытством. — В такой темноте вы вряд ли разглядите эту вашу вещь, да и мало ли что там еще можно встретить.

* * *

Ночь они провели на узкой каменной площадке. Советник завернулся в плащ и попытался хоть немного подремать, а Конан, прислонившись спиной к задней стене, замер и весь обратился в слух. Чувства, гораздо более острые, чем у любого человека, выросшего в цивилизованном мире, позволяли варвару узнать гораздо больше, чем узнал бы любой на его месте.

Священный дворец, который иногда называли Дворец Тысячи Комнат, жил своей странной непостижимой жизнью. Где-то скрипело, рассыхаясь, дерево, где-то за резной панелью, попискивая, возились мыши, где-то шевелилось, пробуждаясь ото сна что-то большое и опасное... Несколько раз варвару слышались какие-то странные шорохи, осторожные шаги мягких лап,

боковым зрением он уловил блеснувший в темноте зеленоватый огонек.

Как только ночь уступила место предрассветным сумеркам и за большими стрельчатыми окнами посветлело, путешественники прервали свой отдых. Наскоро выпив по глотку разбавленного вина и перекусив хлебом с сыром, который показался киммерийцу чересчур пресным, они тотчас начали действовать.

Конан, следуя нетерпеливым указаниям советника, подогнал необычный экипаж прямо к самой площадке. Внутри люлька оказалась обита красным бархатом; там валялось несколько основательно пропыленных подушек, веер и один из трактатов об искусстве любви. За этот манускрипт у любого скупщика краденного запросто можно было бы получить не меньше сотни золотых, и то если не особенно торговаться — мелькнула непрощенная мысль у северянина.

Советник осторожно перебрался в люльку и Конан, ловко управляясь с рычагами и колесиками, заставил механизм опуститься в каждой из комнат поочередно. Но когда Мохсендар некоторое время спустя снова «причалил» к краю каменной площадки, на лице его не было радости.

— Ее там нет! — только и смог он выдавить из себя. — Пророчество оказалось неправильным.

Казалось, еще немного и он начнет биться в истерику, топая ногами и колотясь головой о каменную стену.

— Подождите, а там точно говорилось о лю-

льке? — поинтересовался Конан, в который раз подивившись такому неумению владеть своими чувствами.

— Ну, разумеется, я могу его воспроизвести дословно, если вам это что-то может сказать. Там было сказано: вы найдете то, в чем нуждаетесь, повиснув, словно в люльке между растянутыми и пересекающимися временами.

— Хорошо, люльку я вижу, а где здесь времена? — поинтересовался варвар нарочито ленивым тоном. Кажется, этот напыщенный аристократишка все же считает его неотесанным провинциалом; интересно, смог бы он без него продержаться в этом дворце, полном опасных сюрпризов, хотя бы сутки? Особенно оставшись одному, когда больше не стало тех, за чьи спины можно прятаться.

— Времена..... о, какой же я глупец, ну, конечно же, времена! Зал великих эпох, вот что нам нужно. Скорее, нам нужно попасть туда как можно раньше!

Конан помог советнику оказаться у подножия лестницы с помощью все той же люльки принца Ильрика, а сам спустился по лестнице с легкостью и быстротой капли воды, скользящей по стеклу.

* * *

Зал великих эпох оказался большим квадратным помещением, на каждой стене которого красовалась впечатляющих размеров картина.

На той, которая находилась напротив входа, было изображено грандиозное сражение; судя по оружию и доспехам, а также по участию в ней иппоуманов, упоминания о которых сохранились лишь в древних сказаниях, дело происходило задолго до Начала Времен. На левой стене красовалась сцена коронации: толстый кривоногий человечек с отталкивающим выражением лица, полузакрыв глаза, ожидал, когда седобородый жрец в пурпурном балахоне водрузит на его голову нечто напоминающее раскрытые челюсти рыбы-кусаки, которую в изобилии привозят на рынок Шадизара каждую весну. Судя по выражению лица, жрец с гораздо большим удовольствием прибил бы коротышку этой короной... На стене справа между окнами с множеством мелких стеклышек была яркими красками написана сцена жертвоприношения молодой жрицы Гимении. Как пояснил Конану Мохсендар задыхающимся от восхищения голосом, девушка добровольно предложила себя в качестве жертвы, чтобы спасти государство от нашествия завоевателей.

С сожалением посмотрев на красивую женщину, которая была вынуждена так бесславно закончить свою жизнь из-за того, что все мужчины оказались трусами, только и годными, что прятаться за чужие юбки, Конан указал на полусферу из горного хрусталя, занимающую середину зала.

— Надеюсь, теперь мы нашли то, что нужно?

— Да, это она! Посмотрите, разве она не вели-

колепна? Как что это, разве я не говорил, что нам нужна бирюзовая корона?

Корона, искусно выточенная из камня цвета небесной лазури, и вправду была великолепно. Он напоминала цветок, один из тех, которые распускаются ранней весной на склонах гор, когда они только освобождаются из-под снега. Даже Конан, считавший, что сейчас не самое подходящее время, чтобы отвлекаться на что-то другое, невольно представил себе прекрасную женщину, которой была бы к лицу такая корона.

Мохсендар описывал круги, центром которых была прозрачная полусфера, едва не облизываясь как кот, почуявший запах свежей сметаны.

— Берите вашу корону и пойдем, нам предстоит еще избавить дворец от злоумышленника, — напомнил ему варвар.

— Ах, злоумышленника? — неожиданно расхохотался советник. — Успокойтесь, никакого чудовища здесь нет, это была одна из легенд Дворца Тысячи Комнат. Присядьте, я хочу предложить вам нечто лучшее, чем просто кошель с монетами. Хотите занять придворную должность, к примеру, начальника стражи или? Вы, насколько я знаю, большой ценитель женской красоты. Желаете получить в жены столько женщин, сколько пожелаете, даже более того?

— Насколько мне известно, моим заказчиком являетесь не вы, советник, — произнес Конан голосом, похожим на отдаленные раскаты грома. — Уж не хотите ли вы предложить мне нечто бесчестное?

— Вовсе нет, мой прямолинейный друг, ведь вы позволите мне называть вас своим другом? Я действительно благодарен вам, иначе наша беседа просто не могла бы состояться. Итак, о деле, — Мохсендар с видимым сожалением оторвал взгляд от бирюзовой короны и впился глазами в собеседника подобно базарному фокуснику, который взглядом мог заставить человека заснуть или проделать множество забавных и не очень вещей.

— Давайте разберемся, кто является вашим заказчиком? Королевская семья, не так ли? Знайте же, что перед вами тот, кто имеет право на трон ничуть не меньше этих разряженных глупцов. Принц Эвенгар, сын королевы Агилены с которой вы так мило беседовали в Лунном зале, перед тем, как отправиться на ту сторону великой реки, произвел на свет многочисленное потомство. Но лишь двое из них названы наследниками престола — принц Лейнор и принцесса Айрин, мои единокровные брат и сестра. О них речь пойдет несколько позже.

Мой покойный папенька не обделял вниманием ни одну из встреченных им привлекательных женщин, что доставляло множество огорчений его супруге и королеве-матери, моей бабушке. Бабушке, которая никогда не признала бы ни меня, ни моих многочисленных сестер и братьев, не говоря уже о том, чтобы признать за кем-нибудь из нас право на корону...

Надо ли говорить, что почти все из тех, кого мой отец осчастливил своим вниманием, проис-

ходили из самого низшего сословия. Даже мне приходилось слышать, как шепотом рассказывалось о служанках, которых поспешно выдавали замуж, обеспечив хорошим приданым, об одной из них, которая проявила упрямство, в результате чего свалилась с лестницы и сломала себе шею.

Мне повезло, моя матушка была камеристкой одной придворной дамы, которая также находила общество принца Эвенгара довольно приятным и занимательным. Правда, его высочество не разделял этого мнения... Одним словом, случилось так, что служанка и госпожа родили в один день и моя матушка, которая была достаточно наслышана о судьбе, которая может ожидать незаконных отпрысков, поменяла нас местами. Сына аристократки несколько дней спустя нашли мертвым в колыбельке, подобное часто случается с младенцами.

С самого раннего детства я знал, кем являюсь на самом деле. Также я знал, что лишен того, чем должен владеть по праву рождения. Всю жизнь я шел к этому и теперь близок к цели как никогда.

Сейчас вы будете присутствовать при моменте исторической важности.

Как только я надену Бирюзовую корону, я стану тем, кем должен стать, невзирая на все правила и условности...

— Что вы от меня хотите в таком случае? — перебил его Конан. — Чтобы я солгал, сказав, что нашел и уничтожил чудовище, в то время

как его нет и не было никогда? Но кто же тогда лишил жизни слуг и придворных?

— Чудовище? Нет, оно-то как раз существует, — голос советника звенел подобно натянутой струне, а лицо его все больше наводило на мысли об одержимости. — Не зря столько лет я потратил на изучение многих вещей, которые считаются запретными. И, наконец, я добился своего! Сегодняшний день должен стать днем моего триумфа и вы станете первым его свидетелем.

— А как же ваши многочисленные братья и сестры? — поинтересовался Конан. — Ведь они имеют не меньше прав.

— Не думаете ли вы, что я не предусмотрел такой возможности? — рассмеялся безумец. — Те, кто родился после того, как их матери благоразумно вступали в законный брак, не могут быть мне помехой. Об остальных я позаботился, последнего из моих братьев вы видели. Это был тот юноша, который сейчас наслаждается обществом королевы Северины. Вы спросите, что требуется от вас. Очень немного — вернуться во дворец и заверить мою августейшую бабушку, что никаких чудовищ во дворце нет и можно беспрепятственно начинать церемонии. Ее будет ожидать маленький сюрприз... — Речь Мохсендара перешла в тоненькое гнусное хихиканье.

— Сюрприз? — недоверчиво переспросил северянин. — И какой же — известие о вашем родстве?

— У вас в Шадизаре что, все лишены способности быстро соображать? Она найдет здесь его

величество Мохсендара Первого.... А еще собственную смерть. Так же как и мои дражайшие брат с сестричкой. Заверяю вас, мой прямодушный друг, это будет гораздо неприятнее того, что случилось с дворцовыми слугами. Ничего не поделаешь, без жертв не бывает, а моему питомцу требовалось много еды, чтобы стать большим и сильным. Он был детенышем, когда я вызвал его из родной среды обитания, иначе повелевать им было бы намного труднее. Если вы еще не поняли, именно мой маленький любимец и послужил причиной вашего путешествия в Край Медного Нарцисса.

О, нет, приглашая вас, я всего лишь выполнял повеление моей августейшей бабушки, которая считает своего незаконнорожденного внука давно умершим. Должен вам сказать, что мой поступок вполне в традициях нашей семьи, когда-нибудь, я, возможно, поведаю вам о некоторых забытых страницах королевской хроники... Но довольно пустых разговоров, нас ждут государственные дела. Итак, вы готовы выполнить возложенную на вас миссию, готовы ли вы первым присягнуть мне на верность?

Для Конана, который и без этого не отличался долготерпением, особенно когда речь шла о подлецах и предателях, эти слова послужили последней каплей, которая переполнила чашу. Его уговаривают совершить бесчестный поступок, обречь на мучительную гибель ничего не подозревающих людей, тех, кто прибудет сюда, доверившись ему. Более того, среди них будет жен-

щина... Ни слова не говоря, варвар потянул меч из ножен.

Мохсендар отпрыгнул от него и выхватил из поясной сумки нечто похожее на костяную детскую свистульку.

— Значит, вы отказываетесь от чести, которая была вам оказана?! Тогда вы сами умрете!

Советник поднес свистульку к губам. Раздался резкий звук, похожий на голос морской собаки, обитающей где-то на побережье земель пиктов. Но существо, появившееся в зале, значительно превосходило размерами это животное и выглядело гораздо страшнее.

Задняя стена разлетелась, как если бы была сложена из глиняных кирпичей, и в проломе показалось нечто, напоминающее водяного ящера, грозу жителей Черных Королевств. Но вслед за вытянутой уродливой мордой в зал протиснулось обезьянье тело, покрытое отвратительной буро-зеленой слизью.

Чудовище выпрямилось, почти достав головой до массивного металлического светильника, потом, повинуясь еще одному свистку, начало медленно поворачивать голову к Конану. Крохотные злобные глазки остановились на киммерийце, изо рта, полного длинных острых зубов, раздалось нечто среднее между свистом и змеиным шипением.

Могучий варвар предпочел напасть первым, но лапа, которая была размером в половину его роста, с легкостью отбросила его к стене. Меч тоже лишь скользнул по боку чудовища, не ос-

тавив даже малейшей царапины. Отступать перед противником, как бы силен он ни был, вовсе не входило в привычки Конана из Киммерии и предстоящая схватка лишь горячила его кровь. Но если судьба предоставляет возможность одержать победу более простым способом, стоит ли отказываться от такого подарка?

Совершив несколько головокружительных прыжков, которым позавидовал бы любой гимнаст-канатоходец, северянин оказался рядом с Мохсендаром, который удобно устроился на крохотной банкетке, вознамерившись полюбоваться спектаклем. Схватив вероломного советника за ногу, Конан энергично встряхнул его. Подбрав выпавшую свистульку, северянин дунул в нее и швырнул несостоявшегося Мохсендара Первого прямо под ноги своему питомцу. Услышав знакомый звук, чудовище посмотрело на Конана уже без той злобы, с которой взирало на него несколько мгновений назад.

Природная сообразительность подсказала варвару издать тот же короткий переливчатый свист, что и его недавний спутник. Взгляд непонятого существа с мгновенно вспыхнувшей злобой обратился на бывшего хозяина, который пытался незаметно уползти в сторону, громадные лапы схватили его и в мгновение ока превратили незадачливого претендента на королевский престол в мешок сломанных костей.

* * *

Оставшись один на один с кошмарным созданием, Конан не растерялся; подобное было ему вовсе не свойственно. Если он смог с помощью свистка приказать чудовищу расправиться со своим бывшим хозяином, то отчего бы не велеть ему, например, спрыгнуть с крыши дворца? И хитроумный варвар двинулся наверх, продолжая время от времени издавать тихий манящий свист. Инстинкт и знания, полученные за время, проведенное в Шадизаре, помогли ему найти наилучший путь, ведущий на крышу.

Осталась позади анфилада парадных залов, чьи-то скромно обставленные личные комнаты. Парадная лестница из белого немедийского мрамора сменилась более узкой из красноватого резного дерева. Дверь, которая преграждала путь на чердак, была отброшена мощным ударом и отлетела, рассыпавшись на множество лакированных щепок.

Чердак был огромным, потолок и дальние стенки его лишь угадывались в царящем здесь полумраке. И, тем не менее, когда-то чердак был обитаем. Более того, кто-то устроил здесь магическую лабораторию. Об этом ясно давали понять стол, заваленный склянками всех форм и размеров, небольшой постамент, на котором громоздились пожелтевшие свитки и книги в темных кожаных переплетах. Здесь же, на почти прогоревшей металлической жаровне неведомый чародей разводил огонь, не опасаясь пожара или надеясь на что-то ведомое лишь ему самому. Хотя, судя по тому, как почернела наклонная стен-

ка и обуглились стропила, однажды пожара избежать все же не удалось.

Внезапно варвар едва не споткнулся, наткнувшись на что-то напоминающее сверток ткани. Бросив взгляд вниз, Конан почувствовал, как ярость снова охватывает его. Еще несколько дней назад это была девушка, молодая и хорошенькая; служанка, если судить по тому, что осталось от ее платья. Была, пока омерзительная помесь водяного ящера и обезьяны не притащила ее сюда, предварительно выпотрошив подобно тому, как хозяйка на кухне чистит рыбу... Киммериец и не заметил, как под влиянием гнева зубы его сжались и костяная свистулька обратилась во множество обломков.

Не растерявшись, Конан попытался воспроизвести манящий звук без помощи свистульки, но это лишь раздражило чудовище... Киммериец отпрыгивал, уворачивался, пытаясь достать его мечом, но ничего этим не достиг. Отвратительное существо продолжало с завидным упорством наскакивать на него, мгновенно взбираясь на стены, чтобы сверху прыгнуть на того, кого считало своей законной добычей.

Варвар бросил взгляд на выгоревшее пятно над самым карнизом и счастливая мысль блеснула в его мозгу. Он сделал вид, будто сейчас побежит именно в ту сторону и спрячется в угол. Чудовище, как он и предполагал, прыгнуло в самый центр обутленного пространства. Крыша, не выдержав его веса, проломилось и существо, созданное при помощи запретной магии,

вывалилось наружу и повисло, уцепившись одной лапой за резной карниз, изображающий стаю крылатых жаб.

Конан вылез на крышу и направился в ту же сторону, осторожно ступая по скользким изумрудно-зеленым плиткам. Чудовище уже ухватилось за карниз второй лапой, сейчас оно подтянется и тогда неизвестно чем кончится их противостояние. Решив зря не испытывать судьбу, Конан вынул из ножен меч, выкованный его отцом из стали древних атлантов и одним ударом отделил карниз от остальной крыши. С жутким леденящим душу воем чудовище полетело вниз, с размаху ударившись об устилавшие двор плитки розоватого камня.

* * *

Посмотрев вниз и убедившись, что с мерзкой тварью покончено, Конан вернулся на чердак. Бросив взгляд на этажерку с магическими книгами, варвар почувствовал величайшее отвращение. Нет, он даже не возьмет их в руки, какой бы ценностью они ни обладали.

Конан уже неторопливо направился к выходу, как вдруг его острый слух уловил стук и жалобные крики, раздававшиеся где-то внизу. Недолго думая, киммериец схватился за край одной из досок, устилающих пол чердака и одним движением выломал ее. То, что оказалось под ней, тоже недолго сопротивлялось мощному напору.

В открывшуюся дыру варвар увидел на ред-

кость неприятную сцену. В одном из залов верхнего этажа были люди, должно быть потерявшие придворные. Роскошная одежда на них была в беспорядке, а вид на редкость истощенный и недовольный жизнью. Но это было далеко не все. Посреди зала стояла статуя, ростом в несколько раз выше Конана — женщина, несущая на голове корзину с фруктами. На куче мраморных яблок и апельсинов с трудом удерживалась хрупкая изящная блондинка, судорожно вцепившись в ненадежную опору. Двое мужчин, костюмы и физиономии которых носили следы самой неблагородной драки, описывали круги, кровожадно глядя на женщину. Даже Конану, которому случалось посетить Черные Королевства и не понаслышке познакомиться с нравами племен, живущих в самых затерянных уголках джунглей и не считающих людоедство чем-то неестественным, и то стало не по себе.

Между тем один из придворных сделал попытку забраться наверх статуи, рыча, что он голоден и не может больше ждать, когда пища сама слезет к нему. Но, едва он забрался по мраморным складкам одежды примерно на высоту своего роста, как товарищ по несчастью стащил его за ногу, завывая подобно взбесившемуся шакалу. Он не собирается уступать еду кому бы то ни было.

Окончательно потеряв всякий человеческий облик, двое мужчин принялись кататься по полу, кусаясь, царапаясь и пытаясь добраться друг другу до горла.

Благородный варвар спрыгнул вниз, проломив хрупкое покрытие. Лепные украшения и разноцветные кусочки мозаики дождем посыпались вместе с ним. Оказавшись рядом с дерущимися, Конан легко поднял их за шиворот и с силой стукнул лбами друг о друга, после чего старательно запеленал расшитыми занавесками, которые почему-то оторвались вместе с карнизом и приличным куском потолка.

На лице дамы появилось выражение безграничного счастья.

— Боги услышали мои молитвы! Они не дали совершиться этому ужасному злодеянию! Кто вы, благородный незнакомец?... И нет ли у вас с собой какой-нибудь еды? Уже больше недели мы сидим здесь взаперти. Мои спутники лишились рассудка, они хотели... хотели...

Не договорив, женщина расплакалась, громко всхлипывая и без стеснения пользуясь подолом своего платья в качестве платка. Северянин, который без страха смотрел в глаза любой опасности и с легкостью ввязывался в схватку, невзирая на количество и силу противников, на удивление легко впадал в замешательство при виде женских слез. Тем более, если девушка настолько привлекательна, а он уже несколько дней лишен женского общества.

Тщательно обшарив все карманы и поясную сумку, киммериец с сожалением обнаружил, что самое большее, что он может предложить даме — это совершенно раскрошившийся кусок лепешки. Пообещав, что его отсутствие продлится

недолго, Конан отправился на поиски чего-нибудь съестного.

Женщина, которая, несмотря на все уговоры, категорически отказалась спускаться вниз, осталась его ждать в своем убежище. Двое безумцев тем временем пришли в себя и принялись извиваться в своих путах подобно гигантским личинкам, стараясь добраться друг до друга. Без стеснения надавав им пинков и растащив по разным углам зала, северянин пообещал оставить их без еды, если те немедленно не угомонятся.

Но ни в соседнем, ни в следующих залах не нашлось ничего, что годилось бы в пищу. Там было множество драгоценных предметов, за каждый из которых можно было бы выручить кучу денег, которых хватило бы, чтобы устроить роскошный пир. Единственное, что можно было бы съесть — это растения в оранжерее, но кто знает, не окажется ли такой обед последним для тех, кто соблазнится этими полусохшими растениями?

Вдруг острые глаза варвара заметили, как что-то мелькнуло за окном. Птицы, как раз то, что требуется, чтобы подкормить оголодавших придворных и перекусить самому. О том, каким способом заполучить желанную дичь, варвар даже не задумался. Здесь полно мебели, из обломков которой можно изготовить неплохую ловушку, а кресла и диваны, насколько ему известно, принято набивать конским волосом...

Некоторое время спустя Конан снова появился в зале, с торжеством неся четырех птиц.

— Спускайтесь, сейчас у нас будет обед!

Но блондинка лишь издавала жалобные возгласы, спуская то одну, то другую изящную ножку с края мраморной чаши и безуспешно пытаясь нащупать хоть какую-то опору. Покачав головой, Конан моментально залез к ней и, посадив девушку себе на плечи, спустился вниз. Статуя немного качнулась, протестуя против такого непочтительного обращения, но вопреки опасениям киммерийца, осталась стоять. Спасенная не сводила глаз с пищи, как будто по волшебству появившейся перед ней.

Но не есть же птиц сырыми и тем более немислимо предложить подобное блюдо благородной и такой симпатичной женщине. Ничего, он сумеет что-нибудь придумать.

Конан с удобством устроился на скамейке, обитой светлым бархатом, и начал старательно ощипывать свою добычу. Блондинка, которую варвар не решился привлечь к этому занятию, подскочила и, схватив другую тушку, принялась торопливо выдергивать из нее перья. Улучив момент, когда Конан отвернулся, чтобы прикрикнуть на спеленатых мужчин, которые решили напомнить о своем существовании, она впиалась зубами в шею птицы не хуже дикой кошки.

Вскоре в бронзовой чаше загорелся веселый костерок из обломков изящной мебели. Вертелом послужила длинная изогнутая железка, извлеченная Конаном из давно засохшей цветочной композиции, украшавшей чью-то парадную спальню. Киммериец принялся жарить птиц, так

старательно, как если бы от этого и в самом деле зависело что-то важное. Внезапно до слуха его донеслось рычание, скулеж и прочие звуки, которые никак не могли вырываться из груди человеческого существа.

Молниеносно развернувшись, готовый встретить неожиданно появившуюся опасность, киммериец был изумлен тем, что предстало его взору. Милая изящная девушка устроила себе развлечение, проявив жестокость, которой в ней невозможно было предположить. Стащив птичьих потроха, она со счастливым смехом водила сочащимися кровью кусочками перед самым лицом беспомощного мужчины, так, чтобы он не мог ухватить их. Внезапно, тот, изловчившись, едва не цапнул ее за руку. Жалобно вскрикнув, она уронила кусочек потрохов на узорный пол. Повернувшись на бок, придворный с довольным урчанием проглотил их, вылизав камни пола до последней капли. Второй громко протестовал против такой несправедливости, требуя порцию потрохов и себе тоже.

Отломив по наполовину сырому крылышку, варвар скормил их аристократам, от голода потерявшим всякое понятие о приличиях. Дама, съев целую птицу, смотрела на киммерийца так, что самая распущенная из обитательниц веселых домов показалась бы рядом с ней законченной скромницей. Наконец, облизав пальцы и украдкой вытерев их об обивку кресла, она приняла изящную позу и произнесла светским тоном:

— Я Мелисса, из свиты королевы-матери. По-

зволь узнать твое имя, мой благородный спаситель и Расскажи какой счастливый случай привел тебя во дворец.

— Я Конан из Киммерии, — ответил варвар. — Меня попросили избавить королевский двор от... чудовища.

— И ты это сделал, правда?

Выглянув в окно и увидев то, что осталось от омерзительной помеси обезьяны и ящера, Мелисса по-детски захлопала в ладоши:

— Как это чудесно! Теперь мы можем наконец-то уйти отсюда и никто нас не растерзает как тех бедняжек.

Освобожденные от пут аристократы по очереди важно кивнули, продолжая жадно глотать пищу. Варвар заметил, что они избегают смотреть друг на друга и всякий раз опускают глаза, встречаясь взглядом с Мелиссой.

* * *

Останки бедняжек, которые должны были участвовать в приготовлении дворца к церемониям, Конан обнаружил на галерее верхнего этажа. Похоже, чудовище порезвилось на славу, догоняя и притаскивая их сюда одну за другой... Вернувшись, варвар молча повел своих спутников через другую дверь.

По дороге они обнаружили троих слуг, которые все это время провели в потайной комнате за библиотекой, задвинув вход тяжелым шкафом. Так как они были едва живы от голода и

переживаний, Конану пришлось самому извлекать перепуганных людей из убежища, проделав для этого проход рядом с дверью. Стены в этом дворце оказались на удивление непрочными... Четверо стражников сами выскочили на них из-за поворота в одном из коридоров. Доблестные воины уже несколько дней скрывались здесь от чудовища, которое преследовало их, постепенно похищая одного за другим. Как выяснилось, служители порядка время от времени утоляли голод, опустошая содержимое ловушек для грызунов...

Обратный путь был не таким уж легким. Конан шел впереди, внимательно вглядываясь, не затаилось ли где-нибудь смертоносной западни. Во время этого короткого путешествия он не раз с благодарностью вспомнил тех, кто когда-то преподавал ему тонкости воровского ремесла. Поэтому благодаря этим знаниям, а также интуиции и варварской хитрости киммерийца, все благополучно одолели большую часть пути.

Правда, когда путешественникам потребовалось подняться по узкой лестнице, ведущей в покои очередной королевы, славящейся своими амурными похождениями, их ждал неприятный сюрприз. Несколько ступенек, стоило лишь поставить ногу на них, поворачивались, не давая идти дальше.

Не теряя времени на ненужные размышления, Конан вернулся в один из предыдущих залов и позаимствовал оттуда ковровую дорожку, вышитую жемчугом и золотыми нитями. Наки-

нув ее на ступени коварной лестницы, хитроумный варвар, ловко метнув несколько парадных кинжалов, до этого праздно висевших на ковре, пригвоздил ее к противоположной стене.

* * *

Впереди была знакомая галерея, в конце которой находился вход в анфиладу комнат, окна которых закрывали каменные решетки. Еще немного и они покинут этот дворец. Но тут один из придворных спохватился:

— Вы ведете нас к выходу? Но мы не можем покинуть дворец без Бирюзовой короны! Она не должна оставаться без присмотра.

Киммериец недовольно заворчал, узнав, что для того, чтобы прихватить эту необыкновенно важную реликвию, им придется вернуться почти что на треть пути. Но Мелисса так жалобно посмотрела на него, кротко упрашивая сделать это для нее, что сердце варвара дрогнуло...

Бирюзовая корона была там, где ее оставили — на круглом золотом столике, спрятанном под полусферой из горного хрусталя. Безо всяких видимых усилий, Конан приподнял изделие неведомых мастеров и сделал приглашающий жест придворным.

— Ну, берите вашу корону и пошли! Мы и так тут задержались.

К бирюзовой короне приблизилась Мелисса. Она протянула руки, намереваясь взять бесценный предмет, но всякий раз оказывалось, что корона находится чуть левее, чуть правее, чуть дальше... Расплакавшись, девушка уступила место сперва одному, а затем и другому придворному. Но, несмотря на все их усилия, корона так и осталась на своем месте. После них попытали удачу стражники и слуги, но цветок из синего камня так и не покинул своей подставки.

Потеряв терпение, Конан отбросил в сторону хрустальную полусферу. Она откатилась к противоположной стене и, жалобно зазвеневав, разбилась на множество кусков. После этого один из самых удачливых и искусных воров Шадизара, убедившись, что никакая опасность ему не угрожает, взял корону и, обернув ее оторванной занавеской из малинового немедийского бархата, сунул в свой дорожный мешок. Здесь она будет целее всего. Мимоходом пожалев, что нельзя взять себе кое-что из драгоценных игрушек и ярких камушков, варвар повел спасенных обратно к выходу.

* * *

— Вот так все и было, — закончил киммериец свой рассказ, торжественно ставя бирюзовую корону на столик из молочно-белого камня.

Высокородная заказчица слушала его, не проронив ни слова. На нее не произвело никакого

впечатления, что советник, столько лет преданно служивший ей, оказался вовсе не тем, за кого себя выдавал. Рассказ о чудовище, вызванном коварным Мохсендаром и его планах относительно нее самой тоже не вызвали у нее ни малейших эмоций. Но, увидев Конана, держащего корону, она не смогла сдержать изумления:

— Как вы взяли ее в руки? Вы смогли сделать это?

— Конечно, иначе эти трое не отстали бы от меня, они все время твердили, что нельзя оставлять эту штуку без присмотра.

— Дело не в этом. Коснуться бирюзовой короны может лишь тот, кому предначертано занять королевский престол, неважно, по праву рождения, завоевав его или получив как дар богов за особые заслуги. Оракул не ошибся, у вас и в самом деле удивительная судьба. Вам никогда не говорили, что вам суждено стать королем?

— Каждый сам создает свою судьбу, — ответил варвар. — А становиться королем мне не особенно хочется. Когда улыбаются тебе в лицо, а на самом деле ждут твоей смерти, тот, кого ты считаешь лучшим другом, может поднести тебе отравы, а прекрасная женщина, едва ты уснешь... Нет уж, благодарю. Если никаких дел для меня здесь больше нет, то я бы предпочел отправиться в путь завтра утром.

— Подождите, — остановила его королева. — Мне нужны храбрые преданные люди, наделенные живым умом... и не мечтающие о королевском престоле. Я хочу предложить вам стать

главным хранителем Дворца тысячи комнат. Никто лучше вас не справится с ловушками от воров и старыми тайнами. Все слуги и стражники будут подчиняться вам..... Не хотите? А что вы скажете о месте начальника дворцовой стражи? Подумайте, такие предложения не делаются кому попало... Вы отказываетесь и от этой милости, так я и думала, — печально покачала головой королева — Что же, спешите навстречу своей судьбе, Конан из Киммерии.

Когда Конан снова поднял глаза после учтивого поклона, в зале кроме него никого не было. Кресло из молочно-белого камня снова было пустым.

* * *

Подняв на плечо кожаную сумку, туго набитую золотыми монетами, варвар заспешил к выходу. Жить во дворце, среди толпы разодетых кривляк, подчиняться сотне запутанных правил этикета, и местных законов вроде того, который предписывает заплетать гривы лошадей в косички после захода солнца, стоя на одной ноге, обратившись лицом в сторону королевского дворца — нет, такое вовсе не для него. Он привык принадлежать самому себе и никому больше. Он не собирается уподобляться прирученному зверю, томящемуся всю оставшуюся жизнь в золотой клетке. Скорее подальше от всех этих интриг и тошнотворных дворцовых тайн!

Конан собирался направиться прямо на рынок чтобы, не теряя времени, купить все необходимое для обратной дороги. Прежде всего, нужно будет найти коня, лучше степной породы. Они не слишком хороши собой, зато способны преодолевать любые расстояния и не так нуждаются в уходе как тонконогие красавцы, украшающие собой конюшни аристократов. Он проведет ночь на каком-нибудь постоялом дворе, а утром, еще до восхода солнца отправится в путь. Возможно, он вернется в Шадизар... А почему, именно туда? Весь мир открыт перед ним, на свете есть множество стран, где он еще не был, множество приключений, красивых женщин...

Конан уже отошел довольно далеко от дворца, когда дорогу ему преградил закрытый паланкин, который несли черные великаны — уроженцы Зембабве — одетые лишь в набедренные повязки из золоченой ткани. Шелковые занавески зашевелились и удивленному взгляду Конана предстало нечто изумительное. Без всякого сомнения, перед ним была госпожа Мелисса, но как она изменилась за несколько дней, прошедших со времени ее спасения! Светлые волосы были уложены изящными локонами, полупрозрачный бледно-сиреневый шелк закутывал ее фигуру, на лице с едва заметно подведенными глазами не было ни тени страха или печали. Глядя на эту неземную красавицу, невозможно было даже допустить мысли, что она спасалась от двух обезумевших аристократов, забравшись в корзину на голове статуи.

Мелисса обворожительно улыбнулась:

— Конан, мой великодушный спаситель! Я не простила бы себе, если бы позволила моему спасителю покинуть Розовый сад, не повидавшись со мной. Мне хочется поблагодарить за все, что ты для меня сделал. Ведь мой варвар не откажется прийти сразу после захода солнца к моему дому, близ которого фонтан в виде трех рыб. Итак, я жду, мой герой!

Изящная белоснежная ручка сделала прощальный жест и тут же исчезла в ароматном полумраке паланкина. В конце концов, — подумал киммериец, когда дыхание его выровнялось и присутствие духа, наконец, вернулось к нему, — ничего не случится, если я задержусь здесь еще на сутки... или чуть больше.

Никогда не пейте с магами... Мысль была мутной, но здоровой. Жаль только, что, как и все здравые мысли, пришла она слишком поздно. Они вообще очень неторопливые, эти самые здравые мысли. Неторопливые такие, важные и все из себя ну очень солидные. Они никогда не спешат. Это ниже их достоинства, надо полагать. И потому приходят они обычно с заметным опозданием.

Как правило — на следующее утро...

Голова болела.

Впрочем, сказать так о голове в данном конкретном случае было то же самое, что сказать о горах Северной Гиркании, что там иногда встречаются кхитайские змеи.

Ну да.

Конечно, встречаются.

Этак штук по пять долбанных змеев на каждый долбанный кусок этих самых в конец и насквозь продолбанных северогирканских гор, провалиться бы им вместе со всеми змеями куда подальше!..

Голова болела...

Все маги — сволочи.

Немногим лучше змей. А, может быть, даже и не лучше. Хуже. Может быть. Все. Даже те из них, которые поначалу кажутся вполне приличными. Такие как раз на поверку и оказываются самыми мерзкими. Потому что с ними, такими приятными и безобидными на первый взгляд, потихоньку теряешь бдительность и как-то забываешь, что они — тоже маги. И о том, что все маги — сволочи, тоже как-то забываешь. С ними, с магами этими, которые приличными выглядят, вообще нельзя иметь никаких дел. Даже пить.

Пить — особенно.

Никогда не пейте с магами!..

Эрлик ее заberi, как же она болит-то...

Впрочем, все остальное тело тоже чувствовало себя не так, чтобы очень. В животе бурлила та дрянь, что была выпита уже под утро, когда обнаглевший вконец трактирщик вместо вполне приличного офирского красного стал наливать кружки какую-то откровенную местную кислятину, недобродившую как следует даже и кто знает чем для крепости забодяженную.

Такую гадость только по большой пьяни и можно приличным постояльцам подсовывать, да и то — только под утро, когда они начинают относиться к окружающему миру с повышенным уважением.

И вот теперь, стало быть, это, под утро с большим уважением выжранное, настоятельно просилось наружу. А потому вставала насущная

проблема приведения тела в вертикальное положение.

Ну да.

И эта — тоже. Вино — оно ведь тоже жидкость. В какой-то степени. А жидкость иногда и удалять требуется. И желательно, чтобы произошло это все-таки не внутри помещения, это даже варвары понимают.

Конан опустил ноги с широкой лежанки, на ощупь пытаясь нашарить скинутую вчера за чем-то обувку. Вот же приспичило непонятно за чем разуваться, ищи ее теперь... Но вместо привычных сапог пальцы нашарили лишь какие-то подозрительные переплетения ремешков.

А...

Ну да...

Сандалии.

Кажется, это кожаное недоразумение называется именно так. Ими с Конаном поделился как раз этот самый маг, показавшийся поначалу почти что и приличным, почти что и человеком. Потому что с сапогами вчера вышло, как бы это сказать... недоразумение. Если память не врет, он их вчера трактирщику подарил. От избытка не совсем трезвых чувств. И тот, харя жадная, принял, не побрезговал. Вот ведь повезло не по делу вчера уроду жирному... Вернее, не вчера — за крохотным оконцами как раз уже начинало потихоньку светлеть. Так что считай, что сегодня уже. С большим, так сказать, уважением...

Никогда не пейте с магами...

Ноги болели.

Кое-как пропихнув пальцы под скрипучие ремешки, вихляющиеся, словно бедра у пьяной танцовщицы, Конан попытался привести себя в вертикальное состояние при помощи рук. Он был упрям, как и любой киммериец. И поэтому с третьей попытки это ему удалось. Ну — почти удалось.

Руки подгибались и тоже болели. Особенно — правая.

Но это-то как раз понятно — вчера сдуру занялся он с тем самым поганым мажонком рукоборством.

Рукоборством.

С магом.

Ну да.

Милосердная память не показывала, чем же в конце концов эта глупость невероятная завершилась, только ведь и без ее подтверждений понятно любому... хм... варвару. Даже из Киммерии.

Маги — они и вообще существа довольно мерзкие. И чем старше да опытнее — тем мерзее. словно хороший человеческий характер и глубокое постижение магического искусства — вещи взаимоисключающие. Как вода и вино. Не может их быть в одном сосуде одинаково много. Чем больше одного — тем меньше другого.

Трил, стражник сопровождающий караваны на туранских караванных путях, с которым Конану довелось довольно приятно пообщаться две зимы назад на всем долгом, занявшем более четырех лун пути от Шема почти что до самого Султанапура, говорил, правда, что был дружен с

одним. Вполне, говорил, приличный тип, можно даже сказать — человек. Если, не врал, конечно. Это же Трил, караванный охранник, а у вечерних костров на стоянках длинного перехода и не такого наслушаться можно...

Самому же Конану приличные маги пока что как-то не попадались. Шваль одна.

Вот и этот, вчерашний, на поверку таким же оказался.

Внешность — как у ощипанного гусенка, соплей перешибить можно, не особенно при этом и напрягаясь. Ручки-ножки тощенькие, мосластенькие, торчат из-под укороченного плащика во все стороны и вечно друг о дружку цепляются да путаются. Волосенки коротенькие, цвета неопределенного и тоже спутанные. Хотя, казалось бы — чему там путаться? И до плечиков остреньких и узеньких не достают даже волосенки-то эти, смотреть противно. Носик кнопочкой, морда прыщавая... Да и какая, в сущности, это морда? Так, мордочка, остренькая да хитренькая, как у мелкого крысеныща, сало в крысоловке унюхавшего. И хочется, и боязно, и мама-крыса за хвост дергает... Короче, напоминал этот мажонк впервые сбежавшего из-под мамкиной опеки богатенького да знатненького недоросля, ни разу ни то что приличной драки — женщины приличной и то не нюхавшего. А самому при этом, как позже выяснилось, не то двести, не то и все триста в обед стукнуло, вот и угошал, зараза, не скупясь...

ТЬФУ...

До двери оказалось неожиданно далеко — шагов десять, а то и двенадцать. А вчера стгоряча казалось — два-три, не больше. Проклятый трактирщик за ночь не иначе как поменял местоположение этой самой двери, заколотив прежнюю и прорубив новую — подальше. Специально, чтобы бедные постояльцы с утра еще больше мучались! Вот же зараза жирная... Чуть не на-вернулся со ступенек — проклятый трактирщик и их, похоже, со вчерашнего вечера умудрился надстроить, чтобы порядочные люди ноги ломали! С трудом нащупал притолоку — до нее тоже оказалось раза в два дальше, чем помнилось — и наконец-то выплеснул из себя гнусную отраву, лишь по какому-то дикому недоразумению именуемую в данной харчевне вином.

Полегчало.

Настолько, что он даже рискнул слегка приоткрыть заплывшие глаза.

И сразу же пожалел об этом — яркий свет резанул по глазам не хуже кинжала из тех, что когда-то, в седой и далекой древности, так любила применять к своим многочисленным родственникам иранистанская высшая знать. От того-то они, наверное, и выродились, иранистанцы-то эти, что травили да резали своих же в борьбе за наследства и привилегии, от того-то и взяли их тепленькими дикие кочевники.

Впрочем, проблемы и неприятности давно сгинувших иранистанцев Конана огорчали как-то не очень. Куда неприятнее и огорчительнее было то, что от выжатых дневной яркостью слез

воспаленные веки словно жидким огнем обожгло, — он даже застонал слегка от неожиданности, наощупь, пытаясь вернуться обратно в спасительную тень. Стон получился тоже какой-то несолидный, больше похожий на жалобное поскуливание. Совсем, короче, непристойный какой-то звук, прямо-таки позорящий честное имя настоящего мужчины и благородного варвара. Хорошо еще, что свидетелей у подобного неприличия не оказалось — залитый послеобеденным зноем задний дворик был абсолютно пуст. Кое-какие навыки невозможно пропить даже с магами, и для того, чтобы почувствовать это, киммерийцу вовсе не нужны были глаза...

В тени, кстати, им полегчало сразу же. И настало, что он даже снова рискнул повторить неудавшуюся на улице попытку с их открыванием.

Получилось, хотя и не полностью — открылись они узкими щелочками, словно бойницы в осажденной врагами крепости. И левый почему-то чуть ли не два раза шире правого. Ощупав правую половину лица и болезненно морщась при этом, Конан установил причину — ею оказался мощный фингал.

Интересно, это кто же у нас тут такой смелый, чтобы самого Конана подобными украшениями отоваривать?!

Наверняка ведь трактирщик, собака, воспользовался бессознательным состоянием постояльца, то-то харя его мерзкая еще вчера так и просила хорошей плюхи. Интересно, кстати — допросилась ли? Память на этот счет хранила гордое

молчание, словно попавшийся в плен к своим извечным врагам вождь мерзких пиктов. Трактирщик мелькал в этой самой памяти жирной угодливой жабой, слишком мерзкий и слишком увертливый, чтобы о него захотелось всерьез мारать руки. А вот мажонка — он таки да, нарвался. Причем — еще в самом начале. Уж больно вид у него был... К тому же он еще и что-то такое сказал про Киммерию... что-то такое, что ни один уважающий себя киммериец стерпеть ну просто не в силах. Вот и нарвался...

Конан не сильно его пнул. Сдержал себя в последний момент, убивать-то он не хотел, так, поучить только. Да много ли этакому задохлику надо? Брык — и лежит себе, даже не дышит. Пришлось еще пару раз по мордочке надавать, с оттяжкой уже, легонько так, лишь для приведения в чувства. И помочь потом сесть обратно на упавшую было лавку, и сор с одежды постряхивать, а то поначалу мажонка этот соображал не слишком хорошо, только глазами вращал и губами хлопал. И трактирщика шугануть, а то он, гнида такая, под шумок вознамерился обшарить карманы так внезапно захворавшего гостя.

Так и познакомились.

А когда оказалось, что человек не просто так куражится, а важный праздник свой отмечает, Конану и вообще грустно стало. У человека, понимаешь, день такой, а он его, понимаешь, по морде... Как тут было не выпить? Тем более, что вино у мажонка отменное было — не заморанское, правда, но вполне приличное офирское,

темное, густое и терпкое, словно кровь жертвенной девственницы. Такое вино само в глотку льется, по жилкам живой водой разбегается. Это потом уже трактирщик обнаглел и стал свою бурду подсовывать, под утро, когда бдительность потеряли, а поначалу-то вино было знатное...

Вино.

Ну да...

Иссушенный похмелем организм требовал как раз именно этой живой воды.

И побольше.

И немедленно...

И пусть даже живая вода эта будет местной кислотинной, один Эрлик знает чем разбодяженной...

— Трактирщик!

Голос оказался одновременно сиплым и писклявым — короче, таким же мерзким, как и общее самочувствие. Да и ударить кулаком по столу как следует не получилось — не то, что ни одной кружки не разбилось — не опрокинулось даже, а дубовая столешница не то что не треснула — даже не дрогнула. Узнать бы, чем эта жаба свою кислотину крепит, да нацедить бурдючок — незаменимое средство в дороге! Против крыс, москитов и прочей нечисти. Сам Конан мог навскидку назвать пару-другую имен хотя бы в том же Шадизаре, обладателей которых он с удовольствием угостил бы именно из подобного бурдючка...

Додумать и как следует посмаковать столь приятственную перспективу ему не дали — трак-

тирщик воздвигся по ту сторону стола огромной жирной горой. И горой, чем-то очень недовольной.

— Ну?

Начало разговора не слишком-то многообещающее. В любой другой день Конан с удовольствием отполировал бы жирную трактирщицкую морду о какую-нибудь подходящую поверхность — да вот хотя бы об эту дубовую столешницу и отполировал бы, зачем далеко ходить? Так сказать, для придания морде этой должного выражения угодливой любезности. Но сейчас в жирной руке трактирщика вожаемым спасением маячила запотевшая глиняная кружка ласкающая глаз объемом, отчего и сам трактирщик выглядел не столь мерзко. Поэтому Конан был лаконичен:

— Вина!

— Господин желает вина? — спросил трактирщик как-то слишком уж вкрадчиво. И кружку почему-то на стол ставить при этом совсем не спешил, — А расплатиться за вчерашнее безобразие господин, часом, не желает?

Наглость была настолько вопиющей и неожиданной, что Конан оторопел. Он, конечно, многого не помнил из событий сегодняшней ночи, но свои сапоги он помнил великолепно. Вернее, теперь уже не свои сапоги...

Так ведь в том-то и дело, что теперь уже не свои!

А какие это были сапоги!

Почти новые — и года не проносил, разве это срок для настоящей драконьей кожи. А тройная прошивка усами речного демона, обеспечиваю-

щая владельцу абсолютную непромокаемость и непотопляемость?! О такой прошивке мечтает каждый, да только вот мало кому удастся обыграть речного демона до самых усов! У любого из этих проживающих лишь в Запорожке подкоряжников добра натаскано немеряно, хоть три года подряд обыгрывай — все равно все не выиграешь! Да и торгуются они над любой дрянью. Хотя, конечно — азартны они очень, и человек опытный да терпеливый... Но не о том же речь!

Речь о сапогах.

А какая у них подошва!..

С тем драконом, из-под хвоста у которого Конан лет шесть назад вырезал на спор две огнеупорные подошвы, лучше было бы больше никогда не встречаться — и не только самому Конану. Хотя бы в ближайшее время. Лет этак двадцать-тридцать. Как минимум. У драконов — память долгая. И шутки они понимают как-то не очень чтобы.

Этот, во всяком случае, не оценил.

Совсем.

И вот эти-то сапоги, которым нет ни цены, ни сносу, пришлось вчера... нет, уже сегодня... отдать этой наглой жирной харе, потому что пить всю ночь за чужой счет настоящему благородному варвару как-то не пристало, а выданные казначеем шаха Турана подорожные давно кончились.

Память — она, конечно, баба. И, как всякая баба, вполне могла и соврать. Что с нее, с убогой, возьмешь?

Да только вот именно эти бесценные великолепные сапоги красовались сейчас под столом, грубо распираемые жирными икрами наглого трактирщика, так что и речи не шло ни о какой ошибке. Речь шла только о запредельной наглости.

Именно из-за этой выходящей за всякие рамки запредельной наглости и абсолютной ее необоснованности Конан поначалу даже не возмущался.

Удивился только.

Понимая уже, что морду о столешницу полировать сегодня все-таки придется и не испытывая по этому поводу ни малейшего восторга — так, ничего личного, просто нудная и необходимая рутина, — он глубоко вздохнул, как следует прочищая легкие перед нудной, но крайне необходимой тяжелой работой по вразумлению нахалов.

И встал.

А, встав, удивился второй раз.

И уже сильнее...

Последние несколько лет он редко становился участником обычных драк, уличных или трактирных, неважно, возникших непонятно по какому поводу, а главное — никому не нужных и, стало быть, никем не оплачиваемых. Драки за деньги — не в счет, это работа. Обычным же забиякам, как правило, хватало здравого смысла обходить стороной те огромные двуногие ходячие неприятности, которые он из себя представлял. А ежели в трактирном чаду его задевали, не успев как следует рассмотреть, он просто

вставал и глубоко вздыхал, во всю ширь разворачивая мощные плечи. И обводил окружающих забияк тяжелым взглядом синих глаз.

Медленно так обводил.

Глядя при этом сверху вниз.

Иногда даже голову слегка наклоняя, если забияки особенно мелкие попались.

Подобного действия обычно оказывалось вполне достаточно для дальнейшего мирного и спокойного времяпрепровождения на весь оставшийся вечер. Или даже на несколько вечеров. Длительность воздействия напрямую зависела от количества предварительно забияками принятого на грудь и качества их памяти.

На этот же раз привычное действие почему-то ни малейшего воздействия на окружающих не оказало.

Более того — встав, Конан с удивлением обнаружил как раз напротив своего лица верх грязного трактирщицкого халата, расстегнутого чуть ли не до пупа. Трактирщик нависал над столом всем своим огромным пузом, и потому Конан очень подробно мог бы рассмотреть каждую обломанную застежку засаленного халата и каждый волосок на жирной груди. Если бы хотел, конечно — поскольку располагались они в данный момент в полутора ладонях от его носа.

А вот для того, чтобы посмотреть трактирщику в наглую харю, ему пришлось бы запрокидывать голову...

Что за дела?..

Он же ясно помнил, что трактирщик, хотя и

был мужчиной немаленьким, доходил ему в лучшем случае до середины плеча! И то, если бы выпрямился. В обычном же своем состоянии он вообще предпочитал не подниматься выше пояса, справедливо предполагая, что близость к полу обеспечивает дополнительную безопасность и надежность. Особенно, когда в твоей таверне варвары гулять изволят. Вернее — один варвар. Но который многих стоит. Во всех отношениях...

О подобной странности, конечно, следовало бы подумать. И подумать серьезно. Но этому мешал дразнящий аромат, исходящий из вожаемой кружки. Справедливо решив, что рассматривать грязные трактирщицкие шмотки ему ни к чему, а поразмышлять о разных странностях он сможет и потом, Конан протянул вперед руку, сграбастал трактирщика за отвороты его давно не стиранного халата и как следует тряхнул для надлежащего вразумления.

Вернее, попытался тряхнуть.

Но не смог.

И с ужасом уставился на свою руку.

Вместо мощной, покрытой вздутыми буграми стальных мышц и перевитой защитными ремнями из продубленной ветрами и солнцем тысяч дорог кожи каменного варана, руки настоящего мужчины его взору предстала бледная скрюченная лапка. Вся какая-то высохшая, словно совсем лишенная плоти, с обвисшей морщинистой кожей, да еще и покрытая старческими пигментными пятнами. Именно такая жалкая конечность, вырастая из Конановского плеча, жалко

царапала сейчас по необхватной груди трактирщика, тщетно пытаясь ухватиться скрюченными пальцами сразу за оба отворота его халата.

Трактирщик тоже посмотрел на эту руку. Сверху вниз посмотрел. Страхнул ее со своей груди — словно назойливое насекомое, одним движением мощного плеча. На его лоснящемся лице проступило выражение брезгливой жалости.

— Вышвырните на улицу этого попрошайку! — бросил он двум то ли сыновьям, то ли племянникам, во всяком случае, явное семейное сходство с жабами проглядывало в обоих. Подумав, добавил: — Только вы это... не очень-то!.. А то знаю я вас... А много ли такому задохлику... возись потом с мертвяком...

Рухнувший обратно на лавку Конан еще успел подумать, что жирная жаба, угодливо копошащаяся где-то на уровне твоего пояса, выглядит почему-то совсем иначе, чем огромная жирная жаба, над тобой нависающая. Особенно, если жаб этих две. И намерения у них...

А потом его сгребли за шиворот, проволокли до выхода — еще одно непривычное ощущение — волокли его практически на весу, носки сандалий пола почти что и не касались! — и швырнули в придорожную канаву.

Бить не стали, послушные мальчишки — так, пнули слегка пару раз, для приличия, да раскachaли на пороге, чтобы отлетел подальше...

Воды в канаве не было — лето в этом году было на редкость засушливым. Отплевавшись от набившейся в рот пыли, Конан сел. Вытер руки

обрывками куцего плащика. Холодея от ужаса, осмотрел их — теперь уже обе.

Левая ничем не отличалась от правой — такая же бледная, тощая и жалкая. Впрочем, торчащие из-под плаща грязные ноги выглядели ничуть не лучше. Остальное было милосердно прикрыто от взоров непривычной одежкой: короткими штанишками и обнаруженной под плащом рубахой странного покроя. Но что-то подсказывало Конану, что и там он вряд ли обнаружит что-либо утешительное. Впрочем, он не привык верить увиденному без немедленного предъявления веских доказательств. А потому, нахмурившись, принялся распутывать сложную шнуровку этой странной рубахи.

— Если господин варвар имеет намерение раздеться, я бы посоветовал ему отойти немного подальше. Да вон, хотя бы в ту вон рощицу! А то местные жители — народ простой, они могут неверно истолковать... оскорбиться даже. И тогда — точно побьют. Может быть даже — камнями.

Голос показался знакомым. Да и в словах говорившего был резон — местный трактирщик был выходцем из Бритунии, а потому содержал при постоялом дворе небольшую храмовину, посвященную Виккане. Маленькую, но вполне настоящую, с призванными изображать священный сад тремя чахлыми кустиками остролиста перед входом и даже одной настоящей жрицей — жалкой и вконец опустившейся старухой, согласной работать только за угол и кормежку. Располагалось все это прямо напротив постоянного двора.

Через дорогу. И потому, начини Конан тут разоблачаться догола, как намеревался было по запарке, да к тому же еще и — спиной к храму, это действительно могли бы посчитать святотатством. И отреагировать соответственно. Тем более, что гнусная старуха, седых своих патл, похоже, не только ни разу в жизни не стригшая, как раз выглядывала из дверного проема, взирая на Конана с жадным любопытством.

Конан затянул шнуровку у горла и обернулся.

Сидевший в небрежной позе на придорожном камне мужчина показался неуловимо знакомым. Был он огромен и вызывающе хорош собой. Охотник. Воин. Боец.

Короче — варвар.

Возможно даже — киммериец, не зря же акцент что-то смутно напоминал.

Слегка выгоревшие на солнце черные волосы были небрежно собраны на мощном затылке в хвост, которому позавидовал бы любой гирканский жеребец. Светло-голубые глаза на дочерна загорелом лице смотрели с насмешливой уверенностью в способности их обладателя справиться с любыми жизненными неприятностями, если такие встретятся на его пути. Горделивая осанка выдавала привычку подолгу держаться в седле, мощные руки были небрежно скрещены на широоченной груди, крест на крест перетянутой широкими кожаными ремнями поверх стеганого жилета — что, кстати, выдавало человека не только опытного, но и предусмотрительного. Босые ноги попирали придорожную пыль мощно и

уверенно, широоченные штаны были закатаны до колен, а выше обтягивали бедра, словно влитые, несмотря на всю свою непомерную ширину — слишком уж крупны были бедра эти, размером с торс обычного среднего мужчины, не меньше. Даже сидя он выглядел высоким.

Но внимание Конана привлекли именно руки. Хорошие такие руки. Мощные, сплошь покрытые вздутыми буграми стальных мышц и перевитые защитными ремнями из кожи каменного варана. Обожженные и продубленные ветрами и солнцем тысяч и тысяч дорог. Руки настоящего мужчины.

Его, Конана, руки.

Он мог не узнать своего лица — не так уж часто приходилось видеть, да и зеркала, что водные, что новомодные бронзовые, особой точностью изображения не отличались. К тому же, что он — женщина, чтобы на свое отражение любоваться?

Но руки — дело иное. Их он видел каждый день. По многу часов подряд. Сжимающие оружие или чье-то горло, напряженные или спокойные, ловко управляющиеся с замками и хитроумными женскими одежками.

Их не узнать он просто не мог.

А значит...

Значит, перед ним, вольготно развалившись на придорожном камне, сидит наглый вор. Вор, каким-то непонятным образом сегодня ночью укравший его тело. А теперь вернувшийся, чтобы над ним же еще и посмеяться...

Конан знал лишь один способ обращения с ворами подобного сорта...

Нехорошо оскалившись, он рванулся вперед, намереваясь одним ударом сбросить наглого вора с его насеста в придорожную пыль — и был опрокинут ударом горячего ветра в грудь.

— Вижу, господин варвар, что память к вам так и не вернулась, — сказал вор сочувственно, — держите! Полагаю, это способно помочь...

И он протянул Конану приятно булькнувшую баклажку.

Это был маг.

Тот, вчерашний, — теперь Конан узнал его манеру говорить, поначалу его сбил с толку собственный голос — красивый и низкий, который менял речь до полной неузнаваемости.

Это был тот самый маг.

Тот, вчерашний, показавшийся поначалу почти что приличным человеком.

И маг этот наверняка сейчас применил по отношению к Конану какие-то свои магические штучки.

Иначе чем можно было бы объяснить то обстоятельство, что Конан не только безропотно взял протягиваемую ему баклажку, но и выпил ее всю, до донышка — точно так же безропотно. Хотя еще совсем недавно пришел к твердому убеждению, что пить с магами — последнее дело...

Вино у мага было хорошее. Офирское, темное и густое. С пряным и чуть горьковатым запахом степных трав. И, возможно, именно привлечен-

ная этим соблазнительным ароматом, блудная память решила наконец-таки вернуться.

Память — она, конечно, женщина.

Только вот вернуться она решила как-то очень уж по-мужски...

Так возвращается в свой отряд пьяный наемник, избивая всех встречных и поперечных только потому, что в шлеме они, или же наоборот — без шлема. Так возвращается домой из длительного отсутствия по торговым делам муж, которому доброжелательные соседи уже успели доложить все произошедшее ...

Первое, чему учат гладиаторов на арене — это держать удар. Это порою важнее, чем уметь владеть мечом — тот, кто не понимал этого сразу, на арене не выживал. Погибал от первого же удара, держать который не умел. Зачастую так и не успев даже разок взмахнуть мечом.

Конан — выжил.

И потому сейчас не схватился руками за голову, не взвыл, не застонал сквозь зубы. Просто лицом окаменел.

Не воровство это было.

Спор.

Честный спор. Даже с привлечением в свидетели всех четырех стихий, что давало абсолютную гарантию честности обеих сторон. Не приколаешься.

И некого обвинять, кроме себя самого да гнусного трактирного поила. Как младенца, на «слабо» взяли! «А слабо вам, господин варвар, безо всей вашей знаменитой варварской силы,

немеркнувшей славы и удачи немереной хотя бы разок...» «Кому слабо?! Мне — слабо?!»

Вот же влип...

— Полегчало?

Маг смотрел вроде бы доброжелательно. Но Конан каким-то звериным чутьем ощущал затаившуюся на дне светло-голубых глаз — своих глаз!!! — издевку. Сощурился. Вздернул подбородок — в некоторых странах именно такое движение головой служит эквивалентом утвердительного кивка, если маг опытный, то поймет. Сам же кивок был бы слишком похож на уважительный поклон, а проявлять уважение именно сейчас и именно к этой персоне Конану хотелось менее всего.

— Условия?

— Но мы же вполне обстоятельно уже договорились обо всем ночью? — маг недоумевающее заломил бровь и теперь смотрел на Конана, словно ожидая подтверждения.

Но Конан молчал и сверлил взглядом переносицу мага.

Тот занервничал.

— Хорошо, хорошо, если господин варвар желает, я вполне могу и повторить еще раз... Специально для господина... э-э... варвара. Мне не трудно. Если господин варвар помнит, то ночью у нас зашел спор о том, насколько всем известные знаменитые и неподражаемые таланты господина варвара зависят от грубой физической силы. Я позволил себе утверждение, что, будучи лишенным оной силы, господин варвар не смо-

жет справиться с предстоящим ему очередным заданием. Даже таким простым, каковое было поручено господину варвару, не далее, чем вчера. Господин варвар на это очень возражал. Мы поспорили и ударили по рукам, призвав в свидетели все четыре стихии. На время спора мы обмениваемся телами. Подчеркиваю — только на время спора, независимо от его результатов. Мне мое тело, знаете ли, дорого... для определения победителя встречаемся здесь же, ровно через семь дней. Господин варвар сам настаивал именно на таком сроке, но я не хочу быть мелочным, и потому буду ждать до конца луны — мало ли какие сложности у господина варвара могут... э-э... возникнуть... Если господин варвар успеет за это время справиться с порученным ему заданием, что очень сомнительно, я обязуюсь выполнить любое его желание. Подчеркиваю — любое. Если же загаданное господином варваром желание окажется мне не под силу, что еще более сомнительно, я заменю его магической отработкой, поступив в полное и единоличное владение господина варвара сроком на одну зиму, день в день. Если же выигрываю я — господин варвар оказывается уже в моем полном и единоличном владении. На тот же срок. Полагаю, это справедливо?

Конан стиснул зубы так, что зазвенело в ушах, а во рту что-то вроде даже хрустнуло. Зубы у мага были так себе. Плохонькие такие зубы горожанина, лишь слегка укрепленные магией. Им никогда не приходилось грызть полусырое

мясо или вцепляться в горло врага. Короче, от них никогда не зависела жизнь их владельца...

— Вполне. И я могу верить, что ты сдержишь слово, данное... варвару?

Маг в картинном удивлении высоко поднял черные брови, округляя глаза. Конана даже зашло — до того глупый вид получился при этом у такой родной физиономии. Хорошо еще, что сам он никогда так не делал.

— Спор разбит при помощи всех четырех стихий, неужели этого мало? Или... господин варвар не напоминает?..

Конан поморщился.

— Ну что ж... тогда — желаю удачи, господин... э-э... варвар... — маг насмешливо отсалютовал Конану, легко поднял огромное мощное тело с камня и пошел себе по дороге, словно обычный путник.

— Маг! — сказал Конан ему в спину, когда их разделяло шагов десять.

Негромко так сказал.

Но маг вздрогнул, как от неожиданного удара — столько ненависти удалось вложить Конану в это короткое слово.

— У меня есть имя, маг.

Маг обернулся. Еще раз отсалютовал, уже не скрывая насмешки. Развел мощными руками.

— Оно принадлежит этому телу, господин варвар. Так что в данный момент у вас имени нет ...

* * *

Задание действительно было не очень сложным. Во всяком случае — казалось таким еще вчера...

Эсаммех, выполняющий при странствующем туранском принце Джамале обязанности то ли проводника и толмача, то ли доверенного слуги, разыскал его три дня назад очень вовремя. Еда давно закончилась, вино тоже куда-то делось, две отзывчивые поначалу девки-хохотушки, подцепленные Конаном по случаю успешно провернутого дельца, видя такие обстоятельства, последовали его примеру, а неблагодарный хозяин харчевни как раз вызвал отряд городской стражи для выдворения разорившегося постояльца.

Стража эта теперь топталась вниз, там, куда Конан некоторое время назад уронил с лестницы огромный сундук из железного дерева. Кстати сказать, затаскивали этот сундук на второй этаж шестеро рабов-тяжеловесов, привыкших ворочать огромные глыбы в каменоломне. И потребовался им на это почти что целый день времени, с двумя усиленными кормежками для восполнения потраченных сил...

Конан справился один.

Причем — совершенно натошак. И времени затратил не больше, чем потребно жрице Дерке-то на то, чтобы раздвинуть свои колени при виде красивого юноши.

Сундук был очень крепкий — на то оно и железное дерево. На нем даже трещины не возник-

ло. Чего, конечно, нельзя было сказать о несчастном здании харчевни, поскольку полы, стены и лестница ее были отнюдь не из железного дерева. Хлипкие такие полы да стены, из местного сероватого песчаника, ненадежные, одним словом — по сравнению с полновесным сундуком в полтора человеческих роста, вырубленным каким-то умельцем из цельного ствола...

Вот и проломил сундук ненадежные плиты эти, словно яичную скорлупку, уйдя в землю под ними чуть ли не наполовину, а заодно и смахнув весь нижний пролет ведущей наверх лестницы, словно его тут и не было никогда. Что, конечно же, существенно затрудняло горячее намерение стражи туда подняться. А заодно и несколько понижало и самую горячность этого самого намерения. Они, пожалуй, и вообще предпочли бы покинуть заведение, оставив хозяина самого разбираться со своими проблемами и постояльцами, если бы не маячила в гостиничных дверях непробиваемым заслоном мрачная фигура сержанта.

Так что злые и перепуганные стражники топтались себе внизу, раздираемые внутренними противоречиями и никак не способные решить, кого же они все-таки опасаются больше, а Конан, злой и голодный, в предвкушении веселой разминки поглядывал на них сверху, попутно размышляя над тем, чего бы еще на них уронить.

В этот момент Эсаммех и появился — маленький, седенький, с козлиной бородкой и лстивы-

ми манерами, кланяющийся через слово и растягивающий все многочисленные морщины своего невероятно сморщенного лица в вечной беззубой улыбке от уха до уха.

Он непрестанно что-то говорил, улыбался и кланялся, кланялся, кланялся... Он кланялся всем — сержанту, хозяину гостиницы, оторопевшим служкам, Конану, стражникам — всем вместе и каждому в отдельности. И очень скоро все оказалось улажено самым прекрасным образом.

Стража ушла, вполне удовлетворенная: сержант — позвякиванием в кошельке, а стражники — сохранностью зубов. Довольный хозяин, тоже разбогатевший на пару монет, скрылся в глубине дома и больше не надоедал Конану разными глупостями. На верхний этаж при помощи веревки был подан обед, вполне ублаживший Конана, а тем, что осталось от лестницы, с энтузиазмом занялись четверо малолетних оболтусов, обрадованных неожиданным развлечением.

* * *

Обычно после обеда настроение Конана менялось к лучшему. Особенно, если еда соответствовала его представлениям о трапезе приличествующей настоящему варвару. Поэтому благодушно рыгнув, Конан согласился принять шустрого старичка. Принять и выслушать. Просто принять и выслушать — ничего более...

Вот тут-то и выяснилось, что предлагать старичок желает вовсе не от своего имени.

Выяснилось, правда, не сразу — оказавшись в занимаемой Конаном комнатухе, старичок по-прежнему улыбался, кланялся и говорил, говорил, говорил... Говорил он много и цветисто. О добрых старых временах, когда жили настоящие герои, покрывшие себя неувядающей славой. О сложности современной поры для достойного человека, когда настоящие герои вынуждены наниматься в охранники к разжиревшим купчишкам или служить в городской страже.

Говорил он все вроде бы правильно. Только вот через поворот клепсидры Конан поймал себя на том, что клюет носом, убаюканный плавно текущими восхвалениями.

Это его слегка рассердило.

И потому он демонстративно громким зевком прервал очередную тираду и приказал старичку отвести себя к хозяину. Поскольку он, Конан, переговоров о важных делах со слугами отродясь не вел, а подобное шустрое трепло никем другим просто не могло быть.

Он понял свою ошибку сразу, едва переступив порог уединенного дома на окраине Шадизара — куда привел его старик. Выяснилось, что словоохотливость была свойственна не только слуге. Пусть даже и доверенному.

* * *

Хозяин шустрого старичка, туранский принц Джамаль, был точно так же суетлив и пышнословен. На этом, правда, все сходство между ни-

ми заканчивалось, поскольку хозяин был молод, смугл, высок и черноглаз. Блестящие волосы его метались за спиной беспокойными черными крыльями, когда резко менял он позу или взмахивал руками, пытаясь жестами усилить свои слова. Не в силах усидеть на месте, он метался по внутреннему закрытому дворику и говорил, говорил, говорил. Его руки тоже непрерывно метались, разбрызгивая по серым камням яркие отблески от самоцветов перстней. Камни были такой ослепительной яркости и величины, что заставляло человека понимающего непременно усомниться в их подлинности.

Маленькое простенькое колечко черного золота совершенно терялось на фоне этого великолепия. Малоопытный вор ни за что бы не позарился на подобную безделушку, даже и не заметив его, ослепленный и зачарованный окружающим сверканием.

И только поэтому остался бы жив.

Конан не был начинающим. И заметил колечко сразу. С первого же беглого взгляда.

За одну эту вот безделушку можно было оптом скупить не только все, что красовалось на руках и одежде его собеседника, но и все, что их окружало. Включая бесценные вендийские ковры, в которых человек утопает чуть ли не по колени и редкие кхитайские сосуды тончайшего фарфора, что стояли у входа во дворик. Про такие мелочи, как усеянная драгоценными камнями золотая и серебряная посуда на низеньком лаковом столике, и говорить было смешно.

И вовсе не потому, что все драгоценности эти были фальшивыми. Напротив! Маленькое черное колечко как раз и было гарантией их подлинности. Потому что обладатель явно имел возможность ни в чем себе не отказывать.

Кольцо было фактически бесценным.

За него одно при желании можно было, наверное, купить весь Шадизар, включая Ларшу со всеми ее проклятыми сокровищами, некогда погубившими отряды Тиридата Заморийского. Если бы, конечно, нашелся покупатель, не только достаточно богатый, чтобы заплатить подобную цену, но и настолько безрассудный, чтобы колечко это в руки взять. Потому что носить его без вреда для собственного здоровья мог только потомственный туранский вельможа, да не из простых, а королевской крови.

Кольцо это было невероятно старым, и каждый новый придворный маг считал своим прямым долгом и почетной обязанностью наложить на него еще пару другую небесполезных для своего господина заклятий. На плодovitость и верность жен. На быстрое исцеление ран. На крепкое здоровье. От отравлений. От неудач на охоте. От вражеской стрелы. От измены друга. Да мало ли каких «от» и «на» понапридумывали эти маги за прошедшие века?! Кольцо от этого настолько пропиталось магией, что уже само по себе являлось властью, а не просто служило ее символом.

Именно таким вельможей королевской крови и был смуглый принц Джамаль — молодой муж-

чина с дергаными жестами и безумным взглядом, нервно расхаживающий перед спокойно стоящим Конаном. Варвар не понял бы ни слова из его сбивчивой речи, если бы ни старик-толмач, который ухитрялся шустро переводить многословные пассажи своего владыки.

Четыре луны назад он, лучший из лучших принц и один из наследников великого владыки был нагло и гнусно ограблен. Из его тщательно охраняемого сада умелые воры похитили Персиковое Дерево, жемчужину коллекции и усладу очей, отраду сердца и печени. Именно под сенью этого редкостного дерева предпочитал проводить молодой наследник послеобеденное время, у ее корней ночами виделись ему самые сладкие сны, навеваемые самым усадительным ветерком. Но вовсе не из-за подобных милых сердцу привычек не было Дереву этому равных под этим небом.

Просто Персиковое Дерево был деревом необычным.

Оно было волшебным.

И уж совершенно точно волшебными были два растущих на нем огромных персика, восторженному описанию которых принц Джамаль посвятил чуть ли не целый поворот клепсидры — ровно по половинке на каждый.

Этих персиков, похоже, всегда вырастало именно два. Идеально круглых и очень сочных. Мужчина, отведавший их нектара, становился неутомимым — обстоятельство, и для простого гражданина приятности не лишнее, а для туранского наследника, с его многочисленным и

постоянно пополняющимся гаремом приобретающее важность просто первостепенную. В этом-то, похоже, и заключалась основное коварство похитителей — во всяком случае, с точки зрения самого Джамала. И именно из-за этого уникального свойства волшебных плодов, похоже, отсутствие персикового дерева на законном месте в саду не давало несчастному молодому Джамалу спокойно спать ночами — во всех смыслах этого слова.

Разумеется, он сразу же начал поиски пропажи. А как же иначе? Практически сразу же и начал. Как только немного успокоился и перестал метаться по дворцу с обнаженной саблей в руке и жаждой крови в черных безумных глазах, а оставшиеся в живых слуги отмыли каменные плиты от крови своих менее удачливых коллег, не вовремя подвернувшихся под горячую руку. Отмыли хотя бы настолько, чтобы по ним можно было передвигаться, не рискуя на каждом шагу поскользнуться или споткнуться о чью-то свежесрубленную голову — рука у молодого наследника была очень горячей.

Но сразу же обнаружились определенные трудности в опознании грабителей — или хотя бы описании их примет. Конечно, та половина стражи, что пережила налет, вполне бы могла описать приметы преступников, а впоследствии даже и опознать их.

Могла бы... Если бы дожила до этого...

Молодой владыка не без оснований полагал, что именно стража в лучшем случае не слишком

старательно выполняла свои прямые обязанности, а в худшем — так и вообще была подкуплена похитителями. А потому именно провинившиеся воины первыми усеяли своими повинными головами мраморные плиты дворцовых дворики. И, когда у принца Джамала появилась мысль о необходимости выяснения примет налетчиков, оказалось, что выяснять эти приметы было уже не у кого...

Другой бы на его месте сдался. Но молодой наследник был не только горяч — он был еще и упрям. К тому же немалое количество неудовлетворенных жен и наложниц могут придать невероятную храбрость и настойчивость даже самому робкому мужчине.

Разумеется, он нашел похитителей.

Да и могло ли быть иначе?

Конечно же, не могло! Глупый вопрос.

На это, правда, ушло четыре луны и куча золота из сокровищницы, но зато теперь он точно знал не только исполнителей, но и заказчика — и, глядя в мстительно сузившиеся черные глаза, Конан неожиданно для себя понял, что искренне сочувствует им обоим. Но в данный момент главным было то, что принц Джамаль знал точный адрес нынешнего обладателя бесценного дерева.

Именно поэтому он и приехал сюда — тайно, под чужим именем, всего лишь с жалким десятком слуг. Именно поэтому снял вот этот тесный домишко на задворках города, недостойный даже купца средней руки, а не то что лучшего из

владык великого Турана, кровного наследника великого короля, да живет он вечно! Именно поэтому вот уже луну без малого проживает он здесь в невероятно аскетических условиях, словно раб, почти не покидая своего тайного убежища и питаясь, чем придется, да что там — почти голодая!

При этих словах переводчика Конан оценивающим взглядом обвел загромождающую лаковый столик посуду и решил, что они с принцем Джамалем, пожалуй, одинаково правильно смотрят на количество и качество еды, необходимой настоящему мужчине для того, чтобы не голодать. Четыре жалких цыпленка, с десятков плоских с какими-то приправами к овощам, блюдо с этими самым овощами, три маломерных кувшинчика с разными винами и крохотные плоские чашечки для этих самых вин, а также горы каких-то малопонятных, вареных в меду фруктов — нет, это не еда для настоящего мужчины! Так, баловство одно, только аппетит раззадоривает...

Воистину, великие жертвы уже принес Джамаль, обуреваемый справедливым желанием вернуть себе свою бывшую собственность. Он даже ходил по местным улицам в одежде, недостойной последнего нищего! Но подобные жертвы не были напрасными — он сумел подобраться к задней стене нужного ему здания никем не узнанным! И даже видел свое сокровище — мельком, в узкую щель в заборе, но видел! Собственными глазами убедился, что оно именно там, в целос-

ти и сохранности, и что новые хозяева, похоже, обеспечили ему вполне сносный уход.

Дело оставалось за малым. А именно — вернуть сокровище на его законное место в саду самого наследника.

Можно было, конечно, попытаться сделать это легальным путем. Да только вот вряд ли местные городские власти согласились бы с законностью требований какого-то там рядового купчишки, а открывать свое истинное имя и положение принц Джамаль хотел менее всего. По мотивам хотя и политическим, но вполне понятным. Продать только что купленное чудо-дерево нынешний владелец отказался — даже за сумму, превышающую заплаченную им самим в три раза. Для вооруженного же налета у принца сейчас было слишком мало людей — и не было никакой гарантии, что, попытайся он ввести в Шадизар стражников в необходимом количестве, местные власти не воспримут это как начало необъявленной войны. Да и соседние страны в подобной ситуации не останутся равнодушными, а развязывать долгое и кровопролитное всеобщее побоище Джамаль не хотел, несмотря на всю свою молодость и горячность. Оставалось одно.

Кража.

Тихая, незаметная, ловкая ночная кража.

Именно эту кражу и намеревался поручить молодой наследник Конану. Не слишком сложное, но очень неплохо оплачиваемое дельце. Дня три подготовки и одна ночь активной работы — и за все это полновесный мешочек с парой сотен

завлекательно поблескивающих серебряных кружочков.

Конан ничем не выказал своего первоначального удивления несоразмерностью платы и оплачиваемой работы. И особой радости не выказал тоже. Он давно уже убедился, что лишней платы не бывает — наниматель всегда норовит придумать за эту самую лишнюю плату парочку дополнительных условий, выполнить которые зачастую оказывается намного сложнее, чем провратить само дельце.

Вот и на этот раз он не ошибся — дополнительные условия обнаружились и у принца Джамала.

Причем, судя по тому, как усиленно заматались его волосы и руки, не говоря уже о прочих частях тела, — условия эти относились к категории Очень и Очень Важных. Можно даже сказать — наиважнейших.

Условия эти касались собственно волшебных персиков..

Похоже, принцу крайне необходимо было не столько само дерево, сколько эти самые уникальные и неповторимые плоды. Во всяком случае, за сохранность и возвращение законному владельцу этих восхитительнейших и нежнейших фруктов в ненадкусанном и не помятом виде Конан должен был отвечать головой.

— Хорошо, — сказал Конан, героическим усилием воли подавляя зевок. — Я понял. Персики — это самое главное. Персики — и их сохранность.

Внезапно в его слегка затуманенную послеобеденной усталостью голову забрела интересная мысль. Конан пригляделся к ней — сначала недоверчиво, но потом со все большим воодушевлением. Мысль ему нравилась.

Нравилась настолько, что, пожалуй, требовала быть высказанной вслух.

— Послушай, принц! Если тебе так нужны эти персики — зачем тащить целое дерево? А сами плоды я украду в два счета, хоть сегодня же ночью ...

И понял, что ляпнул что-то не то — с таким откровенным ужасом уставился на него толмач, даже морщины на лице его от ужаса слегка разгладились.

А в конановскую голову заглянула и вторая мысль — вслед за своей пришедшей ранее слишком уж торопливой приятельницей.

Конан крикнул.

Вот же богами на голову обиженный! Легче ему, понимаешь... конечно, легче! Только вот кто будет платить полновесным туранским серебром за то, что способен походя совершить любой мальчишка?... Дело, понимаешь, одного плевка... вот одним плевком тебе и заплатят! Вон как старик глазенки-то вылупил — не верится ему, поди, что варвар сам себе цену сбивает.

Между тем старик перевел — трясаясь и запинаясь чуть ли не на каждом слоге. И теперь на Конана уставились уже две пары глаз — с одинаковым ужасом и неверием. А потом...

А потом Конан увидел кончик очень острого кинжала.

Хорошо так увидел.

Качественно.

Трудно не обратить внимания на кинжал, острый кончик которого находится в непосредственной близости от твоего собственного зрачка.

Конан замер.

Не от страха — бояться он разучился еще в раннем детстве. Не от растерянности — чего тут теряться? Ситуация яснее некуда.

Просто обретающийся на той стороне кинжала молодой Джамаль, похоже, был безумен, а таких лишний раз лучше не раздражать, когда подносят кинжал к твоему главному яблоку. Думающие иначе обычно потом всю оставшуюся жизнь щеголяют роскошными украшениями в виде повязки. Этак наискосок... через то, чем они бесстрашно когда-то разглядывали кончик кинжала, уверенные, что его хозяин просто блефует. Те же из них, чья вера наиболее крепка — еще и с деревяшкой вместо ноги. Или — обеих ног. Это уже от уровня веры зависит.

Конан же в подобных случаях предпочитал не рисковать, а потому не шевелился и даже старался не моргнуть, чтобы не располосовать верхнее правое веко на мелкие ленточки.

Несколько мгновений длилась немая сцена, показавшаяся ее участникам очень долгой. Потом Джамаль внезапно отшвырнул кинжал в сторону. Конан видел, как тот воткнулся в стену и задрожал. Хороший кинжал, ничего не скажешь, за такой на рынке немало дадут, стоит запомнить на всякий случай...

Принц и наследник же тем временем неожиданно рухнул на колени и завыл, раскачиваясь из стороны в сторону, вцепившись руками в свою пышную шевелюру и добросовестно пытаясь проредить ее хотя бы наполовину. Повыв немного и выдрав-таки пару черных клочков, он снова заговорил — еще более лихорадочно, чем раньше.

Конану запрещается рвать волшебные персики.

Конану запрещается вообще до них дотрагиваться.

Конану запрещается причинять нежнейшей коже бесценного дерева хотя бы малейшую царапину.

Более того — Конану вообще запрещается под страхом мучительной смерти дотрагиваться до этого дерева голыми руками! Ему следует аккуратно изъять товар, запаковать в рулон нежного шелка — шелк Конану выдадут — и нести потом с величайшей осторожностью.

Конан затосковал.

Простенькое на первый взгляд задание становилось все более и более муторным, на глазах обрастая ловушками и подводными камнями.

— А если вред уже был причинен? Еще раньше? Мне нет охоты отвечать за чужие проделки.

Принц заверил, что в таком случае Конану ничего не грозит — у них есть свои способы установить, кто именно и когда причинил вред, после чего примерно наказать мерзавца. Правда, если указанный вред будет причинен именно волшебным персикам, то это скажется на вели-

чине оплаты. Полную Конан получит только за дерево с двумя плодами. Персики без дерева — тут у Джамалья задергалась щека — не принимают и не оплачиваются вообще.

Конан вздохнул.

Дело ему уже давно перестало нравиться, но пока он не видел приличного способа отказаться, сохранив при этом лицо и получив хотя бы небольшую оплату — за беспокойство. Решил уточнить напоследок — так уже, на всякий случай.

— А если этих самых персиков будет больше? Мне тогда заплатят тоже больше — или как?

Принц Джамаль, услышав перевод, на какое-то время впал в ступор.

Моргнул даже.

Посмотрел на Конана с каким-то странным интересом. Еще раз моргнул. Старик-толмач же поинтересовался осторожно, явно по собственной инициативе — как это вдруг персиков может стать больше?

— Как, как... — Конана уже начинала злить эта болтовня. Тем более, что обед давно уже переварился, а нового тут, похоже, не предвиделось. — Выросли! Столько времени прошло — вполне могла еще пара-другая появиться...

Старик взвизгнул. Тоненько так — Конана аж передернуло. Потом перевел, продолжая повизгивать.

Пару мгновений Джамаль оторопело моргал, а потом вдруг тоже разразился раскатистым хохотом. И только тут до Конана дошло, что визг старичка тоже был всего лишь смехом.

Конан пожал плечами.

На богами обиженных не обижаются. Тем более — на тех богами обиженных, которые еще и платят. А эти платили, и платили хорошо — отвеселившись, принц Джамаль сказал, что удваивает названную первоначально сумму. Просто так удваивает, безо всяких условий — очень уж ему понравился веселый варвар со своими шутками.

А тут как раз и обед подали — хороший такой обед, хотя сладостей и тут было немерено. Туранцы умудряются даже мясо готовить с медом, такая уж странная нация.

После обеда Конана проводили к казначею, который выдал ему задаток и увесистый рулон золотистого шелка. Шелк занял большую часть запячного мешка, но Конан не беспокоился — при выполнении этого дельца ему не понадобится много припасов.

Так что расстались Джамаль и Конан — если и не друзьями, то, во всяком случае, людьми, вполне довольными друг другом.

Четыре следующих дня Конан посвятил осмотру местности.

Обошел все расположенные поблизости от нужного дома таверны. В каждой посидел, выпил вина. Прислушивался к разговорам, разглядывал посетителей. С некоторыми даже знакомился.

Уже на третий день к вечеру он выяснил все, что хотел, и даже придумал способ почти законного проникновения на территорию нужного са-

да. Четвертый же потратил на уточнение деталей и создание подходящей ситуации. А вечером решил немного расслабиться. Немного, потому что на утро уже договорился об очень важной встрече.

Пришел в приличный трактир. Заказал вина.

И увидел за соседним столом тщедушную фигурку в куцем плащике...

Расслабился, называется...

* * *

Конан встал. Как мог, отряхнул мерзкую одежку. Хотел спянуть, да во рту опять пересохло.

Он уже приблизительно знал, что и в какой последовательности собирается делать исходя из так вот резко и кардинально изменившихся обстоятельств. Тот варвар, который не способен мгновенно перестроиться в соответствии с новой обстановкой, обычно очень недолго успевает прожить в горах Киммерии. И не оставляет после себя глупых и неприспособленных детей, могущих передать свою ущербность следующим поколениям. Горы — суровые воспитатели.

Но сначала он должен был завершить одно маленькое дельце...

* * *

Недалеко отошедший маг долго наблюдал за тем, как взобравшаяся на вершину холма тще-

душная фигурка суетится вокруг огромного круглого камня, явно пытаясь столкнуть его под уклон. Холм был тот самый, на склоне которого вольготно расположилась такая гостеприимная харчевня.

Задумка вообще-то была хорошая.

Скатись этот камешек с откоса — и от хозяйственных пристроек трактира вряд ли что уцелеет, а при снисходительном взгляде кого-нибудь из многочисленных богов судьбы в сторону бедного варвара — может серьезно пострадать и само главное здание. Нет, что ни говори — задумано было неплохо.

Только вот исполнение оставляло желать лучшего.

Много лучшего.

Конечно, в своем прежнем теле этот варвар справился бы, даже не вспотев. Одной левой, можно сказать, справился бы.

Но в том-то и дело, что тело его в данный момент скептически наблюдало за его глупой и бесполезной возней с вершины соседнего холма. Предварительно, конечно, сделав себя невидимым — очень удобное заклинание, маг его еще в ранней молодости придумал, когда подглядывал за девушками. Потом стало лень тратить время на такую ерунду, да и девушки за это время свою привлекательность почему-то подрастеряли, и за последнюю сотню зим он этим заклинанием не воспользовался ни разу. А вот, надо же — не забыл за столько лет, с первой же попытки получилось.

Конечно, он мог бы помочь этому глупому варвару. Одной левой.

Но — зачем?

Чем раньше этот глупый киммериец поймет нынешнее положение вещей и перестанет трепыхаться — тем ему же будет лучше. К тому же воспоминания о подглядывании за девушками неожиданно оказались приятно волнующими. Маг опять ощутил почти забытое за давностью лет нечто. На этот раз, правда, выраженное в куда более решительной и почти что непрерываемой форме — молодому здоровому телу мало было одних мыслей, оно властно требовало немедленного воплощения их в жизнь. Потянувшись с хрустом, маг хмыкнул и подумал, что время ожидания окажется, похоже, куда лучше, чем он предполагал...

Отвернувшись, он решительно зашагал вниз с холма. На круглый камень и крохотную фигурку рядом с ним он больше уже не оглядывался.

* * *

Камень был огромен.

Камень был упрям.

Но варвар, которого может переупрямить какой-то там камень, очень недолго живет в киммерийских горах.

Здесь, вдалеке от породивших его гор, неведомо какими силами занесенный на холмистую границу бескрайней и ровной, как стол, степи,

он был, пожалуй, самым упрямым и непрошибаемым существом. Или сущностью — Конан слабо разбирался в магических делах и вечно путал эти понятия. Достаточно просто того, что камень был.

Огромный, неприступный, побитый временем и поросший по низу зеленовато-серыми бородами многолетнего мха, он основательно расположился на вершине холма задолго до рождения не только самого Конана, но, пожалуй, что и его прадеда. И, со свойственным всем огромным камням упрямством, в ближайшее время совершенно не собирался покидать своего уютного лежбища. Упрямый был камень. Мощный.

Это — если рассматривать его отдельно, на фоне огромной и плоской, как стол, степи.

Но против киммерийских гор он был — так себе камешек.

Хиловатенький...

На катки пошла кстати подвернувшаяся на заднем дворе харчевни груда поленьев, приготовленная для очага — Конан видел как-то в пустыне, как при помощи таких вот катков толстые и мелкие рабы тягали огромные монолиты для постройки каких-то совсем уж циклопических сооружений. Вот те глыбы действительно потрясали воображение, а рабы были куда мельче и изможденнее Конана, даже в теперешнем его состоянии.

А еще те рабы применяли длинные прочные бревна с упором, наподобие качалок со смещенным центром. При помощи таких качалок, упи-

раясь на длинную сторону верхнего бревна, даже слабый человек мог поднять огромную тяжесть. На чуть-чуть, но поднять. А нам много и не надо — только на катки столкнуть. Назывались эти чудо-качалки потешно — рррычаг. Наверное, потому, что, наваливаясь на бревно всем телом, рабы яростно рычали от усердия.

Конан тоже зарычал.

Не потому, что хотелось, а просто так, для порядка. С этой магией лучше быть осторожным. Мало ли — вдруг рычание является ее необходимым атрибутом и без него ничего не работает?

Помогло рычание или нет, но камень не выдержал.

Сначала подался чуть-чуть, потом — сильнее. Качнулся. Тяжело повернулся, выворачиваясь из земли и оседая на застеленные скользким шелком катки. И начал свое неотвратимое скольжение вниз, поначалу медленное и плавное, но постепенно набирающее мощь и скорость.

Катиться ему оставалось не меньше минуты — холм был не маленький. Конан как раз успел на ходу смотать и сунуть обратно в заплечный мешок изрядно испачканный и местами даже порванный шелк и начать неторопливый спуск по дороге, когда снизу с той стороны холма до него донеслись треск, грохот и чьи-то вопли.

Но оборачиваться он тоже не стал.

Зачем?

* * *

— Ну и для чего мне может понадобится такой ничемный рабочий, как ты?

Нрагон, старший стражник одного из самых богатых на сегодняшний день шадизарских купцов, был явно раздосадован. И для досады у него имелись веские причины.

Он был хорошим старшим.

Может быть — даже самым лучшим во всем Шадизаре. Его подчиненные тоже были своеобразной элитой — подтянутые, дисциплинированные, преданные — как на подбор. Они не были случайными людьми, оказавшимися занятой одной работой — они были отрядом, причем отрядом настоящих бойцов. Более пятнадцати зим они вместе с Нрагоном охраняли караваны, и за все это время в стычках с разбойниками потеряли всего трех человек. Чего тут было больше — везения, правильного нрагоновского руководства или свирепой неукротимости самих охранников, об этом пусть судят другие. Самому же Нрагону было вполне достаточно того, что это — было. И что отряд его считался одним из лучших на всем караванном пути. Если не самым лучшим. И считался, заметьте, вполне заслуженно...

Они и на службу к внезапно разбогатевшему мелкому купчишке пять лет назад так и поступили — все вместе, целым отрядом. С возрастом, знаете ли, как-то тяжело становится спать на голой земле и питаться исключительно соломиной да сухарями.

Они тогда не прогадали — купец, их новый хозяин, резко пошел в гору.

Тоже перестал сам мотаться с караванами, передоверив это дело приказчикам да младшим помощникам, приобрел парочку домишек на природе, с рабами и прочей необходимой живностью — для летнего отдыха, а в самом Шадизаре отстроил роскошнейший то ли дом, то ли настоящую крепость, с роскошным садом, и фонтанами. За пять прошедших зим штат его прислуги увеличился чуть ли не вдесятеро, появились в загородных домах и новые охранники — как же без них? Но к Нрагону и его подчиненным купец проявлял уважение, оставил в центральном, городском, доме, да и набора новых стражников от Нрагона не требовал.

На такое хозяйское уважение приходилось отвечать еще большим усердием да старательностью. Кому другому подобное могло бы оказаться и в тягость, но ребята у Нрагона были натасканные, понятливые и преданные. И со службой своей до недавнего времени справлялись вполне успешно.

Но это — до недавнего времени.

Словно сглазил кто великолепную команду, словно какой-то из ненароком обойденных подношением мелких богов решил вдруг обидеться и всерьез напакостить. Когда позавчера один из опытейших нрагоновских бойцов получил тяжелую травму в одной из бездумных и яростных кабацких драк, причем получил по глупой случайности, от вовсе даже и не ему предназначен-

ного удара деревянной скамьей по голове, Нрагон даже не удивился. Он давно уже ожидал чего-то подобного. Все последнее время к этому и шло.

Конечно, отсутствие одного бойца не могло существенно ослабить отряд. Тем более — такой отряд, как у Нрагона. Печальное событие, кто спорит, но вовсе не повод для серьезных волнений.

Да только вот в том-то и дело, что другой стражник вот уже почти что полную луну залечивал ногу, сломанную во время неудачного падения. А еще один нрагоновский подчиненный некоторое время тому назад отпросился на свадьбу. Знал бы Нрагон, что такая вот беда позавчера приключится — ни за что бы не отпустил. Ну и что, что свадьба эта, на которую он отпросился — его собственная? Настоящему воину не нужна обуза!

Отсутствие одного человека — ерунда. Двух — трудность, с которой еще можно как-то справиться. Трех — катастрофа.

Ну, если и не катастрофа, то, во всяком случае — проблема, и проблема серьезная.

А возникающие перед ним проблемы Нрагон привык решать быстро и до конца. Особенно — серьезные.

Отряду требовались новые бойцы. Сильные, ловкие, знающие свое дело.

А, главное — молодые.

Что толку закрывать глаза на правду — с годами никто не становится здоровее и выносли-

вее. Вот и среди нрагоновских вояк — спору нет, прекрасных вояк! — нет на сегодняшний день ни одного, не разменявшего четвертый десяток. Как минимум. А двое — так и вообще седые давно! Еще пара зим — и из них песок посыплется, никакие ежедневные тренировочные бои не помогут! Вот и у Хайя нога так долго срастается — зим десять назад, помнится, через неполную луну прыгал уже и на коне скакал вовсю, а перелом похуже был...

Женятся вот тоже...

Пока, правда, один только, да ведь это — как заразная болезнь! Стоит одному подхватить — и пиши пропало. Не остановишь без жестких мер. Вплоть до полного устранения источника заразы. Только вот как его устранишь? Совсем выгнать — так ведь не за что, боец хороший, и остальные не поймут, ворчать станут. А вот вернется он от молодой жены — глаза шалые, мышцы дряблые, морда счастливая... вот тут-то они все с цепи и сорвутся, к гадалке не ходить! Хорошо, если хотя бы треть отряда от злого поветрия спасти удастся!

А женатый человек — это уже не стражник. Не охранник. Он в первую очередь о жене начинает заботиться, о доме, о семье, о детишках. Такой еще трижды подумает, а стоит ли рисковать лишний раз за хозяйское добро? И еще, кстати, неизвестно, что в результате надумает!

Нет, что ни говори, а нужны отряду новые бойцы, молодые да ловкие. И о женитьбе по молодости лет не помышляющие. Хорошо бы, ко-

нечно, чтобы были они при этом еще и преданными, но преданность не рождается на пустом месте, ее воспитывать надо, кропотливо и долго. Значит, для начала вполне можно ограничиться силой и молодостью. А там — видно будет.

Вчера, казалось, он договорился с одним таким.

Мощи в нем было на троих, да и ловкостью от отличался изрядной — непроверенный товар Нрагон и на базаре-то никогда не брал, не то, что на работе, а потому первым же делом устроил чужаку испытание. Чужак справился вполне успешно.

Немного смущало, правда, то обстоятельство, что был он варваром.

А варвары из далеких диких гор, мощные и смертоносные, как горный обвал, как правило, оказываются точно так же и неуправляемы. Но Нрагон отбросил сомнения, справедливо рассудив, что хорошие деньги делают управляемыми всех. Он сказал чужаку «хорошо». А чужак сказал: «Приду». Насколько Нрагон знал кодекс чести этих варваров-киммерийцев, подобное простое слово с их стороны было порою куда весомее иной самой пылкой клятвы представителя любого другого народа. Пусть даже и клятвы, заверенной кровью.

И теперь вот уже третий час он маялся на солнцепеке в ожидании этого проклятущего варвара, понимая уже, что ждет он его напрасно. Варвар, похоже, нарушил сделку.

Редко, но случается.

Кто их, варваров этих, поймет?

Короче, причины досадовать у старшего стражника были вполне серьезные.

А тут еще этот вот...

На первый взгляд назойливый оборванец показался ему не слишком удачливым нищим или даже мелким базарным воришкой — больно уж шустрые ручки были у этого горе-попрошайки, слишком цепок был взгляд из-под грязных спутанных волос. Поначалу Нрагону показалось, что не достоин этот оборвыш ничего, кроме мелкой монетки и брезгливой осторожности.

И только повнимательнее приглядевшись, Нрагон осознал свою ошибку.

Слишком гордая осанка была у этого оборванца, не бывает у простых уличных попрошаек такой осанки, выросшие на улице с раннего детства привыкают сутулиться и втягивать голову в плечи, стараясь сделаться как можно мельче и незаметнее. Да и лохмотья его, при более внимательном разглядывании, оказывались хоть и измазанными в грязи и изорванными до почти полной неузнаваемости, но отнюдь не дешевыми тряпками. Когда-то, похоже, были эти лохмотья очень даже приличной одежкой — на штанах до сих пор местами сохранилось золотое шитье. И были, если судить по укороченным полам драного плащика, совсем еще недавно — такие стали популярны среди молодых представителей местной знати совсем недавно, не больше зимы назад.

Да и просил этот оборвыш не хлеба и даже не денег — он просил о неммыслимом.

Он просил о зачислении в отряд.

Ни больше, ни меньше...

* * *

Времени изучить оборванца как следует и переменить свое первоначальное мнение у Нрагона было достаточно — высказав свою просьбу один раз, в самом начале, и получив одобренный изрядной долей сарказма отказ, попрошайка не стал настаивать. Просто кивнул, словно ничего иного и не ожидал, и молча сел прямо на грязную землю городской улочки, утопанную множеством ног до каменной твердости, всем своим видом демонстрируя готовность ждать пересмотра принятого Нрагоном решения. Нрагону очень хорошо было его видно из жалкой тени полотняного навеса, натянутого предприимчивым хозяином таверны над входом — для удобства посетителей, желающих выпить вина не в душном сумраке полуподвального помещения, а на относительно свежем воздухе.

Так он и сидел — вот уже три поворота клещидры.

Неподвижно, на самом солнцепеке, ни разу не подняв руки даже для того, чтобы вытереть пот со лба или отмахнуться от вездесущих надоедливых мух.

Поначалу Нрагона забавляла эта его молчаливая неподвижная настойчивость. Но вода, лишь слегка разбавленная вином, кончилась уже давно, причем был это далеко не первый кувшин. И

даже не пятый. А варвар все не шел. И росло раздражение.

А оборванец по-прежнему сидел, сложив на грязных коленях не менее грязные руки. Руки эти выглядели так, словно он совсем недавно за чем-то рыл ими землю — побитые, испарапанные, со свежими ссадинами и черной грязью под обломанными ногтями. Но — тонкие длинные пальцы, но — аристократически узкие кисти, ошибочно принятые Нрагоном при первом взгляде за профессиональную наработку опытного карманника. Не прост бродяжка. Ох, как не прост. Да и тряпка, что намотана у него в виде широкого пояса, тоже не очень проста...

Нрагон пригляделся внимательнее и мысленно ахнул.

Если его немало повидавшие глаза не обманывали и тягучий матовый блеск не был игрой перегретого полуденным солнцем воображения, то тряпка эта была самым настоящим шелком!

Это было уже слишком. Нрагон не выдержал.

Встал из-за столика и даже вышел на солнцепек, подойдя к оборванцу почти вплотную. С расстояния в два шага ошибиться было уже невозможно — на поясе у уличного бродяги было намотано целое состояние...

Парнишка наблюдал за ним из-под спутанной челки. Его взгляд был спокойным и уверенным. Даже, кажется, чуть-чуть ироничным, что уж вовсе ни в какие ворота не лезло. Этот взгляд все и решил — отойти обратно к столику или даже просто уйти, зная, что в спину тебе смот-

рят таким вот понимающим и чуть ироничным взглядом, оказалось делом невозможным. Оставалось лишь заговорить, словно именно для разговора с этим странным нищим встал он из-за своего столика и вышел на солнцепек.

Нрагон откашлялся и спросил, словно продолжая не законченный три часа назад разговор:

— Ну так и зачем же мне может понадобиться такой никчемный рабочий, как ты? У меня не приют для скорбных разумом и увечных телом.

Бродяга ответил сразу — словно и не было большого перерыва в их беседе:

— Даже самым сильным стражникам может понадобиться служба для мелких дел.

Взгляд его по-прежнему оставался спокоен.

Нрагон задумался.

А что? Пожалуй, это был вполне приемлемый вариант. Сейчас зачислять его в отряд на правах полноценного бойца не только бессмысленно, но и просто опасно — и сам погибнет в первой же стычке, и товарищей подведет. Но годика через два или три, побегав с ребятами, да поднарастив на свои тонкие благородные кости немного простого и конкретного мяса и заматерев, он может оказаться очень даже и ничего. Бойцовская жилка в нем есть, это по взгляду видно, а то, каким путем оказался он на улице — в конце концов, это его личное дело. Пусть для начала поживет при кухне, пообвыкнется, а там посмотрим. К тому же и стряпуха жаловалась, что мальчишки-рабы мрут как мухи, рук вечно не хватает.

Оно, конечно, слишком взрослый он для такой работы... да и зазорно человеку свободному... но, с другой стороны — тем старательнее будет рваться в настоящие бойцы...

Нрагон принял решение.

— Ладно. Уболтал, языкастый! Я, пожалуй, действительно возьму тебя — конечно, не сразу в отряд. Это еще заслужить надо. Поживешь пока при кухне. Если хорошо себя проявишь — то удержишься там недолго...

* * *

— Эй, ты! Что, не видишь, что бадья уже полная?!

Рука у стряпухи была тяжелая. И то правда — поворожай-ка всю жизнь над очагом огромные целиком жарящиеся туши, попереворачивай сбоку на бок ежедневно все то, что купец со его товарищи употребить изволят на многочисленных трапезах, — и накачаешь руки такие, что любому кузнецу впору обзавидоваться.

Это была мысль — так, посторонняя. Непосредственно Конана то, что и как проходило через руки старшей поварихи, касалось мало. Куда больше его касалось то, что до этих рук не доходило, будучи еще на подходе отрезано, отсеяно, удалено и вычищено многочисленным более мелкими личностями — как по возрасту, так и по значимости.

Мелкими — это по сравнению с главной стря-

пухой, конечно же, бабой габаритов огромных и злобности непомерной.

Если же сравнивать с тем положением, какое ныне вынужден был занимать в здешней иерархии Конан, любой младший помощник распоследнего Отгонятеля Мух был достаточно важной персоной, чтобы не захотеть самому выносить помой.

А бадья и действительно была наполнена уже почти доверху — злобные мальчишки специально тянули до последнего, и теперь радостно хихикали из своего угла, глядя как пришлый будет корячиться, выволакивая огромную неповоротливую тяжесть на задний двор. Это была их вечная, но никогда не приедавшаяся шутка, и Конан сам бы мог догадаться об этой их задумке еще часа два назад и предотвратить веселье в зародыше, просто вынеся злополучную бадью вовремя.

Как он и поступил вчера, получив в награду с десятков словно бы случайный пинков и пару неслучайных и оттого еще более обидных плюхов.

Конечно, на плюхи и пинки можно было бы и ответить. Кухонные мальчишки-рабы не были соперниками Конану даже и в его нынешнем состоянии. Даже в этом хлипком и ненадежном теле Конан один стоил десятка таких, как они.

Да только вот стряпуха еще в первый день сказала, угрожая нависнув над Конаном огромной грудью и поводя вокруг налитыми кровью глазами, что драк она в своих владениях не

потерпит. И зачинщик будет выкинут с позором и немедленно. И по лицу ее нетрудно было догадаться, кто именно будет признан этим самым зачинщиком — независимо от реального положения дел.

А быть выкинутым отсюда в планы на ближайшие дни у Конана как-то не входило.

Во всяком случае — пока.

* * *

Ворочая огромную бадью, Конан не торопился.

У неторопливости его имелись две причины, и обе — весьма увесистые. Первая из них была всем и каждому понятна — а куда, собственно, торопиться службе, выполняющему грязную и совершенно рабскую работу? Обратно на кухню, где ему немедленно найдут новую не менее приятную работенку, которую по той или иной причине не желает выполнять никто другой?

Ха!

Но у его неторопливости была и другая причина.

Гораздо более важная...

Выгребная яма находилась в самом дальнем углу заднего двора. Этот угол был образован двумя стенами. Одна из них — внешняя — была сплошной и массивной. Она сурово и неприступно вздымалась на высоту трех человеческих ростов, сложена была из массивных блоков серого песчаника и украшена сверху многочисленными острыми пиками для достойной встречи незна-

ных гостей. Конан оценил бы ее неприступность как очень и очень, может быть, даже очень-очень-очень, и в одиночку штурмовать бы, пожалуй, что и не решился.

Вторая стена была попроще. Так-себе, да и то с натяжкой. Простенькая такая стеночка, для начинающих.

В смысле штурма, потому что назвать простенькой кладку, известную среди профессионалов под названием «каменная вуаль», не смог бы ни один хоть чуть-чуть разбирающийся в архитектуре человек.

Эта стена была внутренней, и потому от нее не требовалось неприступности, высоты и массивности. А вот ветропроницаемость по причине жаркого климата очень даже требовалась. И ажурная, похожая на кирпичное кружево кладка эту проницаемость обеспечивала вполне, заодно служа и некоей символической оградой, таким напоминанием для «своих».

За кружевной стенкой был сад.

И выгребная яма в самом дальнем углу у этой стены — это пока что было самое близкое расстояние, на которое Конану удалось подобраться к находящейся где-то в этом саду цели.

Забраться по этой стеночке мог бы, пожалуй, даже слепой, глухой, безногий и однорукий калека. Забраться-то он бы смог. И даже в сад спуститься, пожалуй, сумел бы.

А что дальше?

Сквозь пустоты в кладке сад просматривался неплохо, разве что слегка фрагментарно. За три

проведенных на кухне дня Конан успел изучить доступные кусочки с тщательностью какого-нибудь фанатика-садовника, и уже практически каждое дерево в этом саду знал, можно сказать, в лицо. В ствол, в ветви, в... ну, что там еще у деревьев имеется? Вот во все это он их и знал. Всех, которых смог разглядеть.

Да только вот нужного персикового дерева среди них он так и не обнаружил.

Ни одно из деревьев почему-то не окружала дополнительная цепь в три ряда, украшенная каким-нибудь четким и недвусмысленным указанием, что вот именно этот ствол с ветками и есть то самое искомое Персиковое Дерево. Ну, на худой конец — хотя бы чем-нибудь ну очень угрожающе-зловещим. Типа «Остановись, смертный!» или многозначительный и сам за себя говорящий череп предыдущего неудачливого похитителя на острой палке рядом. Ни одно из увиденных Конаном деревьев не охранял днем и ночью особо бдительный страж. И, что характерно — ни на одном из деревьев не висели, мерцая нездешним светом, два волшебных персика, по отсутствию которых так убивался несчастный принц Джамаль.

Впрочем, и страж, и персики в саду имелись. Только вот персики почему-то предпочитали расти не парами, а большими скоплениями, склоняя своим обилием и тяжестью некоторые ветки чуть ли не до земли. Может, где-то среди них и присутствовало дерево всего лишь с двумя плодами, но оно совершенно терялось в общей

массе более плодовых соседей. Или же первоначальное предположение Конана было правильным, и за четыре прошедших луны да при хороших удобрениях и обильном поливе дерево это и само плодовитость свою существенно повысило, не желая от соседей этих самых отставать — кто их, эти волшебные растения, знает? Может, они тоже ревнивы к чужим успехам!

Но, как бы там ни было на самом деле, все сходилось к тому, что отсюда, из-за забора, Конан никак не мог определить заранее искомую цель. Возможно, пошастав по саду, он бы каким-то образом нужное и обнаружил, да только вот для проверки этого предположения ему необходимо было не только оказаться лично в этом самом саду, но еще и некоторое время там провести в полном и абсолютном одиночестве.

И вот тут-то как раз и начинались проблемы.

* * *

Потому что страж в саду все-таки был. Конан убедился в его наличии в первый же день. Огромный, грозный и жутко бдительный. Да и странным было бы, не окажись именно такого стража в том самом саду, в который выходили внутренние двери купеческого гарема.

Стражем оказался огромный, злой и бородастый выходец откуда-то из Черных королевств — судя по темной коже и курчавой шевелюре. Он периодически обходил сад и через отверстия в разделяющей дворик стене кидал мрачные взгля-

ды на Конана, если тот оказывался поблизости. Дружелюбия и добрососедского отношения в этих взглядах отчего-то не замечалось.

Огромный звероподобный охранник всегда смотрел на Конана с такой мрачной ненавистью и видом столь угрожающим, что оставалось радоваться, что их разделяет пусть ажурная, но стена!

Однажды Конан не выдержал и перед уходом скорчил стражу страшную рожу. Зверообразный тип утробно зарычал, стукнул древком копья о землю и плюнул ему вслед.

Мощно так плюнул. От души.

Кого помельче — так и с ног таким плевком сбить недолго.

Причины возникновения внезапной ненависти к своей нынешней персоне у совершенно незнакомого человека Конан не понял. Да и не особо он над ней задумывался, над причиной этой — мало ли кому чего в голову взбредет? Над всякой чужой блажью башку ломать — так и вовсе ее сломать недолго! Больно нужно! А вот реакция собственного (пусть на непродолжительное время, но все-таки — собственного!) тела его неприятно удивила.

Тело испугалось.

До оторопи. До холодной испарины. До острых мурашек вдоль позвоночника и позорной слабости в коленях.

Подобное предательство не могло не злить.

А больше всего злился он еще и от запоздалого осознания того, что на самом-то деле пугаться

не было ни малейшей причины. Ведь ему совершенно ничего не угрожало. Ну ничегошеньки! Жуткий страж сада не станет лезть через стенку на задний двор, чтобы расправиться с каким-то мелким служкой, как бы он не был зол!

По всем понятиям выходило так, что Конан не просто испугался до слабости в коленках, но еще и испугался-то из-за какой-то ерунды. А точнее — из-за неверной оценки ситуации. А вот это уже было действительно скверно. А еще более скверным было то, что теперь тот звероподобный страж за ажурной оградкой уверен, что Конан его боится. И не без оснований уверен-то, вот что самое неприятное! Поскольку это мерзкое тельце, похоже, готово отпраздновать труса и при следующей встрече.

Это было неприятно.

* * *

Сейчас черный страж в саду отсутствовал, и Конан испытал чувство, близкое к облегчению. Нет, не то, чтобы он терзался угрызениями совести по поводу собственной трусости, но лишний раз встречаться с этим охранником желания у него как-то больше не возникало.

Впрочем, Конан об этом не задумывался. Для размышлений у него была тема поважнее.

— Ты молодец! — так сказал ему сегодня утром Нрагон. И даже протянул руку, словно хотел то ли погладить по голове, то ли по плечу потрепать, но в последнюю минуту передумал.

Конан как раз таскал воду для большого чана. Нрагон наблюдал за ним какое-то время издалека. Потом подошел к колодцу.

— Ну что ж, — сказал он, — справляешься, как я посмотрю, неплохо. И стряпуха тебя хвалила. Так что считай, проверку ты прошел успешно и с завтрашнего дня можешь приступить к учебным боям. И шмотки свои, кстати, к ребятам перекинь, а то непорядок получится.

И ушел, довольный собой. Парнишка-то, вроде, действительно оказался ничего, а нехватка людей в отряде вынуждала торопиться.

Так что сегодня Конан ворочал бадью в последний раз. И последний же раз имел вполне законный повод находиться на заднем дворе, откуда до сада можно в буквальном смысле дотянуться рукой. С завтрашнего дня все усложнится. Путь к саду будет лежать или через вечно полную народом кухню, находиться на которой более у Конана не будет поводов, или же через личные купеческие помещения, находиться в которых поводов у него будет, пожалуй, еще меньше.

А, значит, что?

Правильно.

Катя пустую бадью обратно на кухню, Конан не оглядывался. Зачем?

Он уже принял решение.

* * *

Конан провел ладонь по стволу, для пущей уверенности даже ковырнул слегка ногтем, но

ничего так и не произошло. Похоже на то, что и это дерево никакой магией не обладало. Как и все, ему предшествовавшие. Конан уже и со счета сбился, сколько он их за это невеликое время пересчитал, с каждым последующим деревом чувствуя себя все более глупо. Хорошо, что темно и некому подсмотреть, чем это темной ночью занимается в саду славный варвар из Киммерии.

Расскажи кому — потом проходу не будет он насмешек. Конан — и с деревьями обнимается, словно ополоумевший жрец-извращенец. А что делать прикажете, если темнота в этом саду такая, что можешь сколько угодно таращить глаза — все равно ничего не разглядишь?! Разве что получишь сучком прямо в этот самый глаз — вот тогда, пожалуй, можно увидеть немало яркого и красочного.

Напоследок.

Луна появится еще не скоро, а звезды — они только выглядят ярко, света от них и нет почти.

Впрочем, то, что луны нет, имеет и свои плюсы. Конечно, Конану приходится пробираться от дерева к дереву практически наощупь, ничего не видя, но и самого Конана при этом увидеть тоже, хочется верить — невозможно. Бдительный страж вот уже дважды совершал обход сада, заставляя Конана замирать, сливаясь с очередным стволом в еще более тесном, чем обычно, объятии. Особой опасности он не представлял, потому как ходил с фонарем, а в результате видел за пределами жалкого освещенного пятка еще меньше, чем Конан. К тому же ходил он шумно,

сопел, чесался, наступал на сучки и даже порой бормотал что-то себе под нос. Короче, вел себя так, как ведут себя все стражники на рутинной и никому по большому счету не нужной, но тем не менее, обязательной работе. Он явно ничего не опасался и никакого вторжения на вверенную ему территорию не ожидал.

Правда, пару раз он останавливался, втыкал факел в землю, закрывал глаза и начинал принюхиваться. Конан в такие мгновения старался не дышать — он был наслышан об остром, почти зверином нюхе охотников из черных королевств. Но пока все обходилось. Понюхав ночной воздух, он подбирал факел и, успокоенный, шел себе дальше, продолжая что-то удовлетворенно бормотать в спутанную бороду. А Конан, переведя дух и выждав на всякий случай какое-то время, осторожно перемещался к следующему дереву. Деревьев в саду было немало...

Конан осторожно отвел тяжелую ветку — ароматное яблоко ткнулось прямо в лицо гладким холодным боком. Времени после ужина прошло уже порядочно и Конан, не долго думая, проверил на вкус так вовремя подвернувшийся фрукт. Вкус оказался вполне удовлетворительным.

И — никакого волшебства.

Даже на вкус. Обычное яблоко. Сладкое в меру, и даже с небольшой горчинкой. Может быть — сорт такой, а, может быть, какому-то червяку несколько ранее это яблоко тоже пришлось по вкусу. Вот он и горчит, слегка похрус-

тывая на зубах в предсмертной червячной агонии.

Осторожно вытянув руку вперед, Конан сделал еще один беззвучный шаг. Показалось или нет, что непроглядная тьма словно бы стала еще непрогляднее?

Кончики пальцев вдруг на что-то наткнулись.

На что-то, что не было ни стволом, ни ветками, ни листвой — их легкие невесомые ускользающие прикосновения Конан уже определял с полукасания. То, что сейчас подвернулось Конану под руку, было горячим живым и твердым, и даже на первое ощущение веяло от него какой-то враждебной незыблемой мощью.

Конан замер с бешено колотящимся сердцем, готовый к нападению неведомого врага. Врага огромного и непонятного, а от того еще более страшного. Если такой нападет — мало не покажется. В нынешних обстоятельствах не могло быть и речи о сражении на равных. Какое там сражение! Удрать бы по хорошему, оставив сопернику в качестве трофеев не слишком большие клочки собственной шкуры и сохранив в относительной целостности руки и ноги — вот, пожалуй, лучший вариант на данный момент. Одна надежда, что противник, такой огромный и горячий, не понял, насколько слаб и одинок ночной нарушитель. Тогда он может и не рискнуть напасть в одиночку, начнет кричать, подымая тревогу и сзывая охранников. Вот тогда-то и может появиться шанс незаметненько смыться в поднявшейся суматохе. Маленький, правда, шан-

сик и в меру дохленький, но другого-то и вообще не предвидится...

Конан замер на полусогнутых, готовый рвануться по первому же намеку на появление искомого шанса. Ну, или хотя бы тени намека.

А пока враг замер, прислушиваясь.

Даже дышать перестал. Ему явно не хотелось поднимать ложную тревогу и беспокоить охранников по пустякам. Похоже, он не был твердо уверен, действительно ли его только что потрогал кто-то живой, или же это были просто шутки заблудившегося среди листвы ночного ветра.

Не дышал и Конан. Он вообще боялся открыть рот, сердце так оглушительно билось о ребра, что его наверняка было слышно за десять шагов. Вот сейчас стражник услышит этот панический набат, вот сейчас удостоверится, что поднятая им тревога не будет ложной и никто не поднимет его на смех за излишнюю мнительность, вот сейчас наберет он в свои мощные легкие побольше воздуха и заорет...

Но враг почему-то медлил.

У Конана перед глазами поплыли желтые круги, легкие жгло огнем. Сердце колотилось уже не о ребра, а о стиснутые зубы — изнутри, бешеной барабанной дробью. Поняв, что терять все равно нечего, так и так он себя выдаст, если свалится в задушенном обмороке прямо под ноги ужасного врага, Конан со свистом втянул в горящие легкие сладкий и безумно вкусный ночной воздух. Подавился. Закашлялся, понимая уже, что упускает последний шанс удрать.

Враг не отреагировал.

Отдышавшись, Конан еще раз протянул вперед руку и уже спокойно ощупал горячее и твердое, показавшееся с перепугу живым.

Камень.

Гладко отполированный умелыми мастерами и нагретый дневным солнцем. Он даже не был горячим — так, скорее теплым. Просто у этого тельца, не смотря на весь его преувеличенно юный вид, по стариковскому обычаю постоянно мерзли его жалкие ручонки. Вот и показалось в первый момент ледяным пальцам, по контрасту, что камень этот горячий, а перепуганное сознание услужливо дорисовало картинку — горячий, значит живой.

Просто теплый отполированный камень.

Странно.

Откуда взялся посреди купеческого сада этот камень? Конан вроде бы не видел днем никаких больших камней, хотя постарался изучить видимые через ажурную ограду фрагменты как можно подробнее...

Конан провел рукою по камню вверх. Наткнулся на узкий желобок шва. Ощупал второй камень — такой же гладко отшлифованный и теплый. Развел руки в стороны, пытаясь нащупать границу этих странных камней и понять, что же они собою представляют.

И нащупал резной край подоконного наличника. Это была вовсе не груда отполированных камней, непонятно как возникшая ночью посреди купеческого сада.

Это была стена дома.

В темноте он не заметил, что прошел уже весь сад, перешупав в нем каждое дерево, до самой задней стены купеческого сарая. Больше в этой части сада деревьев не было.

Конан вздохнул.

* * *

Вообще-то он с самого начала подозревал, что не все с этим несложным на первый взгляд заданием окажется так уж просто. С несложными заданиями всегда так. Очевидно, имеется на это какой-то поганенький и непреложный закон природы.

Говорят тебе, допустим, с милой улыбкой: «Ничего сложного! Просто сходи и принеси! А я тебе за это простое дельце недурно заплачу». А потом оказывается, что сходить надо не куда-нибудь, а в затерянный городишко на другом краю пустыни, за двумя перевалами и одним ну очень большим болотом. Причем болотом и так-то пакостым, а в данное время года так и вообще непроходимым. А принести необходимо не какой-нибудь всеми забытый и никому не интересный пустячок, а невероятно ценный и весь из себя ужасно магический обсидиановый трон местного чародея. Причем принести в целости и сохранности, не поцарапав полировки и не повредив зачарованной резьбы подлокотников за время длительного и трудного обратного путешествия. Ну и всяческие там попутные мелочи, о ко-

торых даже не стоит упоминать в деловом разговоре. Вроде того, что с трона этого самого предварительно необходимо еще и стряхнуть тощую задницу его прежнего обладателя. Вместе со всеми прочими активно сопротивляющимися частями тела этого обладателя, разумеется. Каковой обладатель, кстати, являясь верховным местным правителем, властью в тех местах обладает нешуточной. И телохранителей у него вокруг трона обсидианового рассыпано — что блох вокруг активно чешущейся собаки.

И вот, допустим, прошел ты пустыню и горы. Надавал по мордасам парочке дюжин наиболее шустрых болотных тварей, перейдя самые топкие места по их спинам, как по живому мосту. Допустим.

Допустим, местный столичный городишко, больше похожий на вымершую деревню, ты тоже нашел. И дворец отыскал, если эти развалины — действительно дворец.

И вот, допустим, раскидал ты в живописных позах по всему дворцу вооруженную до зубов охрану — пусть отдохнут в тенечке от трудов праведных и о жизни подумают. Их, конечно, было довольно-таки много, но — допустим! И даже чародею местному, старичку весьма понятливому, объяснил ты уже популярно, в чем же именно он не прав. Доходчиво так объяснил. На пальцах, можно сказать. И допустим даже, что он тебя вроде бы как даже и понял.

И вот стоишь ты напротив вожака трона и начинаешь потихоньку понимать, что не

все в этом мире так уж просто, как казалось тебе вплоть до этого момента. И что все, тобою до этого момента проделанное — это так, пустяки. Забава детская. Потому что вот он трон. Прямо перед тобою. И вовсе ничем он не напоминает резной стульчик, который сунул в заплечный мешок — и гуляй себе. Можно даже бегом.

Хороший такой трон.

Основательный.

Из цельного обсидианового куска любовно изготовленный и явно рассчитанный на магическую задницу повышенной упитанности. Кто бы мог заподозрить сухонького старичка-чародея в таком пристрастии к гигантизму?! Или, может, он в молодости куда тучнее был, и лишь под старость усох?..

И вот стоишь ты напротив трона, мрачней с каждым мгновением все более. Потому что трон этот не то чтобы совсем уж неподъемный... будь он совсем неподъемным — все оказалось бы куда проще. Никто не вправе требовать выполнения невыполнимого задания. И плюнул бы ты с досады, недобрым словом помянув шутника-заказчика, и пошел себе, более серьезные контракты искать. Или вернулся бы через пустыню, два перевала и болото и требовал с шутника плату за юмор в тройном размере...

Но в том-то и дело, что трон этот не был совсем уж неподъемным!

Рослому варвару такую штуковину поднять вполне по силам. И даже какое-то время пронести — тоже вполне реальная вещь. Только вот в

том-то и проблема, что нести его тебе предстоит вовсе не на соседнюю улицу.

Пустыня.

Два перевала.

И болото, раздосадованные обитатели которого ждут не дождутся твоего возвращения.

А самое скверное, что нести все-таки придется.

Потому что уговор — дело святое. А ты — варвар. Дикий варвар из диких гор. Ты не можешь взять обратно раз уже данное слово. Потому что, кроме этого слова, нет у тебя более ничего. И если оно потеряет ценность — жить тебе станет не на что. Да и незачем, наверное, если сам про себя будешь ты знать, что, дав однажды слово, не сдержал его, потому что это оказалось слишком трудно.

Конечно, не все данные слова можно сдерживать. Бывают обстоятельства. Причины. Ситуации.

Только вот имя у всех этих причин, обстоятельств и ситуаций одно. Короткое такое имя. Имя, с обладателем которого не поспоришь.

Смерть.

Ты можешь не сдержать данного слова, если мертв. Только это может быть оправданием. Все остальные причины, обстоятельства и ситуации являются неуважительными.

А потому придется, кряхтя, взваливать эту штуковину на плечи и переть туда, куда заказчик приказать изволил. Через пустыню, два перевала и болото. И, кстати, пора бы тебе с этим делом поторапливаться, потому что понятливый

старичок понятливым и все осознавшим, похоже, только притворялся. Оставленный в уголке без присмотра, он уже дожевывает свой кляп не по-стариковски острыми и крепкими зубами и вот-вот начнет плевать всякими нехорошими заклинаниями, а где-то под гулкими сводами огромных дворцовых залов уже начинают потихоньку шевелиться наиболее крепкие стражники...

* * *

Вот и сейчас Конан ощупывал деревья в этом саду, почти не надеясь на столь простое решение своих проблем. Так, для порядка и очистки совести. И с крохотной надеждой на самом краю сознания — а вдруг на этот раз все-таки повезет?!

Не повезло.

Что ж, этого и следовало ожидать.

Да и с какой стати купцу помещать драгоценное дерево практически на хозяйственных задворках своего сада? Почти что на заднем дворе, хоть и отделенном ажурной оградкой. Там, где любоваться уникальной диковинкой смогут разве что рабы при кухне и прочая человеческая мелочь. Правильно — незачем ему это делать.

Тем более, когда имеется у него прекрасный маленький садик во внутреннем дворе — буквально в трех шагах, всего лишь с противоположной стороны женской половины купеческого дома. Отличный такой садик с фонтанами, беседками и стигийскими радужными птицами,

без которых купец, похоже, не мог обойтись не только за обедами и ужинами. Именно в том саду отдыхал он со своими женами и принимал почтенных гостей.

Во внутренний садик из сада хозяйственного вел узкий проход. Этакий коридор между внешней стеной, огораживающей все купеческие владения, и боковой стеной дома. Обе стены были глухие, а проход настолько узок, что два человека вряд ли смогли бы там разойтись. Этот проход даже днем напоминал пещеру, а пещеры Конан не любил почти что так же сильно и искренне, как не любил магов и змей. Может быть, потому, что пещеры очень часто служили обиталищем и тем и другим.

Конан вдруг обратил внимание, что уже некоторое время вполне отчетливо видит перед собой темный провал ведущего во внутренний сад прохода. Он чернел мрачной дырой в преисподнюю и казался еще темнее на фоне белых камней внешней стены, высеребранных лунным светом. Конан поднял голову.

Ну да.

Луна потихоньку вылезала над забором круглым раздутым пузом. Предутренний ветерок шелестел листвою — ночь давно перевалила через свою середину.

Следовало поторопиться. Конан поморщился и осторожно шагнул в проход.

На полшага, не более.

Потом с наименьшей осторожностью развернулся боком и уперся плечами в гладкие камни

стены дома. Кладка внешней стены была грубее, камни не подвергались особой шлифовке, пальцы ног легко находили мелкие неровности. Упираясь плечами и ступнями ног в противоположные стены прохода, Конан легко вскарабкался вверх, почти под самую балку, ограничивающую плоскую крышу. И лишь тогда стал осторожно перемещаться в горизонтальном направлении, помогая себе широко раскинутыми по стене руками. Пожалуй, мелкость его нынешнего тела в данной ситуации оборачивалась преимуществом. В своем прежнем облики ему бы пришлось тут передвигаться, скорчившись в три догибели и упираясь носом в колени. А так — ничего, свободно даже. Знай, перебирай себе ногами.

* * *

Страшно довольный собой, Конан осторожно спустился и принял вертикальное положение. Затаившись в тени стен, он осматривал внутренний садик, залитый лунным светом, словно молоком. Беззвучно сложил губы для длинного и весьма эмоционального свиста.

И вот это у них называется «маленький внутренний садик»?!

Открывшееся Конану пространство больше напоминала живописную рощу без конца и края, чем крохотный дворик городского дома. Пусть даже и весьма зажиточного.

Две увитые плющом беседки. Меланхолично журчащие фонтаны. И, конечно же, деревья.

Мда... вот именно что деревья...

Деревья, деревья и еще раз деревья.

Кто бы подумать мог. Твердят все — «садик, садик!». А в этом садике заблудиться можно. На широкую ногу живет торговец, не мелочится. Если драгоценность какая — то наверняка величиной с кулак, если уж сад — то самый большой в Шадизаре. И по размерам, и по количеству деревьев.

И, если исходить из уже сработавшего сегодня закона подлости — все эти деревья должны оказаться именно персиками.

Поголовно.

Вернее — покронно. Или что там у них наверху располагается?

Следовало поторопиться...

* * *

Ловушку он заметил в самый последний момент. В тот самый последний момент, когда она уже сработала, но цели своей еще не достигла.

Спасла его не сноровка воина и даже не варварское чутье.

Спас его маленький острый камешек, вовремя подвернувшийся под босую ногу.

Оцарапав подошву, Конан слегка отшатнулся, перенося вес на другую ногу и разворачивая корпус. В этот момент он и услышал свист рассекаемого острой медью воздуха. Что-то сверкнуло на уровне талии и холодком обдало обнаженную кожу живота — ради удобства и из-за

жаркого климата Конан был в одной набедренной повязке.

Вертикальная секира.

Конан замер на одной ноге, настороженно прислушиваясь и обливаясь холодным потом. Не попадись ему под ногу камешек — и остался бы он до утра валяться во внутреннем садике. В качестве двух половинок остался бы. Одно утешение — кажется, эта секира была одноразовой. И ни о какой камень с размаху не дрызнулась, свистнула себе — и все. Висит себе, слегка покачиваясь на тугом ремне. А тихий свист, похоже, ничьего внимания не привлёк.

Выждав пару минут, Конан рискнул опустить вторую ногу на землю и осторожно скользнул к ближайшему дереву. На первый взгляд дерево это было вполне обычным. В смысле — не магическим, потому что странно сформированная крона придавала ему вид совсем не обычный, более похожий на неряшливую копну. С первого взгляда даже не удавалось определить, является ли это дерево персиком. Плодов, во всяком случае, видно не было. Требовалось уточнить.

Осторожно разведя длинные, плетями свисающие до самой земли ветки, Конан сделал шаг в затененное ими пространство — своеобразный живой шалаш у самого ствола. Один лишь маленький шаг. И сразу же понял свою ошибку.

Потому что босая нога его наступила на что-то теплое и гладкое.

И это что-то уже не было просто нагретым за день камнем...

* * *

Оно было живым и мягким, это что-то, и оно суматошно затрепыхалось под Конановской ногой, как может трепыхаться спросонья только человек, на которого неожиданно наступили.

Конан понял свою ошибку и одновременно с ужасающей ясностью осознал, что сейчас произойдет. Осознал за какую-то долю мгновения до рванувшегося наружу визга. И рухнул на трепыхающееся тельце всей своей массой, придавливая к земле, зажимая рукой раскрытый в беззвучном крике рот и не давая визгу вырваться.

Вернее, попытался.

Рухнуть, придавить, зажать и так далее. Не хватило веса и ширины ладони.

Оглушительный женский визг пробивался между слишком тонкими пальцами, а зубы так не тактично разбуженной девицы неожиданно сильно укусили руку, пытавшуюся преградить этому визгу путь. Сил удержать бьющееся тело не хватало, да и смысла в этом больше не было — даже сквозь пронзительный визг Конан слышал топот и крики в доме.

Вырвав пострадавшую руку из зубов, Конан рванулся к проходу, уже не думая о ловушках. Но запутался в каких-то женских тряпках, упал, снова вскочил, продираясь сквозь ветки так и норовившие живыми лианами опутать тело коварного монстра, до этого так умело прикидывающегося обыкновенным деревом. Ветки царапали кожу, так и норовили ткнуть в глаза, а наиболее

коварные мертвой хваткой вцепились в набедренную повязку. Конан рванулся изо всех сил. Ветхая ткань затрещала, пасуя перед варварской волей к свободе. Последние когтистые сучки царапнули голую спину и то, что пониже — и Конан вырвался из смертельных объятий дерева-убийцы.

Только для того, чтобы тут же попасть в гостеприимно распахнутые ему навстречу объятия стражников.

Их было четверо.

И каждый — вооружен.

* * *

Какое-то время Конан еще пытался сопротивляться. Разум никак не мог смириться с тем, что какие-то четверо несчастных стражников оказались вдруг непреодолимым препятствием. Четверо, ха! Да он в свое время и с четырьмя десятками вполне успешно справлялся. Попотеть, правда, пришлось, и руки на следующий день просто отваливались, но справился же! А тут — четверо. Всего-то. Пусть даже и вооруженных...

Его разум очень хорошо помнил прежние расклады и никак не хотел смириться с налагаемыми временным телом ограничениями.

Тут ему помогли стражники, парой убедительных тумачков доходчиво растолковав новое положение дел. Задыхаясь от удара под ложечку, Конан безвольно обвис. Его ноги почти не касались земли — по два дюжих молодчика с каждой

стороны растянули его за руки. Это был грамотный прием — из такого положения практически невозможно вырваться. Кроме того все мысли пленника поневоле сосредотачиваются вокруг растянутых до хруста и пронизываемых острой болью плечевых суставов. Тут уж не до сопротивления. Да и после удара под дых не особо побегаешь.

Вблизи стражники казались еще огромней и куда страшней. Может быть, из-за молчаливой слаженности действий, присущей лишь истинным мастерам своего дела. Может быть, из-за провальной черноты тел, от которой лица становились неразличимы на фоне ночного неба, только сверкали порою ослепительно белые зубы да белки глаз. Они действительно оказались на одно лицо, все четверо стражей. Конан и под страхом немедленной смерти не смог бы определить, который из них тот, с кем они перебрасывались многозначительными взглядами через ажурную стенку. Впрочем, в нынешнем своем положении он не особо бы и хотел это знать.

С прежней синхронной и беззвучной слаженностью профессионалов они проволокли Конана в дом. Протащили по узким коридорам и коридорчикам, задрапированным разноцветными тканями. Мимо мелькали какие-то комнатенки, освещенные масляными лампами или лунным светом, перепуганные женские лица и снова — драпировки, пропахшие туранскими благовониями. Сам бы Конан давно заблудился бы в этом мягком шелестящем лабиринте, но стражам —

все нипочем. Прут себе вперед на хорошей скорости. Когда же охранники с прежней молчаливостью как-то по-особому торжественно раздвинули последнюю занавеску, Конан понял, что его доставили к месту назначения.

И оказался прав.

* * *

Они стояли широким полукругом.

Очень грамотно стояли, охватывая и перекрывая наглухо все помещение, но при этом на достаточном расстоянии друг от друга, чтобы не задеть рядом стоящего узкой кривой саблей в пылу возможной драки. Кроме сабель на вооружении у троих из них имелись очень неприятные колющие шары на цепочках, на севере называемыми «моргенштернами».

У одного был аркан.

Еще у двоих — сети.

Похоже, пленников тут предпочитают брать живьем.

Этому могло быть два объяснения. Одно — более приятное для потенциального пленника, другое — менее.

Приятное заключалось в образе жизни хозяина дома. Он же купец, а не воин. Это воин предпочитает видеть врага мертвым, а купцу мертвый человек неинтересен. Даже враг. Потому что мертвый не может принести прибыли. А живого, даже врага, всегда можно попытаться выгодно продать.

А Конан сейчас для купца даже и не враг. Так, зарвавшийся и проворовавшийся слуга. Убить, конечно, можно. Только невыгодно. Мертвый прибыли не приносит. Куда выгоднее наказать, поставить на тяжелые работы или продать в рабство. Все это давало некоторую отсрочку. А, значит, и надежду.

Менее приятное объяснение могло заключаться в том, что купец жесток по натуре и любит кровавые развлечения.

В этом случае Конана будут пытаться. Может быть, чтобы узнать имена существующих лишь в воспаленном купеческом воображении сообщников. Может быть, просто потехи ради.

Впрочем, даже в этом случае некоторая надежда оставалась. Раз не убили сразу и на месте — мало ли как там что потом обернется? Главное — ждать и быть готовым.

— Что здесь происходит?

Этот сильный голос он узнал сразу. В ряду замерших настороженными истуканами воинов возникло легкое шевеление, двое, стоящие по центру, слегка подались в стороны, а из-за их спин выступил сам Нрагон — собственной и весьма недовольной персоной.

— Да вот, — откликнулся кто-то, стоящий слева, за спиной, и потому оставшийся вне поля конановского зрения, — вора поймали. К сокровищам подбирался, да стражи заметили вовремя!

Гордые тем, что их похвалили охранники одновременно расправили могучие черные плечи,

вздернув Конана за многострадальные руки так, что чуть ли не вывернули его наизнанку от излишнего усердия. В таком положении было невозможно не то что шевелиться, но и даже просто глубоко дышать. Конан повис на своих растянутых руках, как вывешенное на просушку тряпка...

Нрагон, сопя, подошел на пару шагов поближе и узнал. Наконец.

— Ты?!!

Неверие, досада, негодование, огорчение, обида, подозрение. И снова — праведное негодование человека, обманутого в лучших своих чувствах. Кто бы мог подумать, что простое квадратное лицо начальника охраны способно выразить такую гамму внутренних переживаний!

Самое же неприятное заключалось в том, что возникшее в складках этого лица подозрение не спешило никуда уходить, легкой тенью проступая через все последующие эмоциональные напластования. Он все-таки был очень хорошим начальником охраны. Может быть — даже лучшим. И в данный момент он стремительно пролистывал в мозгу картинки предыдущих дней, пытаясь найти иное толкование для каждого конановского поступка и слова.

Такое толкование, которое сделало бы появление Конана здесь и сейчас результатом хорошо продуманного и тщательно составленного заранее плана.

И маленькие глазки его при этом впились в Конана все более и более подозрительно — по-

хоже, обнаружить целую кучу подобных толкований оказалось нетрудно.

Это означало пытки.

Скверно...

Стражам к этому времени уже надоело держать Конана практически на весу. А, может быть, у них просто устали руки и они решили их слегка опустить.

Вопреки ожиданиям, самому Конану от подобной перемены положения легче не стало — теперь он стоял в очень неустойчивой позе, выпятив грудь и живот и сильно откинувшись назад и вниз растянутыми руками.

Чтобы продолжать смотреть Нрагону в глаза, приходилось до предела выворачивать голову. В позвоночнике при этом что-то весьма угрожающе похрустывало.

Конан попытался вздохнуть. Это оказалось ошибкой — нестерпимая боль в рвущихся связках вывернула его чуть ли не горизонтально, выгнув крутой дугой многострадальный позвоночник и практически поставив в акробатическую позу.

Нрагон вдумчиво обозрел пленника и лицо его перекосилось еще больше. Маленькие глазки, сощурились, подозрительность в них постепенно уступила место брезгливому и неодобрительному сожалению.

— Эх, ты... — сказал он даже с некоторым оттенком горечи, — что ж ты так то?.. Зачем полез в гарем к достопочтенному хозяину этого дома, да пребудет на нем милость Митры. Неужели не

мог какую-нибудь рабыню в углу завалить, ежели уж так припекло-то, а?..

Ни в каких коварных замыслах, простирающихся далее быстрого и тайного овладения престями какой-нибудь из купеческих жен, он, похоже, своего неудавшегося новобранца более не подозревал. Видя реакцию начальника, оцепившие помещение и оцепеневшие было в полной боевой готовности воины тоже слегка расслабились. На лицах у некоторых кровожадная бдительность даже уступила место живому интересу. Все-таки подобные ночные развлечения в скучной работе купеческого охранника — штука редкая.

— Так, это... — осмелился подать голос пожилой крепыш справа, нервно теребя цепь моргенштерна. — Надо бы хозяина... того-этого... ну, разбудить, что ли?

Голос у него был неуверенный.

Не глядя на него, Нрагон покачал головой. Сказал задумчиво и даже немного грустно:

— Зачем? Утром доложим. Не такое уж и важное событие, чтобы будить уважаемого человека, да продлят боги его годы, среди ночи. Сами разберемся и примем... меры.

Пожилой крепыш слотнул, заметно бледнея. Да и среди остальных возникло легкое шевеление — не то, чтобы откровенно протестующее, но какое-то неодобрительное. Все-таки они были настоящими воинами, а не палачами, эти подчиненные Нрагону охранники. Воин способен легко и безо всяких колебаний убить врага в бою, но

казнить пленного и безоружного — это уже совсем другое дело... Владелец моргенштерна стиснул пудовые кулаки, упрямо выдвинул квадратный подбородок и снова подал голос, вложив в него всю долю возможного и дозволенного для хорошего служаки протеста:

— Казнить без приказания? Непорядок это... Нрагон вскинул голову.

В демонстративном удивлении обвел своих ребят тяжелым взглядом. Спросил — вроде бы и ни у кого из них конкретно, а так, в пространстве, но при этом каждому показалось, что вопрос задан именно ему:

— А кто тут вообще говорит о казни?!

Крепыш явно растерялся. Моргнул. Нахмурился. Потом заулыбался — ему показалось, что он правильно понял идею начальства:

— Вот и я говорю! Подождем до утра, пусть хозяин сам решает...

— Не будем мы ждать до утра со всякими пустяками. — Нрагон прервал его небрежно, словно от мухи отмахнулся. — Тут и решать-то в сущности нечего. Этот бродяга сам для себя все решил. Он очень хотел стать воином. Я ему это пообещал, а я не привык нарушать свои обещания. Что ж. Быть посему. Будет он воином... — Нрагон нехорошо усмехнулся, оскаливая желтые крепкие зубы. — Воином в гареме! Он же и туда очень хотел, вот мы и совместим оба желания... да и хозяин порадует — он как раз на днях сетовал, что четверо евнухов уже не справляются с его разросшейся семьей... Иф-

рон, сходи, разбуди лекаря, пусть тащит все необходимое прямо сюда. Вран, попроси у служанок каких-нибудь чистых тряпок и что-нибудь ненужное — подстелить... Кирус, сгоняй на кухню, пусть поставят воду кипятиться, а потом — в подвал, за крепким вином, скажешь Мустаю — я послал... Когда хозяин проснется, он будет рад новому евнуху...

Нрагон все-таки был очень хорошим старшим стражником — все как-то сразу оказались им пристроены к делу или посланы с поручениями. На Конана он при этом не смотрел вообще. Да и остальные поглядывали лишь изредка, с жалостливым ужасом, а кое-кто — так даже и с искренним сочувствием. Похоже, мечтам о прелестях купеческих наложниц предавались среди подчиненных Нрагона многие и достаточно часто. А, может быть, и не только мечтам. И сейчас каждый из этих мечтателей с ужасом представлял на месте Конана себя.

А нехилый, однако, будет паскудному мажонку сюрпризик — потом, после обратного-то обмена телами...

Когда Конан засмеялся, они обернулись на него все, и даже на какой-то момент застыли, глядя с одинаковым ужасом и жалостью. Они были такими смешными в своем искреннем непонимании того, как можно смеяться над перспективой, которая для любого настоящего мужчины хуже смерти, что Конан снова зашелся в приступе истеричного полузадушенного хихиканья — на настоящий полноценный смех уже не

хватало дыхания. Так он и висел на вывернутых руках, задыхаясь и хохоча, а пожилой крепыш пробормотал понимающе:

— Бедный малый! Совсем рехнулся...

* * *

Боль.

Конан скакал по Серым Равнинам.

Он был гол, а лошадь под ним — давно мертва.

Один скелет. Отполированные временем кости, непонятно какой магией склепанные воедино и приведенные в движение. Пока скелет этот во все не думал рассыпаться на отдельные кости. Отнюдь! Он довольно шустро перебирал копытами по серым камням, мотал из стороны в сторону оскаленным черепом и даже иногда игриво взбрыкивал, дергая крестцом.

Вот эти-то игривые взбрыкивания и причиняли Конану самую сильную боль.

Вообще-то, скакать голышом даже на обычной лошади — удовольствие ниже среднего. А проделывать это на вертлявом конском скелете, способен разве что какой-нибудь пикт, наглотавшийся дурманящих грибов. Даже просто сидеть верхом на острых, костистых, да к тому же еще и находящихся в постоянном движении позвонках было очень больно. А тут и еще и куда большая неприятность подоспела, как ни берегся Конан, как ни стискивал бедрами лошадиный костяк, стараясь по возможности приподнять и тем уберечь от болезненных травм самые уязвимые

свои места. Не помогло. При очередном прыжке игривого скелета случилось именно то, чего Конан со страхом ожидал с самого начала кошмарной скачки — его чресла защемило и прочно заклинило между двумя лошадиными ребрами.

Боль была неопишуемой.

Конан весь моментально покрылся холодным потом. Ослабевший и задохнувшийся, он только каким-то чудом не свалился с коня.

А скелет, как ни в чем не бывало, продолжал себе скакать по бесцветной пустоши. Только теперь каждое его движение отдавалось в теле Конана вспышками ослепительной боли. Но долго выдержать ее молча не смог бы даже и самый стойкий из киммерийских варваров. Будь он даже с рождения глухонемым.

Не смог и Конан. После очередного защемления он заорал — самым постыдным образом.

Странно, но от собственного крика сразу же стало легче.

А, может быть, и вовсе даже не от крика. А от холодных и влажных ладоней, что невесомо скользнули по лицу, стирая верхний слой боли, как усердная служанка стирает мокрой тряпкой паутину в темном углу.

Боль не исчезла, но стала вполне терпимой.

— Тихо, тихо... сейчас всё пройдет.

Голос был женским.

Холодные ладошки скользнули по шее вниз, плавными волнообразными движениями погладили грудь, пробежались пальцами вдоль ребер. Руки тоже были женскими, но это не походило

на любовную ласку — скорее, так опытный лютнист проводит перед работой настройку своего инструмента.

Конан открыл глаза.

* * *

— Вот и славно, — сказала сидящая рядом молоденькая девушка, почти девочка, и снова погладила прохладной узкой ладошкой Конана по груди. На коже осталось ощущение прохладной и влажной липкости. Девушка убрала руку, вытерла ладонь о тряпку — на той проступили белесые следы. Одета незнакомка была в полупрозрачные расшитые шальвары и такую же короткую накидку, еле-еле закрывающую грудь. Да и украшений на ней было чересчур много, чтобы ее можно было спутать со служанкой.

— Они думают, что ты еще долго будешь без сознания, вот и приказали мне за тобой приглядывать. Они знают, что я умею лечить, но не знают, насколько хорошо. Тебе пока лучше отсюда не выходить — предполагается, что ты проваляешься в лихорадке еще несколько дней...

Конан сел — осторожно, боясь потревожить затаившуюся боль. Но та, похоже, возвращаться не собиралась, осталось лишь слабое саднящее жжение в промежности, словно сел причинным местом на не до конца остывшие угли и слегка обжегся.

— Я убрала боль, — сказала девушка, глядя на Конана со странной смесью смущения и инте-

реса. — Я это умею. Не навсегда убрала, это опасно. Но — почти до утра. Этого должно хватить. А если нет, то можно будет еще раз попробовать...

Конан прислушался к себе. Больно действительно не было, легкое жжение не в счет. Но что-то подсказывало, что не стоит торопиться и снимать тугую холщевую повязку на бедрах — все равно ничего хорошего он под ней не обнаружит. Слишком уж спокойно вела себя незнакомка — так не ведут себя здешние красавицы в присутствии незнакомого голого мужчины.

Даже служанки.

А эта, если судить по количеству украшений и дорогой одежде, вряд ли таковой являлась. Ну, разве что купец от чрезмерного богатства совсем умом тронулся и набрал прислугу из молоденьких девиц исключительно знатных кровей. Но сейчас было кое-что, интересовавшее Конана куда больше вероятного положения незнакомки в этом доме вкупе с ее родословной.

— Где мой... хм?..

Голос поддавался с трудом, но она поняла.

— Пояс? Вот он! Я подшила завязки, они почти оторвались...

Конан ощупал пояс, оценивая потери. Нож, конечно же, отобрали. А вот все остальное, похоже, опасным или ценным не посчитали. Зря, между прочим...

— Долго... я... м-м?

Голос звучал хрипло, слова приходилось проталкивать сквозь шершавое горло с огромным

трудом. Конан откашлялся, намереваясь повторить вопрос более членораздельно. Но девушка поняла и так.

— Долго. Почти весь день. Сейчас вечер уже, солнце скоро сядет. Я очень старалась, но у тебя была сильная лихорадка. Ее же не так просто убрать, как боль, понимаешь?

— Ага...

Вообще-то, Конан просто прочищал горло. Но получилось как-то очень уж многозначительно.

Девушка, во всяком случае, явно поняла это междометие как-то по-своему. И явно в не слишком одобрительном ключе. Она слегка смутилась, моргнула жалобно и стала выглядеть еще более виноватой. Показалось даже, что она готова заплакать.

— Извини. Исправлять такое я не умею... так, сделала, что смогла. Убрала лихорадку, рану заправила... это нетрудно! Шрам какое-то время будет сильно болеть, но это неправильная боль, там болеть уже нечему, просто так всегда бывает... понимаешь, когда отрезают руку или ногу... ну, или там еще что-нибудь... они потом еще долго продолжают болеть, словно их вовсе и не отрезали... Это неправильная боль...

И замолчала, шмыгнув носом.

— Ты — чародейка?

Девушка поморщилась и вся как-то съежилась. Отвела в сторону взгляд. Вид у нее сделался совсем жалкий.

— Немного. — похоже, собственные умения никакой особой радости ей не доставляли и

предметом гордости вовсе не были. — Так, если заморозить что-то... или боль снять.

Понятно. Действительно, гордиться особо нечем. Среди природных чародеек подобный дар встречается сплошь и рядом. Это тебе не масти-тый колдун или боевой маг, обученный и натасканный по всем премудростям Темных культов. Простая необученная девчонка, хоть и с полезным в хозяйстве природным даром целительства. Разве что умелая — не всякой ворожейке под силу так быстро и качественно снять такую боль и полностью залечить свежую рану буквально за несколько поворотов клепсидры. Попади эта девочка в жены опытному и умному воину — цены б ей не было. А в гареме оседлого купца ее талант никому не нужен. Кого ей тут лечить? Других наложниц, расцарапавших из ревности друг другу мордашки? Или самого ненаглядного мужа и повелителя — от похмельных мук и мужского бессилия?..

Смешно.

— Благодарю.

Девушка пожала плечом. Странно, но она не выглядела обрадованной представившейся возможностью во всей мощи проявить свое дарование. Даже просто довольной проделанной работой она и то не выглядела.

— Не за что.

Помолчала. Вдохнула. Сказала, не поднимая глаз, но очень решительно:

— Это было самое малое, что я могла... Это ведь я виновата. Если бы я не закричала тогда,

ну, когда ты на меня наступил... ничего бы не случилось. Тебя бы просто не схватили, если бы я не закричала. Да наложит Затх печать на мои уста.

После этих слов она подняла глаза и уставилась на Конана чуть ли не с вызовом.

Конан моргнул.

Он явственно понимал, что от него ждут какой-то реакции, но никак не мог сообразить — какой именно. И очень-очень боялся сказать или сделать что-нибудь не то — девушка, вроде, была неплохой, да и иметь на своей стороне хорошую ворожейку было бы на данный момент совсем не лишним. Девушка тоже молчала, глядя тревожно и пристально. Поняв, что обоюдное молчание затягивается и наполняется многозначительным смыслом, по сути своей, пожалуй, не менее оскорбительным, чем любой, пусть даже и самый неверный ответ, Конан выдал неуверенно:

— Ну... бывает...

И постарался улыбнуться самой очаровательной улыбочкой из арсенала трехсотлетнего мажонка.

Улыбочка вышла так себе — он совсем забыл про разбитые губы и выбитую в пыли ночной схватки пару зубов. Девушка нахмурилась. Спросила с жадным любопытством и недоверием:

— Ты что, действительно не хочешь меня покарать? Совсем-совсем?

На это Конан мог ответить уже безбоязненно. И даже, пожалуй, с долей праведного негодования.

— Нет.

Не объяснять же этой малолетней глупышке, что он вообще не бьет женщин. Даже если они того заслуживают. А уж тем более, если они такие молоденькие и хорошие... хм... ворожейки.

— И ты что — даже не будешь угрожать, что непременно убьешь меня — когда сможешь встать на ноги?

Вот же привязалась!

— Не буду.

Конану уже надоело разговаривать с этой странной девушкой. Чувствовал он себя неплохо и не собирался изображать из себя смертельно больного. Он попытался встать.

— Лежи!

Обеими ладонками девушка испуганно толкнула его в грудь — не по-женски сильно, надо сказать, толкнула. Не ожидавший такого подвоха Конан рухнул обратно на лежанку. Он бы, наверное, возмутился подобным обращением, если бы на лице девушки в этот момент не было такого панического ужаса.

— Не вставай! Ты же должен быть болен, понимаешь?!! Очень-очень болен, иначе все пропало! Если тебе что-то нужно — я принесу! Только не вставай!

Голос ее снизился до быстрого шепота и тоже был страшно испуганным.

— Тебе что-нибудь надо? Я принесу! Только не вставай! Хочешь есть? Или пить?

— Пить! — Буркнул Конан сквозь стиснутые зубы.

Вообще-то, пить он не хотел. Но если бы он ничего не попросил, она, пожалуй, еще долго перечисляла бы его предполагаемые желания, добираясь до самых неприличных подробностей. Которые он предпочел бы вообще не обсуждать с красивыми девушками. Или, может быть, очень даже и обсуждать как раз с красивыми девушками, но, желательно, наедине и в несколько более подходящих для этого условиях.

— Я принесу!

Девушка упорхнула за шелковую занавеску, служащую здешним аналогом двери. Конан остался лежать.

Вообще-то, сейчас было, наверное, самое подходящее время попытаться удрать. Пока странная сиделка убежала за питьем, а все остальные уверены, что он еще не оклемался. Если, конечно, верить словам этой девицы о том, что все действительно пока что в этом почему-то очень даже уверены.

Впрочем, верить этим словам, пожалуй, что и стоило — стражи за тряпичной дверью не было. Когда девушка, выходя, отдернула легкую ткань, Конан успел окинуть оценивающим взглядом довольно большой кусок двора, в который открывался дверной проем его нового обиталища. И в отсутствии бдительной стражи хотя бы на этом, близлежащем пространстве был уверен. Если потрясающие колдовские способности девушки — действительно тайна для обитателей купеческого дома, то в подобном пренебрежении есть своя логика. В самом деле — зачем бдительно

охранять совершенно беспомощного пленника? Ведь при другом стечении обстоятельств он как и валялся бы в горячечном бреде и был совершенно не способен к побегу. Подобные операции — штука серьезная, это личный купеческий лекарь должен был объяснить даже самым малопонятливым. Если бы не искусные ладошки этой странной девушки — Конан бы еще долго скакал по Серым Равнинам с костяным капканом на чреслах, терзаемый ненастоящей болью, которая куда реальнее и сильнее любой самой что ни на есть настоящей.

А все не так уж и плохо...

Конан почувствовал, что разбитые губы растягивает злорадная улыбка. И мажонку коварному приятнейший подарочек обеспечен — надолго запомнит, как у порядочных варваров тела отбирать! И вождеденный сад — вот он, за шелковой тряпочкой, можно сказать, только руку протяни! Причем находиться в этом самом саду будет теперь Конан на вполне законных основаниях, ни от кого не прячась и ничего не опасаясь — это ли не мечта любого вора?! Ходи себе гордо по дорожкам, щупай деревья, сколько влезет! Вот прямо сегодня ночью можно будет и заняться, чего тянуть-то? А, может, и вообще не придется лазать по саду. Девушка эта вот, вроде совсем и не против поболтать. Поболтать — это все женщины любят, независимо от возраста. А эта, похоже, еще и очень одинока, и поговорить ей толком не с кем — вряд ли кто здесь владеет ее родным наречием, Конан и сам понимает че-

рез слово, слишком уж непривычное произношение. Ежели ее расспросить с умом, она выложит все что нужно. Вряд ли купец прячет свои сокровища от собственных жен и наложниц. А женщина — она как птичка-трещотка, все выболтает, если иметь терпение и не мешать ей говорить. Может быть, тоже захочет похвастаться и даже за ручку сама отведет и покажет, чтобы знал новый евнух, какие в их саду чудеса водятся, и сам бы тоже гордости преисполнился...

Впрочем, девочка то непростая...

По возрасту она больше подходит в наложницы, чем в законные жены. Но количество увешавших ее побрякушек такую версию, пожалуй, опровергает. Да и не потерпит ни одна законная жена, чтобы у какой-то там наложницы золота и драгоценностей на теле брякало больше, чем у нее самой. Так что, скорее всего, девушка эта — именно жена. Причем — недавняя. И возраст слишком юный — даже в Черных Королевствах не выдают замуж девочек до первой крови. Девочке же этой никак не может быть больше пятнадцати, скорее даже — меньше, стало быть, никак не могла провести она в замужестве более одной зимы. Скорее, счет тут идет на луны — на женской половине трудно долго сохранять секреты, а ей, похоже, это пока что удавалось таить ото всех уникальную силу своего дара. Да и явно чужой она пока что себя здесь чувствовала, и язык местный еще совсем не освоила — вон как обрадовалась тому, кто ее хоть как-то, да понимает. А подобное ощущение чуждости и непри-

ятия нового места редко длится более полугода, даже у взрослых мужчин — Конан отлично помнил это по поведению новобранцев, еще в бытность свою вольным наемником. Юные же девушки, с рождения усвоившие и радостно принимающие свою грядущую роль, привыкают еще быстрее. Раз эта еще не привыкла — значит, она тут новенькая.

А новенькие, да при муже в годах, да так щедро увешанные драгоценными подарками...

Не просто новенькая и молоденькая жена.

Жена любимая...

Высокий статус. Можно сказать — высочайший из возможных для женщины — во всяком случае, здесь. Для столь юного возраста — есть чем гордиться.

Вот только не похоже что-то, чтобы гордилась она.

Да и не посылают любимых жен возиться с оскропленными рабами. Другие слуги для этого имеются. Или служанки, если больной валяется на женской половине, куда заказан вход полноценным мужчинам. На худой конец, можно и кому-то из наложниц поручить, пусть хотя бы разок займется чем-нибудь полезным.

Для жены же, тем более — любимой, подобное поручение может означать только одно.

Наказание.

Только вот интересно — за что?..

* * *

— Я принесла!

Занавеска качнулась, впуская прекрасную незнакомку. В руках она держала странный узкогорлый кувшин, к носику которого была прикреплена гибкая трубочка. Вместо крышки с горлышка странного кувшина свешивалась кожаная груша. Видя недоумение Конана, девушка хихикнула.

— Это специальная поилка, для лежащих. Ну, которые совсем без соображения и не могут сами даже пить. Вот, смотри!

Она поставила кувшин на лежанку рядом с Конаном, ловко заправила свободный конец трубочки ему в рот и ладонкой надавила на кожаную грушу. В рот Конану моментально хлынуло что-то кисло-сладкое и густое. Конан не успел сразу все проглотить, поперхнулся, закашлялся, разбрызгивая вокруг густую липкую дрянь. Девушка отшатнулась, явно испуганная. Глаза ее стали огромными, личико перекосилось.

Ну и гад этот купец. Совсем затравил несчастную девчонку — собственной тени боится.

Конан снова откинулся на подушки. Улыбнулся, стараясь не размыкать опухших губ.

— Тряпка найдется? Обтереться...

Девушка быстро закивала, метнулась в угол, вернулась с куском ткани и, неуверенно улыбаясь, стала обтирать Конану лицо. Какое-то время тот терпел, потом мягко, но решительно отобрал тряпку и продолжил обтирание самостояте-

льно. Кроме свежих капель, желтых и липких, на груди у него обнаружили и другие, уже слегка подсохшие. Не менее липкие, но какого-то мутновато-белесого цвета, расположенные параллельными полосками, словно какой-то смазанный рисунок. Когда Конан попытался стереть заодно и их, девушка остановила его руку:

— Не надо! Это — лечебное. Сотрешь — боль вернется.

Конан поспешно отдернул руку. Проверять, не пошутила ли его новая знакомая, ему почему-то совсем не хотелось.

— Уже немного осталось, — сказала девушка. — Солнце почти зашло, а здесь темнеет быстро. Раз — и совсем-совсем ночь. Не то, что в горах...

— Ты родилась в горах?

— Наверное. — Девушка пожала плечами, усмехнулась. — Кто может точно сказать, где родился? Я вот, например, не помню своего рождения. Да и ты вряд ли помнишь.

Конан хмыкнул.

— Родители помнят.

Улыбка девушки стала грустной.

— Родители... Наверное. Я не помню своих родителей. Бабку вот помню, она меня боль заговаривать учила... а родителей — нет. И, сколько себя помню, всегда вокруг нас были горы...

М-да... похоже, про родителей — это была не самая удачная тема. Какое у нее лицо открытое, все эмоции словно написаны крупными рунами, да и глазки опять на мокром месте... Чем бы ее отвлечь?..

Конан откашлялся, лихорадочно соображая, какая из тем может оказаться наиболее нейтральной и вместе с тем достаточно интересной.

— А ночь тебе зачем? Тоже для какого-то колдовства?

Пару секунд она смотрела непонимающе. Потом улыбнулась — снисходительно, как улыбается взрослый непонятливому ребенку.

— Не мне. Тебе! Когда станет совсем темно и все уснут — я помогу тебе бежать!

* * *

Вот это да... Конан приподнялся на локтях.

— Это будет совсем несложно, я все продумала! Сегодня с вечера дежурит Мбонго, он хороший! Я ему помогла недавно, у него зуб ужасно болел, все лицо распухло, представляешь?! А все только смеялись над ним. А лекарь отказался мारаться о евнухов. Злые здесь все. В горах люди лучше. Попробовала бы моя бабка сказать кому-то такое! Ха! Потом бы долго собирала свои старые кости по всему склону! Нет, в горах люди добрее. Я вылечила его, а меня за это наказали... А Мбонго — он хороший, он отвернется. В саду нет ловушек, только у самой стены растут сонные лианы, они цветут по ночам, стоит их пыльце попасть на кожу — и моментально засыпаешь. Но тебе ведь не к стене надо, а к проходу на задний двор, туда я тебя доведу.

Продолжая говорить, девушка ни на секунду не оставалась на месте — ходила по комнате,

складывала что-то, увязывала, снова перекладывала. Зажгла масляную лампу — в комнате стало уже совсем темно. У Конана закружилась голова от ее непрерывного движения. Знакомые слова, произносимые с непривычными интонациями, кружились стремительной каруселью, запутывали смысл, ускользали от понимания. Он замотал головой по подушке:

— Подожди! Не так быстро... Зачем?

— Что — зачем?

— Зачем бежать? И зачем — именно сегодня?

На какую-то секунду девушка замерла. Обернулась, наклонилась к Конану, пристально вгляделась в его лицо — растерянно и с каким-то непонятным отчаянием:

— Ты что — действительно хочешь остаться здесь на всю жизнь?!

Конан отвел глаза. Врать ему почему-то не хотелось.

— Нет.

Она облегченно выдохнула. Буркнула что-то неразборчивое — во всяком случае, Конан предположил не особо вслушиваться, понимая, что вряд ли услышит что-нибудь лестное о собственной особе.

— Вот и хорошо. Я помогу тебе убежать. Сегодня ночью. А ты... ты поможешь мне.

* * *

— Убежать?

Она поколебалась какое-то время, словно все-

рвез обдумывая эту возможность. Но потом качнула головой. Вдохнула.

— Нет. Мбонго — хороший человек. Было бы нехорошо требовать от него такого. Если сбежишь ты — это не так страшно. Ты ведь странный. Непонятный чужак. Никому не известно, чего от тебя можно ждать. Непонятно, как пришел, непонятно, как ушел. Накажут, конечно, но не сильно...

Она опять вдохнула.

— А вот если сбегу я — его убьют...

— Тогда чем же я могу тебе помочь?

Она какое-то время молчала. Словно сейчас, когда уже подошла к последней грани и выбора, в сущности, давно не оставалось, все равно никак не могла решиться и сделать последний шаг. Конан тоже молчал, зная, что торопить в таких ситуациях бесполезно — человек должен решиться сам. Или отступить. Но тоже — сам.

— Ты ведь хотел стать бойцом, правда? — спросила она наконец, решив начать издалека. Осторожно спросила. Добавила еще осторожнее: — Наемником?

Если уж начал не врать — то не ври до конца. Может, и сработает.

— Я и был наемником.

Ее глаза вспыхнули восторженным торжеством, речь стала стремительной и почти бессвязной:

— Я так и знала! Я сразу поняла, у тебя такое лицо, что ты не мог оказаться просто бродягой и нищим, как говорил этот тупица Нрагон! Ты,

правда, совсем не похож на горца, но ведь не только в горах бывают хорошие люди, правда? Ой, прости, что я такое несу, не обращай внимания, просто я так долго ждала, что уже почти перестала верить... Я просила Подателя Жизни о милости, просила всех богов, которых знала. Здесь свои боги, страшные — Бог-паук Затх. Но его я тоже просила. Мне порою казалось, что все это бессмысленно, здесь ведь почти не бывает мужчин, только эта жирная жаба и его мерзкие гости, но я все равно просила. Каждый день, от рассвета и до заката, и ночью тоже, всем богам, которых только могла вспомнить! Хоть кто-то из них — да должен же был услышать, в конце-то концов?!.. Не все же они глухие!!! И вот видишь — я оказалась права! Кто-то из них услышал меня...

Она запнулась на секунду, перевести дыхание, расплылась в восторженной улыбке и добавила торжественно, словно итог подвела:

— И они послали мне тебя!

Конан опешил от этой страстной речи настолько, что даже сесть толком не смог.

— Эй! А я-то тут при чем?

— Как это при чем? Я же о тебе и просила, разве ты не понял? Вот они мне тебя и послали!

Конан таки сел. Голова кружилась — то ли от ароматического масла в светильнике, то ли от полной бредовости всего происходящего.

— Еще вчера ты меня знать не знала!

Девушка немного смутилась. Но — совсем немного. И ненадолго.

— Ну, я, конечно, не именно о тебе просила... Я просто просила их послать мне честного и храброго воина.

Она смотрела на Конана и улыбалась, явно довольная и не находящая в своей жуткой логике ни малейших изъянов. Тонкий пальчик уперся Конану в грудь, улыбка стала торжествующей:

— И вот он — ты!

Конан закашлялся, на своем опыте убеждаясь, что некоторыми комплиментами можно подавиться. Отдышаться ему не дали — на живот Конану шлепнулся довольно увесистый позвякивающий узел. Из узла торчали какие-то остренькие побрякушки, царапали кожу. Конан нахмурился. Он уже заранее понял, что именно обнаружит в этом узле, но все-таки протянул руку и разворошил не слишком туго завязанную шелковую тряпку.

Так и есть.

— Я не очень хорошо разбираюсь в рыночных ценах... Но здесь довольно много, думаю, должно хватить.

Конан поднял голову и осмотрел девушку. Особенно внимательно — шею, уши и руки. Ну да. Что и требовалось доказать.

Во время своих хаотичных перемещений по комнате она умудрилась как-то незаметно снимать с себя все украшения — это именно они теперь побрякивали в узле, царапая конановский живот.

— Я хочу тебя нанять, — сказала девушка просто, — ты же наемник, правда?

* * *

— Ты — наемник. Ты работаешь за деньги. Денег у меня нет. Но есть золото. И драгоценности. Это задаток. А если ты выполнишь работу и поможешь мне — то будут и деньги. Много денег. Очень много, в десять раз больше, чем это. Ты ведь согласишься, правда?

Она старалась говорить уверенно, но на личике уже снова мелькала тень отчаяния.

Конан взвесил на ладони завернутые в тряпку украшения. Купец, похоже, хоть и сволочь, но сволочь щедрая. Во всяком случае — к своей последней жене. Перекупщик заберет себе львиную долю, как у них водится, но все равно останется немало. На пару-тройку лун безбедной жизни, если не слишком шиковать... Но, по сравнению с тем, что было обещано юным Джамалем за возвращение своего вожаемого дерева — так, мелочь, разговора не стоящая.

Он уже принял решение. Практически сразу, еще до того, как она начала говорить, как только почувствовал кожей живота острые шпильки сережек или какой другой женской дребедени. Но оглашать свое решение не торопился — пусть девочка поверит, что он, как настоящий серьезный наемник, сначала должен все как следует обдумать и взвесить.

— И что я должен буду сделать?

— За то, что дала тебе я, совсем немного. Просто отправить свиток с караваном, идущим в Туран. В караван-сарай нужно подкупить погон-

щика — он доставит свиток по адресу. А если рискнешь и дождешься ответа — тебе заплатят больше. Просто за то, что ты расскажешь про меня. Намного больше...

Конан еле заметно поморщился. Да что она заладила — намного, намного?! На самом, что ли, деле, совсем не умеет считать?..

— И кто же мне заплатит? — спросил, затягивая узел и опуская его себе под левую руку. Красноречивый такой жест, не отказываюсь, мол, но пока что еще и не соглашаюсь. — Бабка, живущая в пещере?

Он постарался сказать это помягче, боясь, что любая попытка пошутить в данной ситуации будет расценена как презрение и высокомерие. Так и вышло — девочка шутку не приняла, поморщилась досадливо:

— Нет, конечно. Тебе заплатит мой муж.

* * *

А в том, чтобы вести подобные переговоры лежа, оказывается, есть и свои преимущества. Тебе, например, не грозит отбить задницу, не слишком удачно приземлившись ею на пол после подобного ответа.

И ведь не врёт, вот что самое ужасное! С таким лицом врать нельзя. Действительно свято верит, что муж хорошо заплатит беглому евнуху из собственного гарема за то, что тот передаст неизвестно кому восточку от его не слишком-то, похоже, верной жены. И как это ей удалось вы-

расти в горах и даже дожить до своих (сколько ей там?) лет — с этакой-то наивностью? А, может быть, не наивная, а просто больная? Красивая юная дурочка, которую умная бабка-ведьма постаралась поскорее сбыть с рук, пока заезжий купец не разобрался. Впрочем, купцу могло быть и все равно. Зачем красивой жене быть еще и умной? Лишнее это. Так что тут, скорее, наоборот все было — за умственную неполноценность невесты хитрая бабка наверняка содрала с купца пару лишних монет...

Больным лучше не возражать.

— Ага. Я понял. Ты мне поможешь бежать. Я передам свиток. Купец мне заплатит.

Кажется, ему не удалось произнести это с достаточно серьезным лицом. Во всяком случае, девушка покосилась как-то странно, в великодушном презрении сморщила хорошенький носик:

— При чем тут эта жирная жаба?! Тебе заплатит мой муж!

* * *

— Мой муж меня очень любит! Он очень важный господин. И очень богатый! Он меня не бросал, я знаю, я бы почувствовала, он меня еще любит, а если так — значит, он все еще мой муж, что бы там не квакали разные жирные жабы! Он не продавал меня, жаба врет! Меня украл!

Она умудрялась говорить очень тихо, почти шепотом, но при этом как-то так создавалось впечатление,

чатление, что она почти кричит. А купец-то, похоже, не брезгует краденым! Тут — деревце, там — жену, в большом хозяйстве все пригодится. Интересно — он и по молодости был таким же... рачительным? Или это с возрастом пришло?..

Кстати, о персиках...

— Ты сад хорошо знаешь?

Девушка непонимающе моргнула, и он уточнил:

— Волшебных деревьев в саду много?

Она пожала плечами, теряя интерес:

— Есть несколько, они у северной стены, там ограда специальная.

Несмотря на ее собственную колдовскую природу — а, может быть, именно благодаря ей, — волшебные деревья девушку не интересовали совершенно. Ну что ж. Северная стена — это уже неплохо. Тем более, что имеется специальная ограда, что существенно облегчает поиски. Будем надеяться, что персиковых деревьев там не слишком много.

В идеале — одно...

Девушка тем временем отдернула занавеску и, высунувшись в непроглядную черноту ночного дворика, долго во что-то всматривалась. Похоже, углядела-таки что-то, поскольку кивнула удовлетворенно и, обернувшись к Конану, прижала палец к губам и протараторила шепотом:

— Пора-пора! Только тише! Ну что ты возишься, быстрее давай!

Она задула масляную лампу и буквально вытолкала Конана из крохотной комнатухи —

тот едва не грохнулся, споткнувшись о ступеньку, — и тем самым чуть не сорвал секретный план в самом начале. В узле, которым он зацепился за край стены, что-то предательски звякнуло.

Конан позволял девушке тащить себя через какие-то заросли. У него было собственное мнение о том, как следует действовать. И это несколько отличалось от предложенного девушкой. Но на первом этапе они совпадали, так что чего суетиться заранее? К тому же он был слишком занят, отводя от лица так и норовившие выколоть глаз ветки. Луны еще не было, и темнота под кронами сада стояла непроглядная.

Наконец они вышли на открытое место. Он по-прежнему почти ничего не видел, но понял это по тому, что ветки больше не лезли в лицо и потянуло свежестью. Впрочем, то ли глаза потихоньку привыкали, то ли действительно стало чуть посветлее, но он уже почти что различал впереди смутную каменную кладку боковой стены дома.

Внезапно девушка остановилась. Конан по инерции сделал еще пару шагов и тоже остановился.

Конан напряг глаза и в темноте впереди разглядел еще более черное вертикальное пятно прохода. Внезапно от большого темного пятна отделилось пятно поменьше и двинулось к ним навстречу. Девушка шагнула вперед, сделав Конану знак оставаться на месте. Они встретились на полпути, два смутных пятна — темное и свет-

лое. Может, они и говорили о чем-то — Конан не слышал за журчанием фонтана. Потом светлое пятно заспешило обратно, Конан двинулся было навстречу, но девушка скользнула мимо, бросив только:

— Подожди, я сейчас!

Конан пожал плечами. Сделал еще пару шагов вперед. Мбонго — если, конечно, это был он, — теперь находился совсем рядом. Похоже, все-таки именно Мбонго, потому что стоял он не шевелясь, старательно отвернувшись к внешней стене и разглядывая на ней что-то, видимое лишь ему одному.

Конан встал рядом, глядя в сторону с той же старательностью. Помолчал. Потом сказал, словно бы ни к кому и не обращаясь:

— Жалко девочку...

Он не знал, сработает ли.

Он вообще не знал, понимает ли его этот самый Мбонго — может, тот вообще не знает заморийского наречия. Но уж киммерийского или авкилонского он не знает точно, а пытаться выудить из глубин памяти что-либо напоминающее пару слов на языке Черных Королевств Конан не рискнул — могло получиться что-то совсем непотребное. В конце концов, всегда остается второй вариант.

Хотя, конечно, хотелось бы обойтись без лишнего шума, поскольку потом предстоит сюда еще возвращаться — девушка может себе думать что угодно о ценности своих побрякушек, но покидать гарем насовсем без вожака и хорошо

оплачиваемого дерева Конан не имел ни малейшего намерения.

Показалось или нет, что огромная черная спина слегка шевельнулась?..

Конан затаил дыхание. Повторил — так же, в пространство:

— Девочка-то хорошая...

Не показалось — Мбонго опять шевельнул огромными плечами, словно выточенными из черного базальта. Вдохнул.

Он — понимал.

Не только местное наречие. Местные неписанные правила — тоже.

Это молоденькая глупенькая девочка, с местными обычаями знакомая мало и даже горцев считающая хорошими, может не понять, как отреагирует здешний муж и хозяин на внезапное таинственное исчезновение у строптивой жены всех подаренных им драгоценностей. Совпавшее, к тому же, с не менее таинственным исчезновением доверенного ее попечению и вроде бы большого слуги. Вряд ли этот купец добился бы своего положения, не умея он шевелить мозгами, а уж сопоставить эти факты сумел бы и самый последний глупец...

Мбонго повернулся к Конану лицом — медленно так повернулся, словно действительно был каменным истуканом, оживленным неведомой колдовской силой. Помолчал, глядя сверху вниз — на черном провале лица жутковато светились белки. Внезапно резко повернул голову в сторону — из темноты беззвучно вынырнула за-

пыхавшаяся девушка, прижимавшая к груди обеими руками какой-то светлый то ли тюк, то ли ворох непонятных тряпок.

— Вот! Я принесла! Подойдет? Это нам дали делать занавески для главного зала, но пока еще не разрезали! Он длинный, два моих роста! Подойдет?..

Она отпустила одну руку, и ворох развернулся по земле длинной широкой лентой скользкого шелка. На какое-то мгновение Конан оглох — так сильно ударила в голову кровь, словно пудовым кулаком уличного бойца, да прямо по уху. Он узнал этот шелк с первого же взгляда. У славного Мбонго на эту ночь, похоже, был свой собственный план, и шелковой тряпке в этом плане отводилась не последняя роль.

Таких совпадений не бывает.

Похоже, кто-то на небесах вдруг непонятно с чего заинтересовался копошащимися на земле червяками и решил вмешаться. То ли действительно захотел из одному ему понятных соображений помочь, то ли просто наскучил людской неосторопностью и решил слегка подтолкнуть, запланировав все именно на эту ночь. Как бы то ни было, тормозить и сомневаться в подобной ситуации не стоило, поскольку подобное поведение оказывалось уже не просто глупостью, а самым настоящим неуважением по отношению к этому самому заинтересовавшемуся богу. А боги очень не любят, когда к ним проявляют неуважение. Впрочем, даже если это и простое совпадение, упустить его — глупость не меньшая...

Внезапно Мбонго наклонился и одним движением сгреб в охапку девушку вместе со всем принесенным ею шелком. Оказавшись на высоте мбонговского плеча, она было слабо пискнула, но огромный черный палец прижался к ее губам и писк более не повторился. Конан скривился завистливо — ему для этого в свое время всей ладони не хватило, а тут, гляди ты, одним, понимаешь, пальчиком...

Мбонго шевельнул пару раз каменными мускулами, пристраивая оторопевшую слегка, но совсем не испуганную девушку у себя на плече удобнее, кивнул Конану и деловито зашагал в темноту. Конан рванулся следом. Он не понял, что именно задумал черный великан, но был готов рискнуть. Тем более, что выхода пока все равно не было — без провожатого или хотя бы лунного освещения он бы в этом саду не нашел и своей задницы, не то что северной стены...

Впрочем, пока что северная стена откладывалась. Та, к которой вывел их Мбонго, была восточной. Чем он руководствовался при выборе направления, Конан понял сразу, как только внимательнее пригляделся к оплетающим стену лианам — цветов на них было намного меньше. То ли почва в этом углу была похуже, то ли солнца поменьше — или, наоборот, жарило оно тут безжалостней. Или же просто камень в стене другой был, и не очень этот камень лианам по вкусу пришелся. Но, какова бы ни была причина, Конан на обозримом участке смог обнаружить не больше десятка крупных белых соцветий,

тий, да и то большинство из них еще не успели раскрыться, пребывая в сонном дневном состоянии свернувшегося бутона.

Мбонго ловко разделил свою ношу — девушку аккуратно поставил на землю, а шелковое полотно легко и как-то очень изящно набросил на стену поверх сторожевых лиан. Этакая вертикальная защитная дорожка, просто и гениально. Конан собирался даже восхищенно присвистнуть — так ловко, с первой же попытки это получилось у черного великана, да и задумка действительно недурна — шелковая лента шириной почти в метр, как раз хватит, а что тонкая — не беда, тут же не колючки опасны, а пыльце даже сквозь самый тонкий шелк не проникнуть! Но вовремя вспомнил о необходимости соблюдать тишину. Да и не был он уверен, что умеет это тело свистеть — кто их, магов, знает?..

Вместо этого он переглянулся с Мбонго — дабы убедиться, что правильно того понял. Поддержал шелк и, уверившись, что держится он, вроде, крепко, полез наверх, цепляясь за переплетения одревеневших веток сквозь тонкую ткань. Вообще-то, делом это было нелегким — высота у стены метра три, шелк довольно скользкий, да к тому же еще и постоянные опасения по поводу того, что в самый неподходящий момент соскользнет он с особо вредного цветка — и рухнешь ты со всей дури с забора прямо в сонное царство. Но Мбонго, раз взявшись помочь, и далее не собирался стоять в стороне. Конан не успел сделать и трех перехватов руками, как на икрах его

словно сомкнулись стальные галерные кандалы и непреодолимая сила просто так метнула его к самому верху стены. Ему не пришлось даже подтягиваться — его туда считай что зашвырнули. Не вцепись Конан всеми конечностями в неровные камни, его бы, пожалуй, даже и на другую сторону перебросило.

Восстановив равновесие, Конан сел и уперся ногами в подходящие выступы для большей устойчивости. Если был он прав — устойчивость ему сейчас могла очень даже пригодиться.

Так и есть.

Шелест ткани, короткая возня, возмущенный писк, — писк, правда, негромкий, сообразно обстоятельствам, — и ему на руки буквально рухнула украденая жена. Теперь уже считай что дважды украденая. Конан обхватил ее поперек туловища руками и еще основательнее уперся ногами в выступы — жена активно сопротивлялась попытке повторной кражи.

— Пусти! — шипела он, голоса, правда, не повышая, но брыкаясь при этом отчаянно. — Пусти! Мне нельзя! Ты что, не понимаешь?! Его же убьют!

Какое-то время Конан молчал, тратя все силы на то, чтобы и самому удержаться на узком гребне стены, и ее там же удержать. Потом, когда девушка слегка притомилась и вырывалась уже не так активно, подытожил:

— А так — убьют тебя.

Она обмякла как-то сразу и вся целиком. Похоже, не такой уж наивной она была и тоже

кое-что понимала. Просто говорить об этом не хотела. Конан добавил, подумав:

— Мбонго, может, и не убьют. Он дорого стоит. Очень дорого. А вот тебя бы точно убили. В назидание прочим женам.

Девушка мотнула головой. Прошептала с непонятной горечью:

— Я тоже дорого стою! Очень дорого... Думаешь, стали бы меня иначе красть?!

Конан не нашелся, что на это ответить. И был благодарен, когда она, глубоко вздохнув, шепнула уже спокойно:

— Чего расселся? Давай, что ли, слезать, раз уж все так вышло...

Конан осторожно втянул наверх шелк, стараясь складывать его верхней безопасной стороной наружу — ткань ему должна была еще пригодиться, ночь предстояла длинная и хлопотная. Сначала — спрятать девушку. Это несложно — один вполне приличный воровской притон тут недалеко. Конана там теперь, конечно, не узнают, но сам он все нужные знаки и жесты помнил отлично. Примут и укроют, не в первый раз. Девушке там ничего грозить не будет — воровской кодекс чести и все такое. К тому же к целительницам и без всяких кодексов чести в таких местах относятся с уважением — мало ли какая хвороба с тобой приключится? Не со всеми же болячками можно к официальному лекарю бежать.

Конан прикинул еще раз, сворачивая шелк в длинный жгут и мастера из этого жгута петлю.

Нет, на это не должно уйти слишком много времени. Он успеет вернуться сюда еще до восхода луны. Хорошо бы, конечно, вообще все дело повернуть по темноте, но это уж как получится. Жалко, что полнолуние было совсем недавно и луна еще слишком яркая, издали будет видать человека, зачем-то лезущего на стену, да еще и в обнимку с деревом...

Конан на мгновение задумался как он будет выкапывать пресловутое персиковое дерево. Пожалуй стоит озаботиться наличием крепкого ножа с широким лезвием, наподобие тех, что предпочитают кензанкийские горцы. Впрочем, нож в любом случае пригодится... У шадизарских воров можно раздобыть и не такое, было бы чем расплатиться. А благодаря щедрости купца, это было сделать нетрудно.

Он проверил петлю на прочность, аккуратно затянул ее под мышками у девушки и, видя, что она все еще медлит, стоя у самого внешнего края стены и никак не решаясь прыгнуть сама, легонько пощекотал ее под коленками. Она почти беззвучно взвизгнула и скакнула, как молодая козочка. Конану чуть руки не выдрало из суставов, а в спине что-то явственно хрустнуло. Шипя сквозь зубы, он осторожно вытравливал шелковый жгут до тех пор, пока показавшаяся невероятной тяжесть вдруг не исчезла. Жгут провис.

Конан скинул вниз свободный конец. Лег на край стены, свесился вниз ногами, осторожно сполз. Повисел на руках, размышляя, что до

земли не должно быть больше шага или пары локтей, а, стало быть, прыгать в абсолютную черноту совершенно безопасно.

Разжал пальцы.

До земли действительно было меньше шага. И босая нога его впечаталась во что-то теплое и мягкое...

* * *

Конан зажмурился до рези в глазах и глубоко вздохнул. Постоял так какое-то время. Открыл глаза.

Помогло.

Теперь он, хотя бы и смутно, но кое-что видел.

То теплое и мягкое, на что он наступил, было всего лишь ворохом шелка. Он его очень туго свернул, когда делал петлю, и теперь петля эта, постепенно раскручиваясь, змеей обвила ему ногу, потому и почудилось в первый момент нечто живое идвигающееся.

То, что по-настоящему было живым, лежало немного дальше от стены.

И оно не двигалось...

Конан стремительно опустился рядом с лежащей на боку девушкой на колени, похлопал ее по щекам, попытался нащупать биение жилки. Нашупал. И понял, что все это время как-то забывал дышать.

Девушка просто спала. Похоже, коснулась в последний момент случайного цветка. Или оставшаяся на шелке пыльца при свертывании не

вся оказалась на внутренней стороне. Второе, пожалуй, куда реальнее — у Конана и у самого потихоньку начинали слипаться глаза.

Конан тряхнул мутнеющей головой, отгоняя сонный морок. Визит в притон придется на некоторое время отложить. Есть дела поважнее...

* * *

Вода была почти холодной.

Конан вынырнул, отфыркиваясь. Вдохнул и снова опустил лицо в воду. Повертел головой, вымывая возможную пыльцу из волос. Он стоял коленями на дне деревянного желоба. Лежа, он вполне мог бы поместиться под проточной водой полностью — вот вам и еще одно преимущество не слишком крупного тела. Но полностью он пока не хотел, осторожно смывая пыль с рук, ног и спины, но старательно обходя при этом нарисованные белым полосочки на груди. Голову он оставлял напоследок, и вот теперь, стоя на крачках, осторожно отряхивал мокрые волосы. Хорошо, что водопровод в этом месте проведен по-старинке — открытым способом, а то пришлось бы, пожалуй, отмываться от сонной дури в какой-нибудь сточной канаве.

Сев на глиняный бортик, он занялся шелком. Тщательно расстелил его по дну желоба и прополоскал в довольно-таки сильном течении. Вытащил с трудом — мокрая ткань оказалась невероятно тяжелой. Хорошо, что отжималась она так же легко, как и впитывала воду, и уже ми-

нут через десять он обмотал ее вокруг талии в качестве еще немного влажноватого, но уже вполне нормально весящего пояса.

Крупные яркие звезды слегка дрожали, отражаясь в бегущей воде. Акведук расположен был на искусственной насыпи, и городок отсюда просматривался практически весь, до самого последнего окраинного своего домишки. Прекрасный, наверное, вид — днем или на закате, да и в неверном лунном свете тоже, наверное, очень симпатично. Сейчас же город лежал внизу огромным темным пятном, лишь изредка разреженным светлыми плоскостями крыш.

Впрочем, вряд ли сюда так уж часто пускают простых горожан полюбоваться на красоты — акведук надежно охраняется и днем, и ночью. На этом участке охранников было шестеро — все очень крупные, парни из ближайшей деревни, сильные и здоровые, хотя и слегка обленившиеся на практически дармовых городских харчах.

Сейчас они все спали. Четверо — в караулке, вповалку вокруг стола, за которым до этого резались в кости. Двое — прямо на улице, они оказались более бдительными — или просто менее удачливыми в игре. Собранной на шелке пыльцы хватило на них на всех с лихвой...

Слева донесся слабый стон. Конан повернул голову.

Над краем акведука поднялась одна рука, вцепилась в бортик. Потом — другая. Конан ждал.

Девушка неловко села в воде, потрясла головой. Отжала волосы, закрутила их в узел на затылке. Поднялась на бортик, повернулась, опустив ноги на насыпь. Тонкая ткань шальвар и маленькой кофточки облепила ее тело, словно вторая кожа. Блестящая и полупрозрачная. Блестящая...

Конан перевел взгляд на город внизу. Город по-прежнему оставался темным. Но по восточному краю неба уже разливалось молочно-серебристое сияние и у предметов появились уже легкие тени — пока, правда, еще смутные и нечеткие.

Следовало торопиться.

— Нам пора.

Он поставил ее на ноги, игнорируя сумбурные возражения и стоны, и потащил за собой. Вниз по насыпи, мимо спящих охранников, по темной путанице кривых улочек и запутанных тупичков. Времени уже практически не оставалось, и он предпочел отложить объяснения на самый последний момент. Девушка жаловаться и возражать перестала почти сразу, как только лежащих на земле охранников увидела. Молчала и дальнейшую дорогу — то ли сообразила, что с вопросами лучше подождать, то ли просто дыхания не хватало, поскольку двигался Конан быстро, компенсируя стремительностью неуверенность.

Местность он знал неплохо, но было это при свете дня и довольно давно. Поэтому то, что в конце концов он таки обнаружил знакомую полуразвалившуюся арку с проходом в несколько

ступенек вниз и обшарпанной дверью в конце этой маленькой лестницы, было скорее везением, чем результатом точного расчета. Или чем-то большим, чем простое везение, если кто-то там, наверху, не потерял еще свою заинтересованность.

Прикинув время по неукротимо светлеющему небу, Конан выбрал из множества условных стуков нужный и постучал. Он был уверен, что за дверью дежурят. Ночь — время воров. Они отсыпятся днем, а ночью бодрствуют. Главное — не перепутать условный сигнал, эти сигналы были разными для разных дней недели и даже времени суток, и Конан был не совсем уверен, что вспомнил правильно. На всякий случай он отодвинул девушку себе за спину, хотя и понимал ненадежность подобной защиты, если сигнал не сработает.

Сигнал сработал — дверь открылась, и в лицо ему ударил показавшийся ослепительным свет факела. Конан торопливо поднял перед лицом обе ладони, сложив пальцы в знак «прошу укрытия». Факел чуть отодвинули.

Стоявший между парой громил бритоголовый старичок понимающе хмыкнул, но уходить в сторону, давая чужаку пройти, пока что-то не собирался. Правила за последние годы, похоже, несколько ужесточились, или просто новая конановская внешность доверия не внушала. Конан вздохнул. Вытолкнул вперед девушку. Громили заинтересованно шевельнулись и Конан заторопился, грубовато развернул ее к себе спиной и

отдирая от ее кофточки узел с ее побрякушками — он привязал его туда еще под стеной, чтобы было легче тащить. Снова оттолкнул ее себе за спину и протянул узел старику.

Старик узел принял вполне благосклонно, взвесил на сухонькой ручке, пошамкал сухонькими губами и, наконец, благосклонно улыбнулся и кивнул, бросив:

— Асталис, проводи гостя.

Громилы расслабились. Один из них — тот, что держал факел, — приглашающее махнул рукой и отступил вглубь коридора. Старик отодвинулся в противоположную сторону, освобождая проход. Конан с девушкой пошли вслед за выделенным провожатым. За их спиной скрипнула закрывающаяся дверь и заскрежетали засовы — их было неожиданно много для такой непритязательной и обшарпанной на вид двери.

* * *

— Я должен вернуться во внутренний сад.

Она молчала. Комнатушка, которую им выделили, была очень маленькой и низкой, в ней можно было только сидеть на двух лежанках или стоять в узком проходе между ними — боком и пригибаясь. Они предпочли сидеть. Двери у комнат не было, как и почти у всех комнат. Проходя по узкому коридору, они могли наблюдать жизнь идущую во множестве подобных каморок. Кто-то спал, кто-то ел или пил или готовился к выходу на дело. В комнате напротив

занимались любовью — лениво и основательно. Им было некуда торопиться.

В отличие от Конана.

Вообще-то, Конан предпочел бы не сидеть, а очень быстро идти, возможно даже — бежать, по направлению к этому самому купеческому саду. Он буквально физически ощущал, как утекает песком сквозь пальцы время короткой летней ночи. Если уж начал что-то делать — сделай это до конца и сделай хорошо. Он не привык бросать начатое дело на середине. Но иногда невозможно закончить два дела одновременно, и приходится выбирать, какому отдать временное предпочтение...

— Мне надо забрать там одну... вещь. Меня наняли, чтобы ее забрать. Бывший хозяин. Ее у него тоже украли. Как и тебя. Постараюсь вернуться до рассвета. Если же... не успею — не страшно. Я поговорил с местным заправилкой, он поможет передать свиток твоему мужу. Мне пора.

Она смотрела на него, широко открыв глаза. Личико ее страдальчески кривилось. Ему показалось, что она по вечной женской привычке начнет возражать, жаловаться или задавать глупые и отнимающее время вопросы. Она действительно спросила, но вопрос ее был неожиданен.

— Больно? — спросила она, — Тебе снова больно, да?..

Вот те раз! А он-то полагал, что сумел сохранить невозмутимое выражение лица и ни разу не поморщиться. Боль действительно возвращалась, усиливаясь с каждой минутой, и это было

совсем некстати. Впрочем, он привык игнорировать боль, так что вряд ли это неприятное обстоятельство так уж сильно отразится на его сегодняшней работоспособности.

Он попытался отмахнуться и встать, но девушка не дала, с неожиданной ловкостью и силой толкнув его обратно на лежанку.

— Подожди, я сейчас ее уберу! Это несложно, должна же я хоть что-то... не бойся, это недолго, ты все успеешь...

Она, закусив нижнюю губку, начала было торопливо расстегивать на груди свою короткую кофточку. Конан наблюдал за этими ее действиями, несколько оторопев. С одной стороны, он никогда не возражал, когда в его присутствии молодые красивые девушки снимали с себя не только кофточки, но сейчас было это несколько не ко времени. Да и сам Конан был, как бы это сказать, не совсем в подходящем для подобного состоянии, даже забудь он об этом — нарастающая боль быстренько бы ему напомнила. Но с другой стороны — как-то непохоже, чтобы она решила вдруг напоследок покуражиться...

Девушка расстегнула уже все пуговицы, но вдруг опомнилась. Мило покраснела и попросила:

— Закрой глаза!

Конан послушно зажмурил глаза, продолжая наблюдать за происходящим сквозь опущенные ресницы. Не то, чтобы подозревал он эту девушку в каком-то изощренном коварстве — просто было любопытно.

Подозрительно поглядывая ему в лицо, девушка распахнула кофточку. Похоже, Конану вполне удалось сохранить внешнюю невозмутимость, и она, уверившись, что он не подглядывает, перестала медлить и сомневаться. Сосредоточенно нахмурившись, она обхватила двумя ладонями свою левую грудь, наклонилась к Конану так, что маленький темный сосок почти коснулся его кожи на груди, и надавила — сильно, обеими ладонями одновременно.

Только собрав в кулак все свое самообладание, Конану удалось не отшатнуться, когда теплая белая струйка ударила ему в грудь, и теплые капли потекли по коже, оставляя за собой белесые вертикальные полосы.

* * *

Минуты три девушка рисовала молоком на груди у Конана затейливый узор, попеременно используя то левую, то правую грудь в непонятной Конану последовательности и что-то приговаривая. Потом осмотрела творение рук своих — и не только... хм... рук — и, похоже, осталась довольна. Впрочем, Конан и без ее одобрения знал, что волшебство удалось — боль исчезла. Он даже не заметил, когда именно это произошло, настолько был поглощен ее манипуляциями, просто вдруг обнаружил, что опять ничего у него не болит — так, саднит только немного. Забавный способ колдовства. Интересно, а что будет с тем, кто этого молока глотнет? Вряд ли он просто не

станет более болеть, тут наверняка много всего намешано, и молоко это не только боль устранишь сумеет в опытных... хм... руках.

Конан открыл глаза. Встал, неловко поклонившись. Она могла подумать, что это он: просто из-за низкого потолка, и потому Конан добавил:

— Благодарю.

Еще раз поклонился. Вышел в коридор, пятясь.

Девушка успела застегнуться и теперь сидела, улыбаясь, явно довольная проделанной работой.

— И тебе спасибо, наемник! Персиковое Дерево будет просить о тебе всех богов, которых знает, хоть и не знает твоего имени. Но ведь имя для богов не важно, правда? Кто-нибудь из них тебе обязательно сегодня поможет, ведь они уже один раз помогли мне, откликнулись, значит — и сегодня помогут!

Конан кивнул, еще раз поразившись про себя ее наивной вере. Сам-то он давно не ждал от богов ничего особо хорошего, вполне резонно предполагая, что помогают и вредят людям небожители не по доброте или злобе душевной, а исключительно для забавы, от скуки, так сказать. Что-то в ее последних словах его царапнуло, но он не любил думать сразу о многом. А сейчас следовало думать о предстоящем деле.

Он успел сделать по коридорчику с полдюжины шагов и дойти до входа в крупную камору, в углу которой что-то обсуждали с сухоньким старичком два господина вполне почтенной наружности и один скользкий юноша, и даже

кивнуть тем из них, кто к нему обернулся, вполне успел.

Прежде, чем понял.

Обратно он вернулся в три прыжка.

— Что ты сказала?!!

Она испуганно шарахнулась к стенке, округлив рот в беззвучном крике. Конан зарычал — правда, мысленно. Потому что опомнился вовремя.

С детьми и испуганными женщинами так нельзя, нельзя на них рявкать, угрожающе нависая, от этого они только больше пугаются и замыкаются в себе. С ними лучше говорить негромко и спокойно, опустившись на их уровень. Если, конечно, не хочешь ты их окончательно запугать, а хочешь добиться чего-то эффективно и быстро.

Конан заставил себя сесть — так его голова оказалась почти на уровне ее. Спросил, стараясь, чтобы голос звучал как можно миролюбивее и спокойнее:

— Ты обещала, что обо мне кто-то будет просить богов... А кто именно будет обо мне просить богов?..

Она сглотнула, понемногу успокаиваясь. Села прямее:

— Я... я уже начала, когда ты...

— Нет, — он покачал головой, — Ты назвала какое-то имя...

— Персиковое Дерево? Ну да... Меня так зовут... Красивое имя, правда? Ты не сказал своего имени и не спрашивал, как меня зовут, а мне так хотелось, чтобы ты знал...

— Подожди, — попросил Конан, окончательно шалея и еще не до конца убежденный, — Но, если ты — Персиковое Дерево, то где же твои персики?

Она замолчала и смущенно прижала обе ладони к груди. Она очень мило краснела, когда смущалась...

М-да...

Вот так, значит.

Значит, вот...

А он еще, по простоте душевной, предлагал плоды эти оторвать — для облегчения, так сказать, доставки! — и притащить отдельно. От всего, стало быть, остального... Хорошо еще, что у молодого принца Джамалю хорошее чувство юмора. Говорил бы принц на нормальном языке — было бы понятно, что Персиковое Дерево это просто имя. . И Эрлик побери этого мерзкого старикашку-толмача, со всеми его иносказаниями и недомолвками, принятыми в Туране!..

— Тогда нам обоим пора. Я отведу тебя... в другое место. Там тебе будет лучше.

— А как же твое дело? Ты же хотел вернуться в сад за какой-то вещью...

— По пути объясню. Только сначала... сумеешь одеться?

Он размотал с пояса и протянул ей шелковое полотнище. Не потому даже, что изначально нанявшим его Джамалем именно для обертывания... скажем так, — ствола Персикового Древа эта самая тряпка и была предназначена. Просто — так было правильно. В конце концов, в

связи с вновь открывшимися обстоятельствами ему оно больше было не нужно, а ей теперь, что же, так и ходить по городу в своем легкомысленном наряде?..

* * *

— Как все это удивительно! — голосок Персикового Древа был мечтательным. — Словно в старинных песнях.

С точки зрения Конана гораздо удивительнее было то, что за какие-то пятнадцать минут и при помощи всего-то пары веревочек и нескольких выпрошенных у обитателей притона бронзовых булавок она умудрилась смастерить из шелкового полотнища вполне пристойный наряд. Теперь они выглядели вполне приличной парой — идущая по какой-то своей надобности знатная госпожа и ее сопровождающий — то ли охранник, то ли тюремщик. Или — и то и другое сразу, как у них тут принято.

Ткани хватило даже на головную накидку, которой местным жительницам предписывалось закрывать лицо в присутствии посторонних мужчин или просто на улице.

Пока что дорога была пустынна, и она легкомысленно откинула этот кусок материи на плечо. Но скоро он вполне мог пригодиться — огромная луна потихоньку бледнела на розовеющем небе и уже кричали где-то первые петухи. Скоро, вторя им, зазвонят колокольчики утренних водоносов и город начнет просыпаться...

Впрочем, до нужного дома оставалось идти совсем чуть-чуть.

На этот раз он вышел к дому четко — прошло всего шесть дней, да и рассвет уже явственно вступал в свои права. Он довел ее до самых дверей. Остановился.

— Дальше пойдешь одна. Стучи. Мужу скажешь, что Конан-варвар за деньгами завтра придет.

И, видя, как округлились ее глаза и рот в уже готовом сорваться протесте, сам несколько раз грохнул по двери кулаком. И быстрым шагом пошел вдоль улицы, не оборачиваясь.

Он слышал за спиной неясные голоса, скрип открываемой двери, женские возгласы, оханья, чей-то торопливый топот, еще какую-то суету. Но обернулся лишь, дойдя до угла.

Улица была пуста.

* * *

Практически не замеченный полусонной с утра пораньше стражей, Конан покинул город через западные ворота.

Он выбрал эти ворота не из каких-то принципиальных соображений. Просто снятый Джама-лем скромный домишко находился на самой окраине Шадизара, в двух минутах ходьбы именно от западных ворот. Этим и только этим обстоятельством и был обусловлен конановский выбор. А то, что в какой-то паре полетов стрелы от этих ворот обнаружилась уютная рощица с небо-

льшим родниковым ручейком в тенистой своей глубине, оказалось приятным дополнением. Вообще-то он собирался дойти до ближайшего постоянного двора с колодцем, и провести церемонию там, но рощица тоже вполне подходила.

Если быть откровенным, она подходила даже больше, поскольку не имела обыкновения совать нос в чужие дела, в отличие от хозяев постоянных дворов...

Конан напился — вода была ледяная, от нее сразу же заломило зубы. Наломал небольшую кучку сухих веток — много ему сегодня не требовалось, не обед варить собирался. Достал из пояса огниво и развел крохотный костерок. Потом снял пояс и положил его на землю — с противоположной стороны. Костра. Зачерпывая воду ладонями, тщательно вымылся — целиком, аккуратно смывая с кожи дорожную пыль, а заодно и все следы волшебного молока. Хотел было отодрать присохшую к ране повязку, но не стал, решив, что с этим пусть лучше законный владелец разбирается. Размочил только как следует — все же не звери мы.

Боль вернулась мгновенно, после смывания первой же липкой полоски — но он был готов и даже не поморщился, довершив умывание до конца. Разве что напряженная улыбочка стала немного более кривой, чем раньше.

Боль не могла ему помешать. Подумаешь, боль? Ерунда.

Он зачерпнул сложенной ковшиком левой ладонью немного воды, положил туда же щепотку

земли, а правой рукой достал из костра горящую веточку. Сказал негромко:

— У перекрестка трех дорог призываю четыре стихии в свидетели: я выполнил условия.

После чего затушил веточку прямо в грязевой кашнице на ладони и дунул на зашипевший уголек.

* * *

Порывом ветра взъерошило волосы, плеснула вода под корягой, крохотный костерок выстрелил в небо длинным языком пламени. Показалось даже, что земля под ягодицами слегка шевельнулась, подтверждая, что и она — услышала..

С другой стороны костра возник прямо из воздуха и неловко плюхнулся на землю человек. Взыл — в падении он, кажется, не совсем удачно подвернул ногу. Вслушиваясь в витиеватые ругательства, Конан восхищенно прицокнул языком — что-то, а сквернословить за свои триста лет мажонка научился преизрядно.

— Что, не мог еще денек потерпеть? — спросил маг сварливо, прекратив, наконец, ругаться. Судя по несколько растрепанному виду и следам используемой жрицами Деркэто краски для губ на шее, у него и впрямь были причины для недовольства. Впрочем, он даже и не подозревал, насколько веские причины для недовольства у него имеются на самом деле — иначе бы не прекратил ругаться так скоро.

— Ну, проиграл... бывает. Я что — возражаю? Я честно признаю! В чужом теле трудно колдо-

вать, но я сегодня еще ночью почувствовал — проиграл. Но мы же на семь дней уговаривались! А семь дней кончаются только завтра! Что за варварская мелочность — даже напоследок не дать несчастному человеку как следует вкусить удовольствий...

Странно, но собственный голос показался Конану довольно противным. Этот трехсотлетний брюзга даже красивый и сочный низкий конановский тембр сумел превратить в надтреснуто дребезжащую мерзость. Внезапно лицо мага — такое знакомое лицо! — вытянулось.

— Что это? — спросил он севшим голосом.

Конан проследил направление его взгляда и обнаружил на влажной набедренной повязке проступающее розоватое пятно. Усмехнулся:

— А, это... Поздравляю. Теперь ты евнух.

Маг стал желтовато-серым. Похоже, именно так выглядит бледность, проступившая под бронзовым загаром. Зрелище было интересным и ранее не виданным — самому Конану как-то бледнеть не доводилось. Маг судорожно облизал губы. Спросил с безумной надеждой:

— Ты нарушил условия?

Конан с усмешкой покачал головой. Развернул ладонь с облепленным грязью угольком так, чтобы магу было видно — стихии никогда не подтвердили бы его право, нарушь он условия сделки.

Но маг был явно в ступоре, смотрел ничего не понимающим взглядом, тряс головой. Пришлось повторить уже вслух:

сначала найдем еще одного человека. Сделаем тройной обмен. Ты получишь свое тело назад, а я — этого, постороннего. Бедолага, правда, какое-то время помучается, но это ведь ненадолго! В чужом теле трудно колдовать, но все-таки можно, я быстро приведу свое тело в норму, если... если только не буду сам в нем находиться. И я буду полезен тебе. Целых пятьдесят зим! Это больше, чем ты вообще мог бы надеяться прожить, при твоей-то жизни, ты что, не понимаешь?!!

— Наверное. — Конан пожал плечами, вставая и отряхивая руки от всякой налипшей грязи. — Я же варвар. Обмен.

— Н-е-е-е-т !!! — завизжал маг, тоже пытаюсь вскочить, но оскальзываясь на влажной глинистой земле. — Пойми! Я могу быть полезен! Зачем тебе беспомощный раб?!!

Голос его сорвался на вой, но слово уже было произнесено, а позаимствованные на время стихии — возвращены самим себе. И в следующий миг уже Конан сидел, нелепо раскорячившись, у костра, царапая по инерции ногтями глинистую почву. Он тряхнул головой, прислушиваясь к себе с некоторой тревогой — мало ли чего мог за шесть дней учинить не слишком-то заботящийся о сохранности временного обиталища постоялец? Но никаких особых несообразностей не заметил. Правда, очень хотелось есть. Но есть ему всегда хотелось, это просто за почти недельное пребывание в чужом теле он слегка отвык от постоянности этого желания, вот и отметил с непривычки.

А еще очень хотелось заткнуть чем-нибудь мага.

Потому что маг был.

Монотонно, надсадно, с надрывом и всхлипами на вдохах.

Он рухнул на землю сразу же после обмена, начав быть еще в падении, и теперь катался по ней, скорчившись и прижимая обе руки к промежности. И — был...

Конану стало противно. Ему всегда были отвратительны мужчины, настолько не умеющие переносить боль. Пусть даже и довольно сильную, но ведь не смертельную же, в конце-то концов? Если ты мужчина — стисни зубы и делай то, что должен делать мужчина, а быть и кататься по земле — не мужское это занятие.

— Заткнись, — бросил он вяло. В ушах уже свербило.

Маг замолчал — мгновенно, словно ему перерезали голосовые связки. Только крутиться и корчиться стал в два раза активнее, словно червяк на раскаленном камне — похоже, без воплей терпеть ему было совсем уж невыносимо. Но Конану почему-то не было его жалко.

Ну вот ни капельки!

Наклонившись, он поднял заранее положенный у костра пояс. Отряхнул его от налипших травинок, спрятал в потаенный кармашек огниво. Застегнул на талии — поверх нацепленного магом шитого золотом безобразия с пряжкой, украшенной чуть ли не дюжиной крупных драгоценных камней. Ничего, до первого перекуп-

щика... в привешенном к этому золотому недоумению кошельке тоже что-то позвякивало весьма увесисто, и это настроило Конана на философский лад.

— Ты так и не понял, — сказал он примирительно, глядя сверху вниз на беззвучно хватающего воздух ртом мага. — Мне вообще не нужны рабы. Вообще, понимаешь?

И зашагал по дороге к западным городским воротам.

Конечно, обещался он быть у принца Джамала только завтра. И, на первый взгляд, как-то даже невежливо прерывать долгожданную встречу двух исстрадавшихся в разлуке сердец и прочих частей тела, да и хороший он, вроде бы человек, не склонный нарушать данное слово... но...

Принц Джамаль был нанимателем.

А за долгое время своего общения с разнообразными нанимателями Конан на собственном горьком опыте убедился, что большинство из них почему-то обладают очень короткой памятью. Сегодня он тебе благодарен несказанно и счастлив, а завтра — кто его знает? Зачем лишний раз вводить людей в искушение?

Следовало поторопиться, пока благодарственные чувства наследника Джамала еще горячи, а в светлую голову его не пришла мудрая мысль о целесообразности поспешного отъезда на родину. А то ищи его потом, во дворец пробирайся, от стражников отмахивайся.

Конан ускорил шаг...

БОГИ ХАЙБОРИЙСКОГО МИРА

В представленном алфавитном списке перечислены 260 богов, духов и демонов оказывающих влияние на религиозную жизнь Хайборийского мира. Материалы собраны по изданиям «Северо-Запад пресс», «Тролля» и «Азбуки» (1994-2005).

Список включает в себя непосредственно имя божества, его краткое описание, названия произведений «Саги о Конане» в которых встречается данное имя, а так же приблизительные аналогии в современной мифологии. В приложении даны имена богов, лишь упоминающихся в текстах «Саги» и не имеющих четкого описания.

-Я-

АГИБАЛЛ, по легенде, бытующей в восточной Хайбории, небесный великан, противник Митры, бросивший ему вызов и низвергнутый на землю. (А. Олдмен «Щит Агibalла».) Возможно, имя образовано от Аглибол («Колесничий Бела»). Аглибол был богом Луны в западносемитской мифологии. Изображался в виде могучего воина с полумесяцем на плечах.

АГНИ, вендийский бог огня, хранитель домашнего очага, входящий в свиту Индры. Будучи покровителем жертвенного костра, Агни является посредником между людьми и богами. («Хайборийский мир: 500 лет после Конана»)

Бог огня (имя, собственно, и означает «огонь») в ведийской и индуистской мифологии.

АДЖУДЖО, Аджуджо Темный, жестокое божество, которому поклоняется чернокожее население Томбалку. Р. Говард «Барабаны Томбалку». В Западной Африке словом «джуджу» называют нечто, обладающее магическими свойствами, — предмет, слова и т. п.

АДОНИС, Владыка Неба, верховное божество на большей территории Шема. Адонис — супруг матери-земли Иштар, именуемый в восточном Шеме более древним именем Птеор. Широко распространен миф о пленении Адониса-Птеора злым богом Сетом, пытавшемся помешать ему и Иштар соединиться на брачном ложе и породить мир. Адониса отождествляют с гирканским богом Таммузом. (Р. Говард «Королева Черного Побережья», «Ястребы над Шемом»). В греческой мифологии божество финикийско-сирийского происхождения, бог умирающей и воскресающей природы. Иногда отождествляется с Думузи (Таммузом). Как умирающий и воскресающий бог, тождественен египетскому Осирису (ср. шемитский миф о похищении Адониса Сетом). См. также Птеор.

АЛАТ, гирканская богиня войны, судьбы и смерти. Центр поклонения Алат находится в городе Хорбуле. Жрецы Кровавой Алат, изображаемой в облике девочки, раскрашивают руки красной охрой, символизирующей запекшуюся кровь. Согласно легенде, Алат и три ее сестры были дочерьми убитого ими Безымянного Бога. Их отец создал пятиструнную лютню, каждая струна которой была воплощением одной из его дочерей: красная «Алат», желтая «Зират», белая — «Замэнат» и черная «Мэнат». Пятая же струна символизировала душу, которой были лишены богини. (Д. Брайан «Золото Гномов»). По имени древнеарабской богини неба и дождя Аллат. Аллат сестра Уззы и Манат, богини смерти и судьбы (ср. Мэнат).

АЛЬ-КИИР, повелитель боли и похоти, демоническое божество, которому в древности поклонялись на территории современного Офира. Изображался в виде мощного четырехрогого гиганта, в одной руке держащего длинный кинжал, в другой — кнут. Культ этот почти забыт и находится под запретом. (С. Перри «Тайна Врат Аль-Киура».) Al'Kiig — имя явно выдуманное, однако божество имеет некоторое внешнее сходство (скорее всего случайное) с описанными Дж. Толкином барлогами: демонические черты, кнут, меч.

АМАЛИАС, бог, которому поклоняются в юго-восточной, самой цивилизованной части Бритунии. Культ, скорее всего, занесен из Коринфии и в остальной части страны практически неизвестен. (Л. Карпейтер «Проклятое Золото».)

АНУ, бог неба, почитаемый в восточной Хайбории. Некогда занимал важное место в религиозных представлениях хайборийских народов, однако культ Ану был постепенно вытеснен митрианством. (Р. Говард «Багряный Жрец», К. Роуз «Пленники Бездны».) Одно из главных божеств Месопотамии, отец богов.

АПСУ, в мифологии некоторых народов Гиркании — изначальный океан подземных вод, а так же его персонафикация, божество первозданной стихии, супруг Тиамат. (Р. Шеппард «Зло Валузии».) Имя и описание без изменений взяты из шумеро-аккадской мифологии.

АРЕС, в легенде о живущем на далеком Севере народе Руг — главный бог тех мифических земель. (А. Олдмен «Древо Миров».) Арес — древнегреческий бог войны, соответствующий Марсу древних римлян. Однако в данном случае имелся в виду Арес, как одно из главных божеств скифов.

АРИМАН, иранистанский бог тьмы и зла, противник Ормазда. Культ Темного Аримана повсеместно запрещен,

так как бог этот считается воплощением абсолютного зла, враждебного всему живому. В более старых мифах, фигура Аримана не рассматривается так однозначно; здесь это божество предстает как один из двух аспектов равновесия между Светом и Тьмой, причем не обязательно в негативном плане. В эпосе «Битва при Иокундиаке», Ариман и Митра — боги-братья, даровавшие людям мудрость, научившие их ремеслам и установившие в мире равновесие. Другая легенда гласит, что Ариман и Ормазд являются сыновьями Митры. Ариман — первое творение Митры, и первоначально он прекрасный и чистый дух. Но позже он восстает против своего брата, посчитав себя более совершенным созданием Творца. Когда Дух Добра создал человека, Ариман воплотился в его низшую природу, и с тех пор в человеке борются светлое и темное начала. Такое представление об Аримане возможно восходит к более древнему божеству, известному иногда как Рота Всадник. Встречающиеся варианты имени: Ахриман. (Р. Говард «Час Дракона», Дж. Мэддокс Робертс «Конан в Цитадели Мрака», А. Олдмен «Древо Миров» К. Грант, Н. О'Найт «Время Жалящих Стрел»). Ариман (Ахриман) — верховное божество зла в иранской мифологии, противник Ахурамазды (Ормазда). Почитатели бога времени Зервана, считали Аримана и Ормазда сыновьями этого божества, братьями-двойниками.

АРТЕМИДА, Артемида Стогрудая, богиня-мать, почитаемая гирканским племенем амазонок, женщин-воительниц. (Д. Брайан «Золото Гномов»). В древнегреческой мифологии — богиня охоты, соответствует римской Диане. Согласно легенде, Храм Артемиды в Эфесе, одно из Семи Чудес Света, был построен амазонками.

АСВЕЛЬН, обожествленный древний герой земли Ландахааген, находящейся к востоку от Гипербореи, святой покровитель страны. (Д. Мак-Грегор «Чужая Клятва».)

АСУРА, Азура, верховное божество у многих народностей Вендии, по всей вероятности, был некогда племенным божеством завоевателей-кшатриев, являющихся теперь правящей кастой в государстве. На то, что культ был принесен извне, указывает некоторая обособленность Асуры от пантеона Индры, хотя иногда эти два божества отождествляются, а так же существование мифа о древней битве богов и демонов-асуров. Основой религии асуритов служит вера в реинкарнацию души и иллюзорность бытия. Культ Асуры некогда был широко распространен и в Хайбории, и даже поначалу успешно конкурировал с зарождавшимся митрианством. Однако мистицизм, присущий этой религии, сыграл не в пользу асуритов, и постепенно более близкое западному человеку митрианство вытеснило культ Асуры, позже подвергшийся гонениям и запретам. Встречающиеся варианты имен: Асур, Ашур, Ашура. (Р. Говард «Люди Черного Круга», «Час Дракона», П. Уинлоу «Слуги Чародея» (упоминаются демоны-асуры). В ведийской и индуистской мифологии, асуры «небесные существа, обладающие колдовской силой. Первоначально это как боги (Индра, Агни и, прежде всего, Митра и Варуна), так и небесные демоны. Позже возникло четкое разделение на богов (дева, сура) и демонов-асуров (отсюда одно из толкований названия: «а-сура» — «не-бог»).

АФРОДИТА, богиня любви и красоты, известная в Офире и Коринфии. Иногда отождествляется с Исидой и Иштар. Известна также под малораспространенным именем Венера. (С. Корджи «Ночные Клинки» (упоминаются имена Венера и Афродита). В греческой мифологии Афродита — богиня любви малоазийского происхождения. Имя негреческое, его этимология до сих пор не известна (по одной из версий имя происходит от слова «aphros» — «пена»). Афродита родилась из крови оскотленного Ураном Кроноса, она старше Зевса и является одной из первичных хто-

нических сил. Позже образ Афродиты был переосмыслен греческими философами, она становится дочерью Зевса. У римлян соответствует Венере, которая первоначально была персонификацией абстрактного понятия «милость богов», затем богиней садов и, наконец, богиней любви. Был также широко распространен миф о любви Венеры и Адониса.

АХХАД, туранское божество, почитаемое простонародьем. Аххад — бог света у иранистанских племен, издревле проживающих на территории Турана, потерявший былую популярность с приходом гирканских завоевателей, принесших с собой культ огненного Эрлика. (Д. Мак-Грегор «Седьмая Невеста»). Возможно от названия города Аккад.

АШАР, шемитский бог ветров. Самый богатый храм, посвященный этому богу, находится в городе Нахмете. Идолы Ашара изображают грациозное и прекрасное божество. (Дж. Мэддокс Робертс «Конан не Знающий Страха»). Ашар — форма имени бога Ашшура, а так же одно из имен Мардука, иногда с Ашшуром идентифицируемого. Хотя ни тот, ни другой богами ветра не являлись, в мифе говорится о четырех небесных ветрах и семи бурях, созданных Мардуком против одиннадцати чудовищ Тиамат.

АШТОРЕТ, Ашторех, шемитская богиня чистоты и целомудрия, наперсница Иштар. В мифе о влюбленных Адонисе и Иштар предстает посредницей между ними, и даже вызывает Адониса, плененного Сетом. Встречающиеся варианты имени: Авторат. (Р. Говард «Королева Черного Побережья», Б. Ниберг «Конан Мститель», «Путеводитель по Хайбории»). Еврейская форма имени Астарты, богини любви и плодородия, соответствующей ассириовавилонской Иштар. Хотя в произведениях «Хайборийского цикла» Ашторех чаще всего является символом целомудрия, в реальной мифологии у нее прямо противоположная суть.

АШТРА, одна из форм имени великой шемитской богини Иштар. (Дж. Мэддокс Робертс «Сокровища Пифона»). Слово можно перевести как «звезда», ср. греческое «astron». Иштар также отождествлялась с Утренней Звездой (планетой Венера).

-Б-

БААЛ, Ваал, часть имени нескольких шемитских богов, прежде всего Птеора (иногда употребляется в качестве его имени). В Шеме известно также божество по имени Баал-Сэпа, культ которого, по всей видимости, пришел из Сигии. (Л. Картер, А. Спрэг де Камп «Корона Кобры», «Тени Ужаса», Р. Говард «Тени Замбулы» (толкование «Ваал-Птеор», как «Ваал-Идол»), Дж. Мэддокс Робертс «Конан» не Знающий Страха» (Баал-Сэпа). В западносемитской мифологии одно из прозвищ богов (букв. «владыка»). Родственно слову «Бел». Сэпа «покровитель умерших в египетской мифологии, его священный символ — тысяченожка.

БАДБ, богиня, воплощение ярости сражения, одно из младших божеств киммерийской мифологии. Согласно поверьям, Бадб и ее сестра Морриган кружат над местом битвы в облике воронов. Встречающиеся варианты имени: Бадба, Бадб (в мужском роде). (Р. Говард «Феникс на Мече», Л. Картер, А. Спрэг де Камп «Корона Кобры», «Тени Ужаса»). Богиня войны и разрушения, Ворона Битвы в ирландской мифологии.

БАК, уродливое божество, покровитель Вендийского города-государства Мандхатты. (Д. Мак-Грегор «Владычица Небес»). Бака — имя ракшаса-людоеда в «Махабхарате».

БАЛЬДУР, бог, почитаемый в Нордхейме, сын Водана и Фригги. Бальдур один из самых мудрых богов и самый красноречивый из них. (О. Локнит «Проклятье Змея»). Ба-

льдр (Бальдур) — любимый сын Фригг и Одина в скандинавской мифологии. Его мать, желая оградить сына от угрозы смерти, взяла клятву со всех вещей и живых существ, что Бальдру не будет причинен вред, забыла только о побеге омелы, чем и воспользовался завистливый Локи, подсунув слепому Хёду прут омелы вместо стрелы, когда тот принял Бальдра за оленя.

БАФОМЕТ, божество или сверхъестественное существо, упоминаемое в некоторых трактатах по магическому искусству, главным образом в связи с Поясом Бафомета, мистическим артефактом. (П. Уинлоу «Карусель Богов»). Бафомет — загадочный объект поклонения ордена Тамплиеров, обвиненных в демопоклонничестве. Имя, по одному из предположений, является искажением от имени Магомета..

БЕЗЫМЯННЫЙ БОГ, бог-отец в религиозных представлениях последователей Алат, убитый собственными дочерьми. (Д. Браун «Золото Гномов»).

БЕЛ, бог покровитель воровства и торговли, почитаемый в Шеме и Загоре. В шемитской мифологии Бел — полубог, рожденный в городе Шумир. В многочисленных легендах предстает как ловкач-трикстер, прославившийся многочисленными воровскими подвигами. Бытует мнение, что жрецы Бела не имеют права покупать что бы то ни было, в случае же нарушения этого правила, служитель должен украсть что-либо на сумму в десять раз превышающую стоимость купленного товара и принести украденное в жертву божеству. Зачастую Бел изображается в виде одноглазого старика, иногда же как человек с головой лисицы, зверя символизирующего хитрость. Встречающиеся варианты имени: Бэл. (Р. Говард «Башня Слона», А. Джонс «Ловушка для Бога»). От аккадского слова, означающего «господин». Обозначение некоторых богов, например Энилиа, позже относилось исключительно к Бел Мардуку. Как бога-покрови-

теля и купцов, и воров, хайборийского Бела можно сравнить с Гермесом.

БИАТИС, Биатис Змеебородый, забытое божество, владыка лесов и болот. Один из мифических отцов змеиного народа. (Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Алая Луна Зембабве»). **Serpent-bearded Byatis** — одно из младших божеств так называемого Мифа Ктулху, бог, которому наряду с Йигом-Сетом поклонялись змеелюди Валузии. Создан Робертом Блохом.

БОГ-ВЕПРЬ, один из древних Зверобогов. Пережиток культа Вепря сохранился в глухих районах северной Немедии и Бритунии. (К. Уэйнрайт «Кольцо Власти»).

БОГ ВЕЧНЫЙ И ЮНЫЙ, объект поклонения племен, населяющих некоторые из островов моря Вилайет. Церемонии, проводимые в честь этого божества, включают человеческие жертвоприношения. (Д. Уолмер «Обсидиановый Нож»).

БОГИНЯ СУДЕБ, по легенде, дочь Митры, прядущая нити человеческих судеб. Известна под именами Маринелла, Мариам, Мартхала и другими. Возможно, трансформированный образ старух-мойр, богинь судьбы, одна из которых сплетает нить жизни каждого человека. (Д. Мак-Грегор «Владычица Небес»; А. Олдмен «Древо Миров» (упоминаются мойры)).

БОГ ШАКАА, злое шемитское божество явно стигийского происхождения, однозначно отождествляемое с Сетом, основной противник Адониса. По всей вероятности, образ бога Шакала заместил какое-то исконное божество шемитов в их мифологии во времена стигийского владычества. Прообразом богу Шакалу послужил Инпу, шакалоголовый бог мертвых докхарийской Стигии. (Д. Мак-Грегор «Три Времени Сета», Дж. Старк «Безликий Бог» (роман о короле Кулле). Анупис (Инпу) — древнеегипетский бог мертвых, изображавшийся как человек с головой шакала.

БОГ ЯСТРЕБ, одно из младших стигийских божеств, служащих Сету. По утверждению жрецов, бог Ястреб парит над Стигией, надзирая за всем происходящим в течение дня, а с наступлением ночи возвращается к своему хозяину, чтобы поведать о том, что происходило в стране, пока над миром светило солнце. Центром культа бога Ястреба является стигийский город Харахт. Встречающиеся варианты имени: ошибочно — Харахта, как имя божества. («Путеводитель по Хайбории», Д. Уолмер «Багровое Око»). Некоторые древнеегипетские божества изображались в виде сокола или человека с головой сокола, прежде всего Гор, сын бога Ра.

БОКРАГ, бог в образе водяной ящерицы, которому некогда поклонялись в городе Иб, руины которого находятся в пустыне на Востоке Шема. (Л. Карпендер «На Запретном Берегу»). Город Иб, упоминаемый в романе «Конан Изгнанник», а также его божество Бокраг, взяты Карпендером из рассказа Г. Лавкрафта «Рок, Покаравший Сарнат».

БОРИ, Бор, Борей, бог северного ветра, исконное божество хайборийцев, культ которого практически прекратил свое существование с приходом митрианства. Поклонение Бори зародилось в эпоху переселения народов, последовавшую за Великим Катаклизмом, когда группа народов, ведомых полумифическим вождем по имени Бори, мигрировала на Север, за Эйглофийский хребет, спасаясь от многочисленных бедствий посткатастрофического мира. Впоследствии Бори почитался как бог, олицетворяющий ветер обетованного Севера, спасенные же им племена стали именовать себя хайбори, а позже хайборийцами. Пришедшие с Востока кхарийцы, основавшие империю Ахерон, на свой манер именовали их гипербореями. Борей известен так же под именем Аквилон, это имя увековечено в названии одного из хайборийских народов — аквилонцев.

(Р. Говард «Хайборийская Эра», Р. Шеппард «Зло Валузии», А. Олдмен «Последний Игрок Судьбы»). Борей — бог северного ветра в греческой мифологии. Гипербореи («живущие за северным ветром») — чудесный народ, живущий на Крайнем Севере.

БО-СИ, кхитайское божество, сведения о котором были получены из отчетов западных путешественников, поэтому имя, скорее всего, неполное или искаженное. Согласно описанию, это грозный бог, носящий ожерелье из человеческих черепов, насылающий на людей бедствия и эпидемии, по легенде, от него пошел императорский род Кхитай. (Т. С. Стюарт «Дары Зингарцев»). В китайской мифологии функции подобного божества (за исключением функции прародителя императорской династии) принадлежат богине Си-Ванму, правительнице Запада, где, согласно представлениям, находилась страна мертвых. Вторая часть описания (о посещении богом кхитайской принцессы и зачатии первого императора) имеет параллели с легендой о девице Цзе, увидевшей во сне комету-дракона и зачавшей Белого Императора, который также был правителем Запада.

БХАЙРАВИ, одно из имен вендийской богини Дурги, точнее ее разрушающей ипостаси. (А. Олдмен «Заговор Теней» (упоминается). Деви, жена индуистского бога Шивы, имеет множество ипостасей, как созидających, так и разрушающих. В числе последних Дурга и Бхайрави («ужасная»).

БЭС, стигийское божество, хранитель человека от бедствий, изображается в виде карлика с головой льва. Нищенствующих монахов культа Бэса можно встретить в восточном Шеме, Заморе и Туране. Встречающиеся варианты имени: Бес. (Дж. Мэддокс Робертс «Конан в Цитадели Мрака», «Конан не Знающий Страха»). В древнеегипетской мифологии Бэс — хранитель семейного очага, божество, оберегающее человека от несчастий, бог удовольствий, изображался в виде уродливого, но жизнерадостного карлика.

-В-

ВАКАТА, богиня удачи у хайборийцев, наиболее почитаемая в Зингаре. (К. Леннард «Источник Судеб»).

ВАРУНА, божество водной стихии у вендийцев, как правило, благой бог, почитаемый наряду с Индрой. Однако некоторые мифы указывают на противостояние Варуны, связанного с водой и Индры, которого нередко отождествляют с солнечным огнем. В частности, одна из легенд южной Вендии гласит, что однажды Варуна в облике змея преградил путь всем водам в населенные людьми пределы, и лишь заступничество Индры, победившего чудовище, спасло человечество. (Р. Говард «Час Дракона», Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Черный Сфинкс Небтху», С. Корджи «Ночные Клинки»). В древнеиндийской мифологии бог, связанный с космическими водами (океан, моря, реки, небесные воды). Иногда Варуна противопоставляется Митре [(вода-огонь), ср. легенду, изложенную в романе «Ночные Клинки», где Индра тождественен Митре, а Варуна Великому Змею].

ВАРХРАН, бог войны и победы у кочевых гирканских племен. Теологи считают Вархрана одной из ипостасей Аримана. (А. Олдмен «Древо Миров»). Форма имени Веретрагны, бога войны и победы в иранской мифологии. Имя восходит к эпитету ведийского Индры — Вритрахан. У иранцев Индра считался демоном мрака (откуда и отождествление с Ариманом у Олдмена).

ВЕНДИККО, пиктский морок чащи, дух леса, охраняющий его от посягательства людской расы. (О. Локнит «Морок чащи»).

ВЕЧНОЕ НЕБО, см. Тенгри.

ВЕШИЙ ВОРОН, низшее божество в киммерийской мифологии, вестник воли Крома. Вообще ворон является у киммерийцев священной птицей, облик ворона часто принимают богини Бадб и Морриган. (У. Гордон «Глаз Павлина», М. Мэнсон «Синие Маки»). В кельтской (ирландской) традиции ворон ассоциировался с даром пророчества, а так же с полем битвы.

ВИККАНА, бритунская богиня природы, в чем-то идентичная Дану, богине-матери лигурейцев. По некоторым предположениям, культ Викканы и религия лигурейских друидов восходят к временам Ахерона, где зародилась еретическая секта, отвергавшая кхарийских богов и поклонявшаяся силам природы, олицетворением которой они считали абстрактную Мать-Богиню и Рогатого Бога. Викана приемлет только служительниц-женщин, дающих обет безбрачия, а так же обет не стричь волос. Как правило, жрицы Викканы живут в деревьях и помимо отправления ритуалов занимаются целительством, помогают роженицам. (Р. Джордан «Огненный Зверь»). Имя образовано от названия Вика — религии неоязыческого ведьмовства. Wicca — древнеанглийское название ведьмы. Последователи Вики поклоняются Великой Богине и Рогатому Богу (возможно вобравшим в себя черты Дану и Цернунноса).

ВИТТИГИС, древний вождь гандеров, почитаемый как святой покровитель Гандерланда. (О. Локнит, А. Макдуф «Ключи от Океана»).

ВИШНУ, в Вендии бог из свиты Индры, его помощник. Некоторые религиозные течения, не признающие главенство Индры в небесных чертогах, почитают Вишну под именем Нараяна как верховное божество. (С. Корджи «Ночные Клинки»). Один из трех главных богов индуизма, входящий в так называемую тримурти наряду с Брахмой и

Шивой. Однако в ведийской мифологии Вишну не имел особого значения, хотя и упоминался как один из главных богов. Со временем стал вторым после Индры божеством, а затем уже получил имя Атиндра (Более великий, чем Индра).

ВОДАН, Вотан, нордхеймский бог, потомок Имира, родоначальник ветви так называемых младших богов. Водан — покровитель воинов и бог мудрости, даровавший людям руны, которые он получил, приняв ритуальное мученичество, когда пронзенный собственным копьем, девять дней провисел на Мировом Древе. У некоторых племен Нордхейма его имя имеет форму Один, а в восточной части Асгарда Водана почитают под именем Игг, что означает «страшный». (О. Локнит «Проклятье Змея», «Камень Желаний», Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Корона Кобры», «Тени Ужаса»). Один «верховное божество в скандинавской мифологии, первый среди асов. У континентальных германцев почитался под именем Вотан (Водан, Воден) и первоначально был, видимо, хтоническим демоном, богом-шаманом, покровителем воинских союзов.

ВОТАНТА, Повелитель Пустыни, жестокий бог-покровитель шемитского города Сарк, известный так же под именем Древо Тысячи Пастей. Мертвые города пустыни, где некогда существовало государство Эдом, по легенде, были принесены в жертву Вотанте. (Л. Карпенгер «Конан Изгнанник»).

ВО АЯН, богиня войны и охоты, почитаемая в Кхитае. (Т. С. Стюарт «Дары Зингарцев»).

ВЫСШИЕ ИЕРАРХИ, в представлениях некоторых теологов — верховные божества, стоящие несоизмеримо выше известных людям небожителей. В ранних трактатах, написанных на эту тему, фигурируют двое безымянных Иерархов, они воплощают в себе темную и светлую стороны рав-

новесия вселенной. Все события, происходящие в мире, поступки смертных и богов, согласно этой философии, — суть материальное воплощение Космической Игры Высших. Более поздняя традиция упоминает и других Иерархов: Харунос, олицетворение времени и Рок, персонификацию судьбы. Связующим звеном между Высшими Иерархами и богами является Зертрикс, вестник воли Непостижимых, представляемый обычно как коварный уродливый карлик. (П. Уинлоу «Карусель Богов», М. Делез «Посланник Света»).

-5-

ГАБРАЛ, Тысячеглазый Демон Смерти, темное божество, олицетворение смерти. Предположительно является одной из эманаций Нергала. (К. Леннард «Источник Судеб», Р. Шеппард «Зло Валузии»).

ГАРАДА, обитающий в жерле вулкана Каменный Бог в религиозных представлениях жителей одного из островов Западного Океана, с культурой, восходящей к временам Катаклизма. (Д. Уайл «Остров Забытых Богов»).

ГВАЛУР, в кешанском космогоническом мифе темный бог, владыка царства Тьмы, олицетворение изначального хаоса. На заре времен боги укротили Гвалура, вырвав ему зубы. Кешанцы верят, что легендарные сокровища разрушенного города Алкменона и есть те самые зубы чудовища. (Р. Говард «Сокровища Гвалура»). Возможно, имя образовано от названия княжества Гвалиур, существовавшего в Северной Индии до 1948 года.

ГЕВУЛ, в хайборийской мифологии бывший небожитель, божественный кузнец, изгнанный на землю за многочисленные проделки. Иногда известен под именем Вулкан. (К. Леннард «Источник Судеб», Р. Шеппард «Зло Валузии»). Имя, похоже, является составным от имен Гефеста и Вулкана.

ГЛОР и **КЭРДАКС**, божественные сущности, которым, по предположениям, поклонялись древние атланты. Кэрдакс, изображаемый в виде благородного орла, воплощает светлую сторону Великого Равновесия Вселенной, Глор, представляемый как отвратительный стервятник — темную. (М. Делез «Время Полной Луны»).

ГУАНЬЛИНЬ, богиня добра и милосердия, почитаемая в Кхитае. Изображается в виде прекрасной девы с длинными волосами и синими миндалевидными глазами. (П. Уинлоу «Карусель Богов»). От имени Гуаньинь, божества китайского буддизма, выступающего преимущественно в женском облике. Гуаньинь — хранительница женской половины дома и родовспомогательница..

ГУАСИ, бог, покровительствующий путешествиям у племени вартулов, обитающих на Черном Побережье. (К. Стайл «Дань с Жемчужных Островов»).

ГУЛАА, верховное божество у многих пиктских племен. Гулла почитается в образе огромной человекообразной обезьяны, живущей на луне, и, возможно, сам является олицетворением ночного светила. Огромных обезьян, обитающих в Пуще, пикты считают священными животными, рабами Гуллы. По-видимому, Гулла не является исконным божеством пиктов, его культ был перенят во времена миграции их народа после Катаклизма у автохтонного населения. На то, что культ имел некогда широкое распространение по всему Западу материка, указывает существование схожей религии у народов Черных Королевств, где чтят Джуллу или Джуллаха, бога-гориллу. Встречающиеся варианты имени: Гуллах (вариант транслитерации слова «Gullah»), Гулл. (Р. Говард «За Черной Рекой», «Рыло во Тьме»). Исследователи творчества Р. Говарда утверждают, что имя образовано от названия одной из групп афроамериканцев в штате Джорджия.

-II-

ДАГОН, морское божество в шемитской мифологии, бог-рыба. Культ Дагона имеет невероятно древние корни, согласно легенде ему поклонялись еще в дочеловеческие времена. Дагона чтят главным образом рыбаки, моля его о хорошем улове. Дагон также весьма почитаем в Кешане, испытывавшем некогда сильное влияние шемитских традиций. Остается неясным, какие функции выполняет морской бог Дагон в религии кешанцев. Возможно, его почитают как супруга Деркетто. (Р. Говард «Сокровища Геалура», Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Корона Кобры», Д. Фрост «Храм Ночи»). Божество западносемитской мифологии, которое могло быть как покровителем земледелия, так и рыбной ловли (расхождение в толкованиях происходит от двойного перевода корня «даг», что означает как «колос», так и «рыба»). В поздней традиции почитался и как бог войны. У Говарда, имя Дагон использовано явно под влиянием Г. Лавкрафта, который зачислил Дагона, бога-рыбу, в число своих Великих Древних. Д. Фрост следует той же традиции, называя Дагона одним из «отцов» расы змеелюдей.

ДАГОТ, древнее божество, по-видимому, кхарийского происхождения, пережитки культа которого сохранились в Заморе и Кофе. Считается, что Дагот погружен в глубокий сон, который является следствием того, что боги вырвали его рог — средоточие силы, и если Дагота пробудить, то он может уничтожить весь мир. Отсюда одно из его имен — Грезящий Бог. См. также Спящий Бог Кан-Демура. (Р. Джордан «Конан-Разрушитель»). Скорее всего, от имени Дагон. Холмы Дагота упоминаются в рассказах Р. Говарда — «Алая Цитадель» и «Черви Земли» (последний о Бране Мак-Морне).

ДАМБАЛЛА, бог-змей, почитаемый в Зембабве и других Черных Королевствах. Культ Отца Дамбаллы, однозначно отождествляемого с Сетом, имеет явно стигийские корни. (Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Алая Луна Зембабве»). Дамбалла-уэдо — бог-змей в верованиях вуду. Считается хозяином дождя и отождествляется с радугой.

ДАГА, могучий и мудрый бог в мифологии уладских народов, таких как лигурейцы и темрийцы. В верованиях некоторых пиктских племен Дага являлся некогда владыкой чудесного острова, завоеванного народом королевы-богини Баннут. (Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Корона Кобры», К. Леннард «Источник Судеб»). Дагда — один из богов Племен богини Дану в кельтской мифологии. Имя означает «добрый бог».

ДАНУ, богиня-мать, центральное божество культа лигурейских друидов, владычица богов. Культ Дану в чем-то сродни культу Викканы, имеющим, по-видимому, те же корни. Небольшая группа пиктских народов почитает ее своей прародительницей под именем Баннут. (Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Черный Сфинкс Небтху», К. Леннард «Источник Судеб»). В ирландской мифологии мать богов.

ДАРАМУЛУН и **ТРУМАЛУР**, чудовища из пиктского фольклора, посылаемые богами как знамение того, что должны произойти события исключительной важности. Дарамулун — чудовищный двуногий ящер с пастью-клювом, Трумалур — его наездница, уродливая великанша. (К. Леннард «Источник Судеб»). Дарамулун — «великий отец» в мифах ряда племен Австралии. Происхождение имени Трумалур не выяснено.

ДАРТОН, по немедийской легенде демон, сраженный и низвергнутый в пучину Западного океана королем-героем Брагорасом. Древнему герою приписывают победы над

многими чудовищами, в частности над великим драконом Ксутарканом. (Р. Джордан «Тень Властелина».)

ДАРУМА, божество, почитаемое в Пагане и, по-видимому, в островной империи Джапун, оказавшей сильное влияние на культуру Пагана. Монахи Дарумы — непревзойденные мастера боевых искусств. (О. Локнит «Берег Проклятых»). Дарума считается первым патриархом буддийской школы дзен. Одно из самых популярных божеств японского народного буддизма.

ДЕМЕТРА, в хайборийских верованиях богиня, олицетворение луны, ее символ — серебряный полумесяц. (Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Тени Ужаса»). В произведениях Хайборийского цикла упоминается всего один раз, по-видимому, как богиня луны, но вообще в греческой мифологии Деметра — богиня земледелия и плодородия, дочь Реи и Кроноса. Демонические культы, многие примитивные культы или же магические секты объектом поклонения имеют божеств, имеющих ярко-выраженные черты демонов или чудовищ. Такие культы отличаются особой кровавостью, сопровождаются многочисленными жертвоприношениями, целью которых является ублажение ненасытного божества, а иногда и удержание его от появления в мире людей. Среди таковых — культ шемитского города Ахлат, где население живет в страхе перед некогда вызванной демонической Горгоной, которая якобы обитает в стенах покинутого дворца правителя, или же запрещенный культ Сабатеи. (Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Черные Слезы».)

ДЕМОНЫ ШАГГАЛИ, класс демонических существ, упоминаемых иногда в трактатах по демонологии. Впервые, предположительно, были упомянуты в Книге Склоса. Что означает слово «Шаггали» остается неясным — это может быть как именем некоего божества, так и местом обита-

ния демонов. (Б. Ниберг «Мститель»). В другом, менее правильном и не совсем полном, переводе романа Б. Ниберга упомянуты просто «демоны». Если «демоны Шаггали» не являются вольностью в переводе, то здесь, скорее всего, подразумеваются демоны [со звезды] Шаггаи (Shaggai) — насекомоподобная раса, фигурирующая в произведениях цикла «Миф Ктулху».

ДЕРКЕТО, богиня сладострастия в верованиях шемитов и стигийцев, служанка Сета. Деркетто является олицетворением плотских утех, ее жрицы славятся мастерским владением своим телом и искушенностью в любовном искусстве. Встречающиеся варианты имени: Деркэто, Дерэк-то. (Р. Говард «Сокровища Гвалура», «Путеводитель по Хайбории»). Греческое имя западносемитской богини Атарате (Атаргатис), богиня плодородия и благополучия. Культ Деркетто имел оргиастический характер.

ДЖАКАЛА, один из Древних Богов, известный также как демон Тхутала среди зуагиров и бог-крокодил Джава-ла у некоторых племен Кешана. В древних мифах говорится, что Джакала вместе с Великим Змеем, Цатогуа и Бокрагом пришли в мир еще до возникновения жизни. (Л. Карпентер «На Запретном Берегу»). В «Книге Джунглей» Р. Киплинга — имя крокодила.

ДЖЕББАЛ САГ, Юхиббол Саг, древний бог, которому поклоняются пикты и некоторые другие примитивные народы, почитая его Хозяином Зверей. Согласно пиктской легенде, на Заре Времен все звери, включая человека, говорили на одном языке и чтити единого бога — Джеббал Сага. Вполне возможно, что культ этого божества сильно трансформировался, сохранившись лишь среди первобытных племен. Некоторые источники представляют Джеббал Сага как великого древнего бога, творца жизни на земле. Встречающиеся варианты имени: Иргал Заг. (Р. Говард «За Черной Рекой», Р. Шенпард «Зло Валузии», О. Локнит «Зов Древ-

них»). Возможно, Р. Говард придумал это имя в подражание именам Великих Древних, персонажей Г. Лавкрафта. Встречающийся в одном из переводов вариант написания «Иргал Заг», скорее всего не является ошибочным, так как в разных источниках, посвященных основным божествам Хайбории, встречается как форма «Jhebbal Sag», так и «Jergal Zadh».

ДЖИЛ, Джил Беспощадный, Бог-Ворон, бог, которому подобно богу-горилле Гулле, поклоняются как пикты, так и племена Черных Королевств. Сильным Джил обещает власть и свободу, слабым — рабство. Чернокожие ганаты, промышленные работоторговлей, считают свою деятельность угодной богу-ворону. Встречающиеся варианты имени: Ихиль (из-за неправильной транслитерации слова «Jhil»). (Р. Говард «За Черной Рекой», «Барабаны Томбалку»).

ДИКАЯ ОХОТА, в фольклоре северных народов кавалькада призраков со сворой собак (в Киммерии эти собаки именуются кораннон), мчащаяся по небу, во главе с Диким Охотником, которого нордхеймцы отождествляют с Воданом, а киммерийцы с Кромом. Встреча с Дикой Охотой предвещает несчастье, и даже смерть. Легенды о Диком Охотнике, возможно, восходят к образу Роты Всадника, забытого бога северных земель. (Д. Фрост «Конь Крома», А. Олдмен «Древо Миров», О. Локнит «Посланник Мрака», К. Грант, Н. О'Найт «Псы войны»). Представления о Дикой Охоте корнями уходят в кельтскую и германскую мифологию. У германцев это сонм мертвецов, предводительствуемый Одним. У кимров (древних валлийцев) существовал мифический персонаж Гвин ап Нудд, владыка загробного мира, повлиявший на фольклорные представления о Великом Охотнике, охотящемся за человеческими душами. Так же на предания о Дикой Охоте повлияла легенда об охоте короля Артура на свирепого вепря Турх Труйт.

Кораннон — образовано от «Кон Аннон», так в валлийской мифологии именуется свора преисподней (Аннона).

Долина Акстары, в записанном рассказе одного путешественника утверждается, будто переходя через Карпашские горы, он очутился в странной долине, где располагался город Акстара, населенный кокомами, народом с чуждой культурой, изъяснявшемся, однако, на хайборийском наречии. Существование этой долины можно было бы подвергнуть сомнению, но быт и культура кокомов, описанные путешественником, во многом совпадают с культурой некоторых народов Закатного Континента, хотя рассказ был записан до открытия хайборийскими мореплавателями Антилии и Майяпана. Поэтому, либо рассказчик, сочиняя свою повесть, воспользовался какими-то невероятно древними источниками, либо действительно побывал в загадочной долине, население которой сохранило культуру переселенцев из-за океана со времен Катаклизма. Предположение, что путешественник каким-то образом побывал на другом конце света, кажется сомнительным, хотя бы потому, что языки жителей Майяпана ничего общего с хайборийскими не имеют.

В своем рассказе путешественник подробно описал религиозные воззрения кокомов. Творцом мира жители Акстары считают Напота. Напот — пассивное божество, не принимающее участие в делах богов и людей, следить за мирозданием он поручил своему сыну Нацамне. Нацамна — бог неба и солнца, от него зависит смена дня и ночи и чередование времен года. Так же кокомы поклоняются кровожадному богу дождей по имени Чак, богу смерти Пучу, Кукану, богу ветров, богине женских забот Ишель, а также Итаб — богине самоубийц. Жреческое сословие именуется у кокомов бакабами. (К. Стайл «Дань с Жемчужных Островов»).

Кокомы — династия в городе Майяпан. Бакабы — в мифах майя четыре бога-брата, поддерживающие небо.

Нацамна — искаженное имя Ицамны, бога неба у майя.

Чак — бог дождей, полей и растущей кукурузы, в поздней традиции Чаков стало несколько.

Пуч — Ах-Пуч являлся у майя одним из богов смерти.

Кукан — искаженное имя Кукулькана, считавшегося в частности богом ветра.

Ишель — от имени богини Иш-Чель, почитавшейся у майя, кроме всего прочего, как покровительница деторождения.

ДОННАР, Тор, нордхеймский бог-громовержец, почитаемый как защитник рода людского. Считается, что жест, символизирующий молот Тора, предохраняет от всякого зла. Является так же племенным богом родственного нордхеймцам народа торманнов, проживающего на северо-западном берегу Вилайета. (О. Локнит *«Проклятие Змея»*, Л. Картер, Л. Спрэг де Камп *«Корона Кобры»*, *«Тени Ужаса»*, Дж. Мэддокс Робертс *«Конан Победитель»*). Донар (древнегерм.), Тор (сканд.), бог грома, бури и плодородия, защитник людей и богов от великанов и чудовищ.

ДРЕВНИЕ БОГИ, персонифицированные изначальные Силы, понятия о которых с течением тысячелетий выродились в представления о древних богах Хаоса. Их имена почти забыты, по слухам, один из последних действующих тайных храмов Древних находится в Кротоне, городе на границе Немедии и Аквилонии. Служители Древних предпочитают не называть истинные имена своих богов, употребляя такие прозвания как Несущий Гибель или Рожденный От Мертвой Звезды. Непостижимые старые божества чужды как Добру, так и Злу — для них просто не существует таких понятий; не все из них враждебны по отношению к человечеству, лишь часть, именуемая Демонами Древней Ночи, остальные же относятся к людям с определенной терпимостью. Последние, относящиеся в основном к млад-

шей ветви, являются более земными и понятными, среди них Великий Змей Ииг, чьи черты перешли к стигийскому богу Сету и двуполое рогатое божество плодородия, следы культа которого присутствуют в обрядах Иштар и других богинь-матерей. Так символом Иштар является рогатое животное — бык или баран, а стигийская Исида часто изображается в виде коровы. (Р. Говард *«Королева Черного Побережья»*, Дж. Мэддокс Робертс *«Конан не Знающий Страх»*). Понятие «Древние Боги» — вольный перевод понятия «Old Ones», чей храм описывается в «Королеве Черного Побережья». У Говарда и его последователей нередко появляются намеки на существовавших до богов и человека «древних Безымянных Тварей, правивших по ту сторону звезд», в которых легко узнаются Существа лавкрафтовской мифологии (творчество Лавкрафта оказало большое влияние на Говарда). Напрямую упоминаются только несколько имен, например, Цатогуа, Ииг и Бокраг. В цикле о Кулле пантеон Древних значительно расширен — здесь появляются (с преднамеренно искаженными именами) Ньярлатотеп, Йог-Сотот и Шуб-Ниггурат. Согласно некоторым источникам, культ последнего (в женской ипостаси) оказал влияние на формирование представлений о шемитской Иштар.

ДРУД, бог, которому некогда поклонялись в Иранистане, ныне его культ почти забыт. (Э. Оффут *«Меч Скелоса»*). Возможно, от имени дэва Друджа из иранской мифологии.

ДУРГА, вендийская богиня, олицетворяющая созидательные и разрушительные силы природы. В созидательной ипостаси Мать Дурга представляется как женщина с гипертрофированными молочными железами, в разрушающей как богиня-воительница, покрытая пятнами засохшей крови с ожерельем из черепов. (*«Путеводитель по Хайбории»*). Одна из ипостасей супруги бога Шивы в индуизме.

ЖУД и МАЖУД, в эсхатологических представлениях народов Хайбории — воинственные народы с окраин обитаемого мира, которые придут в Последние Времена. Теологи ассоциируют их с пиктами и гирканцами, народами, несущими угрозу цивилизованному миру. (А. Олдмен «Врата Вечности»). От библейских Гога и Магога (Иаджудж и Маджудж у мусульман)...

ЗАМБИ, божество, почитаемое народами центральных Черных Королевств. (Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Корона Кобры»). От имени Нзамби (Ньямбе), первопрёдка и демиурга некоторых народов Центральной и Южной Африки.

ЗАНДРУ, Зандра, в представлениях хайборийцев темное божество, хозяин девяти кругов преисподней, зачастую отождествляемый с Нергалом. Каково происхождение этого имени остается неясным. В некоторых источниках, наряду с девятью Адами Зандру, иногда упоминаются также девять Небес, что ставит под сомнение расхожее представление о Зандру, как о злом боге. Возможно, это имя некогда было абстрактным понятием, обозначавшем концепцию Мирового Древа. (Р. Джордан «Тень Властелина», Р. Шеннард «Зло Валузии», К. Грант, Н. О'Найт «Время Жалющих Стрел») Имя позаимствовано из произведений Мэрион Циммер Бредли, относящихся к циклу «Darkover».

ЗАМЭНАТ, см. Алат.

ЗАТХ, Бог-Паук Йезуда, наиболее известное из исконных божеств Заморы. Гигантские пауки, обитающие в холмах близ Йезуда, почитаются как земное воплощение силы божества. В городе Опкофард, где находится большой храм Паука, имя божества является запретным, здесь его

почитают как Безымянного. По одной из поздних заморийских легенд, Затх — полубог, демонический сын стигийского бога Сета от смертной женщины. Встречающиеся варианты имени: Заф. (Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Подземелье Смерти», М. Делез «Слуги Паука», С. Перри «Конан Бросает Вызов»).

ЗВЕРОБОГИ, класс божеств, культ которых возник в период зарождения цивилизации в промежутке между гипотетической катастрофой, уничтожившей мифическую дотурийскую культуру, и становлением Валузии. Зверобог олицетворяли грозные дикие силы природы, которым поклонялось примитивное человечество. Представления о богах-животных, по-видимому, были переосмыслением культа Джеббал Сага, древнего божества, чей образ Творца Жизни у примитивных культур выродился в образ Хозяина Зверей. Пережитки культа Зверобогов сохранились у большинства народов Хайборийской эпохи. Так простонародье Бритунии и Немедии почитает Вепря и Медведя Локиса, в Аквилонии помнят Бога-Оленя. Пиктская Пуща и Черные Корлевства поклоняются Джилу-ворону и богу-горилле Гулле. Многие зооморфные божества Стигии также восходят к образам древних Зверобогов, хотя и не все таковыми являются. (К. Грант, Н. О'Найт «Скрижаль Изгоев», К. Уэйнрайт «Кольцо Власти», Дж. Мэддокс Робертс «Конан не Знающий Страх» (зверобог Стигии)).

ЗИРАТ, см. Алат.

ЗОЛОТОЙ ПАВЛИН, объект поклонения запрещенного шемитского культа, центр которого находится в городе Сабатея. Золотой Павлин — демоническое божество, требующее постоянных человеческих жертв. Жрецы Павлина имеют дурную славу охотников за людьми. (Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Огненный Нож», К. Уэйнрайт «Золотой Павлин»). Скорее всего, прообразом для Золотого Павлина Сабатеи послужил Малаки-Тауз (ангел-павлин), персонаж

езидской (Курдистан) мифологии. Малаки-Тауз — падший ангел, который, впрочем, непременно будет прощен (или уже прощен) Создателем. Благодаря этому образу, езиды ошибочно считались дьяволопоклонниками.

ЗУГИТЫ, религиозная секта в окрестностях руин Старого Кутхемеса. Объектом их поклонения является древний кхарийский правитель Тугра Хотан, которого они почитают под именем Зуг. (Р. Говард «Черный Колосс», Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Огненный Нож»).

ЗУРВАН, Зерван, божество митрианского пантеона, персонификация времени и судьбы. (Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Корона Кобры», О. Локнит «Зов Древних»). Бог в иранской мифологии, верховный бог зерванизма, воспринятый так же митраизмом. Миф рисует Зервана андрогоном, совершающим жертвоприношения, для того чтобы у него родился сын Ормазд, призванный сотворить мир, однако усомнившись в пользе жертвоприношений, Зерван вместе с Ормаздом порождает Аримана.

-и, и-

ИБИС, почитавшийся некогда в Стигии бог с головой птицы ибиса, культ которого был полностью вытеснен религией Сета и на территории Стигии запрещен. Ибис — бог мудрости и магии, покровитель ученых. Адепты Ибиса, изгнанные со своих исконных земель, нашли пристанище в веротерпимой Немедии, в их представлениях Ибис мудрый и могучий бог, нанесший поражение Великому Змею на заре времен. Некогда религиозным центром последователей Ибиса был город Нития на территории современного Шема, разрушенный во времена Ахерона. Встречающиеся варианты имени: Ибис (как имя богини).

(Р. Говард «Бог из Чаши», Ш. Мур «Мрачный Серый Бог»). Имеется в виду египетский бог мудрости Тот, изображавшийся как человек с головой ибиса.

ИБЛИС, см. *Шайтан*. (Дж. Мэддокс Робертс «Стенная Царица»). У мусульман — одно из имен дьявола.

ИГГ, см. *Водан*.

ИДРИС, богиня-гадюка, считающаяся у стигийцев младшей дочерью Сета. (Л. Карпенгер «На Запретном Берегу»). В Египте действительно существовал культ богини-змеи, ее имя было Уаджит. Идрис — имя мусульманского пророка.

ИМИР, Ледяной Исполин, бог бури и войны, первое живое существо в верованиях нордхеймцев. По легенде Имир зародился из ледяной глыбы, образовавшейся из замерзшей воды источника жизни Хвергельмир. Ледяной Исполин почитается как отец грозных великанов-хримтурсов и дев битвы. Согласно поверьям, дочери Имира незримо присутствуют над полем битвы, унося души воинов, храбро павших в бою, в замок своего отца, именуемый Валхаллой. Более старая легенда утверждает, что девы битвы уводят за собой умирающих воинов в ледяные пустоши, где те гибнут от холода или под топорами их страшных братьев-великанов. Наиболее известные из дочерей Имира — Атали, Аса и Орирга. Имир считается так же предком нордхеймских богов во главе с Воданом. Встречающиеся варианты имени: Йомир. (Р. Говард «Дочь Ледяного Гиганта», Р. Шенпард «Зло Валузии», Д. Фрост «Копье Крома»). В скандинавской мифологии — первое антропоморфное существо, великан, убитый Одним и его братьями, из тела которого был сотворен мир. Во вселенной Говарда Имир считается верховным богом протоскандинав-

ских народов, еще не уступившим владычество младшему поколению богов.

ИНАННА, Денгирмах Инанна, богиня, в религиозных представлениях оседлых народов Гиркании, полностью соответствующая шемитской Иштар, супруга Таммуза. В агадейском варианте мифа считается богиней нижнего мира, супругой Нергала. Такие представления берут свое начало из легенды о сошествии Инанны в царство смерти, аналогом которой является шемитское предание о пленении Адониса злым богом Сетом. (Г. Эйлат «Бич Нергала», Р. Шеппард «Зло Валузии»). В шумерской мифологии богиня плодородия, плотской любви и распри, соответствующая аккадской Иштар. Дингирмах («Дингир» — «Госпожа великое божество») — одно из имен шумерской богини-матери Нинмах. Эпизод о сошествии в нижний мир есть как в мифах об Инанне, так и в мифе о Дингирмах..

ИНДРА, верховный бог одного из самых популярных религиозных течений в Вендии, часто отождествляемый с Асурой. Индра — бог грома и молнии, также почитаемый иногда как солярное божество (солнце считается глазом Индры). В поверьях вендийцев Индра — хранитель мироздания, восседающий в своем дворце на золотой горе в самом центре вселенной. Дворец Индры окружен райским садом Нанданой, где обитают чудесные животные и произрастают волшебные деревья кальпаврикши. (С. Корджи «Ночные Клинки», А. Олдмен «Заговор Теней»). В древнеиндийской мифологии бог-громовержец, глава богов, творец неба, солнца (глаз Индры) и зари. Некоторые из его эпитетов — «асура», «вседержитель», «добрый» и т.д.

ИЛУ, бог-творец, культ которого существовал на Туранском материке в древние времена, почти забытый в Хайбории. Некогда почитался как отец всего сущего, но последние остатки этой старой религии были полностью вытеснены митрианством. (О. Локнит «Зов Древних»).

ИЛУ — древнесемитское верховное божество, отец людей и богов, творец мироздания. В данном случае образ Илу является ссылкой на Эру Илуватара, Творца Вселенной у Дж. Р. Р. Толкина.

ИСИДА, Изида, в странах Хайбории богиня гармонии и семейного очага, символ женственности. Изображается в виде прекрасной грациозной женщины. Культ Исиды берет свое начало в Стигии, где она почитается простонародьем как покровительница женщин, богиня с головой коровы. (К. Леннард «Источник Судеб», Дж. Мэддокс Робертс «Конан не Знающий Страха» (зверобогиня-корова). В египетской мифологии богиня плодородия, семейной верности, а также мореплавания. Сестра и супруга Осириса, мать Гора. Изображалась в виде коровы или женщины с коровьими рогами. Культ Исиды получил широкое распространение за пределами Египта.

ИСТИННЫЕ БОГИ, объект поклонения существующего среди кезанкийских горцев культа, не имеющие формы божества, олицетворяющие стихийные силы природы — Землю, Ветер, Воду и Огонь. Служители Истинных Богов именуются иммала. (Р. Джордан «Огненный Зверь»).

И-ЧЖЕНЬ, доброе кхитайское божество, покровитель путешественников. (Т. С. Стюарт «Обитель Спящих»).

ИШТАР, шемитская Богиня-Мать, культ которой получил широкое распространение по всей Хайбории. В странах, где исповедуют митрианство, культ Иштар претерпел значительные изменения, здесь ее почитают как богиню, покровительницу влюбленных и хранительницу семейного очага. Такая форма поклонения Иштар пришла из западного Шема, где ее почитают как прекрасную возлюбленную Адониса. В восточном Шеме и Кофе представления об Иштар несколько отличаются от тех, что приняты в митрианских государствах. В этих областях сохранились рели-

гиозные традиции времен Ахерона, которые в свою очередь восходят к еще более древним культам. В роскошных, богатых храмах Иштар богослужения представляют собой ритуальные оргии с приношением в жертву крови животных. Идолы Иштар изображают очень полную женщину с гипертрофированными грудями и символизируют плодородие и деторождение. Культ этот уходит своими корнями в далекое прошлое, к архаическим представлениям о богине плодородия. В некоторых глухих уголках Кофа и Шема эта богиня все еще известна под древними именами Иш-ниггараб и Шупниккурат. Символом Иштар является голова рогатого животного, обычно быка, реже барана. В образе крылатого быка также почитают Урука, низшее божество, ездовое животное богини. («*Gods and demons of the Hyborian Age: Ishtar*», Р. Говард «Черный Колобс», «Родится Ведьма»). В аккадской мифологии центральное женское божество, соответствующее шумерской Инанне. Богиня плодородия, любви, войны, олицетворение планеты Венера.

Имена Ишниггараб и Шупниккурат взяты из статьи, посвященной богам Хайбории, упоминаемых в рассказах Р. Говарда. Дело в том, что произведения Говарда многими исследователями рассматриваются как часть мифологии Ктулху, где культ Астарты (Иштар) считается продолжением «древнего» культа богини (иногда бога) плодородия Шуб-Ниггурат.

ИЕЗМ, таинственный объект поклонения секты Сынов Иезма, существующей на территории Друджистана. Культ этого божества берет начало от тайного Общества Скрытых, секты наемных убийц, существовавшей, согласно некоторым сведениям, еще до Катаклизма. Иезмиты одержимы идеей влияния на политическую ситуацию в мире, путем устранения стоящих у власти людей. Отличительным знаком иезмитов является ритуальное оружие убийства — нож с лезвием в виде языка пламени. Встречающие-

ся варианты имени: Джезм. (А. Картер, А. Спрэг де Камп «Огненный Нож»).

ИЕЛАЙЯ, принцесса-прорицательница древнего города Алкменон, основанного в Кешане шемитскими переселенцами. По кешанскому поверью, при жизни Йелайя была одержима духами, через нее боги сообщали свою волю смертным. После смерти прорицательница была обожествлена. Кешанские жрецы периодически совершают паломничество в покинутый Алкменон, где просят божественную Йелайю передать им повеления высших сил. Встречающиеся варианты имени: Елайя. (Р. Говард «Сокровища Гвалура»). По утверждению исследователей творчества Р. Говарда, имя образовано от испанской фамилии Зелайя.

ИИГ, один из Древних Богов, бог-змея. Культ Великого Змея, перешедший в стигийский культ Сета, является прямым продолжением древних представлений о Ииге, Отце Всех Змей. (А. Картер, А. Спрэг де Камп «Алая Луна Зембабее»). Ииг (Yig) — представитель младшего поколения богов из пантеона Великих Древних, придуманных Г. Лавкрафтом и его последователями. Божество-создатель змееподобной Валузии.

ИИЗИЛЬ, божество, почитаемое некоторыми колдовскими сектами севера Вендии, возможно также объект поклонения таинственных колдунов Йимши. (Р. Говард «Люди Черного Круга»).

ЙОГ, Владыка Великой Пустоты, демоническое божество, которому поклоняются в Дарфаре. Культ Йога славится своей жестокостью, в частности бог-демон требует от своих поклонников обильных человеческих жертв и употребления в пищу человеческого мяса. Большой храм Йога есть также в Замбуле, куда в свое время было завезено множество дарфарских рабов. Хозяева решили, что опасно лишать рабов их веры, поэтому власти закрыли глаза на

то, что в городе существует место отправления каннибальских ритуалов, а со временем в ряды йогитов вступили также многие свободные замбульцы, в поисках силы, которую должен даровать жестокий бог. Культ Йога корнями уходит в далекое прошлое, предположительно это божество является одним из Демонов Древней Ночи, так именуют самую враждебную человечеству группу Древних Богов. (Р. Говард «Ночные Тени Замбуль», Э. Оффут «Меч Скелоса»). Односложное имя Yog, скорее всего, просто выдуманно, но есть вероятность, что прообразом послужил Yog-Sothoth, один из центральных персонажей Мифа Ктулху Говарда Лавкрафта. В произведениях о короле Кулле это божество фигурирует под искаженным именем Йог-Саггот..

-К-

КА, Чернокрылая Птица Творения, образ, пришедший из валузийских религиозных представлений, птица, принявшая участие в сотворении мира, с первыми взмахами ее крыльев начался ход времен. (Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Тени Ужаса»). Заимствование из цикла Р. Говарда о короле Кулле. Само слово, скорее всего, взято из египетской мифологии, где означает один из аспектов души человека или бога; в виде птицы изображался другой аспект души — Ба, присутствующий только богам и фараонам.

КАДУЦЕИ, секта змеепоклонников в Заморе. Последователи этой веры преклоняются перед змеей, как перед воплощением мудрости. (Г. Эйлат «Расколотый Идол»). Кадуцей — обвитый змеями жезл бога Меркурия в римской мифологии, соответствует керюкею греческого Гермеса..

КАЛИ, Хали, Черная Мать, вендийская богиня смерти,

владычица подземного царства. Она судит умерших, определяя какое воплощение примет душа в следующей жизни, согласно карме. Изображается как многорукая женщина с эбеново-черной кожей и длинным высунутым языком. (Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Под Знаменем Черных Драконов», А. Олдмен «Заговор Теней»). В индуистской мифологии одна из ипостасей жены Шивы, губительный аспект ее энергии. Появилась из ставшего черным от гнева лица Дурги.

КАТАР, богиня во многом сходная с Кали, по всей вероятности одна из ее ипостасей. Катар — объект поклонения полузапрещенной секты катары, состоящей из наемных убийц-фанатиков. Встречающиеся варианты имени: Катар (в мужском роде). (Р. Джордан «Ловушка для Демона»).

КЕМОШ, верховное божество зуагирских племен, бог-покровитель воинов. (Б. Ниберг «Мститель»). В западносемитской мифологии верховное божество государства Моав, возможно бог войны.

КЕЦАЛЬКОАТЛЬ, см. Культы Майяпана. Встречающиеся варианты имени: Куэтзалкоатль, Кецкоатль. (Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Тени Ужаса», Т. Рейли «Кормчие Судьбы»). Одно из главных божеств у индейцев Центральной Америки, Пернатый Змей, бог-творец мира. У майя именовался Кукульканом. По ацтекской легенде, Кецалькоатль отправился в добровольное изгнание на Восток, обещав вернуться из-за океана, поэтому ацтеки приняли предводителя испанцев Кортеса за вернувшегося бога (Кецалькоатль изображался в виде бородатого человека в маске). В «Тенях Ужаса» есть явная аллюзия на возвращение божества — бородатого Конана антильцы прозвали Кукульканом, а его корабль жители Майяпана называли Кецалькоатлем.

КОРРЕДАН, Кхоран'дан, у некоторых народов восточного побережья моря Вилайет — доброжелательное морское божество. Корредан хранит людей от возможного гне-

ва других богов, услаждая их слух игрой на кифаре. (П. Нейл «Тень Ветра»).

КРОМ, Владыка Могильных Курганов, верховное божество киммерийцев, обитающее, согласно поверьям, на священной горе Бен Морг. В Киммерии считается, что молиться Крому бесполезно, ибо бог-покровитель воинов, взглянув на новорожденного, одаряет того всем необходимым — силой и волей, остальное же зависит от самого человека. По некоторым сведениям, культ Крома зародился задолго до Катаклизма, и наибольшую популярность приобрел среди колонистов из Атлантиды, предков киммерийских племен, считавших Крома, Старца Горы, покровителем своей новой родины. (Р. Говард «Феникс на Мече», Д. Ферринг «Братство Меча»).

Кромм Круах — древнеирландское божество, по легенде — золотой идол в окружении двенадцати каменных идолов меньшего размера, которому приносились человеческие жертвы, возможно бог неба. Имя Кромм Круах, означает «Наклонившийся с холма», и, по-видимому, оно стало употребляться уже после того, как идол потерял божественный статус. Вероятно, это имя восходит к преданию о том, что перед святым Патриком «демон» покинул свое золотое изваяние, которое наклонилось в знак покорности. Согласно другому источнику, слово «кромм» является каламбурным вариантом слова «кенн», из чего следует, что первоначально бога звали Кенн Круах, то есть «Повелитель Холма».

КСОТАИ, Владыка Страха, Черный Кракен, божество, принадлежащее к группе Демонов Древней Ночи — особенно враждебной человечеству ветви Древних Богов. Некогда Ксотли был одним из демонов-покровителей Атлантиды в период ее упадка. После Катаклизма высшим жречеством Ксотли было основано новое государство по образцу старой теократии — Антилия. Культ Ксотли отли-

чается необычайной жестокостью и требует многочисленных человеческих жертвоприношений. Считается, что бог-демон лично забирает души принесенных в жертву, являясь над алтарем Вечной Ночи, венчающим Великую Пирамиду Птахаукана, приняв облик огромного черного облака с множеством щупалец. (А. Картер, А. Спрэг де Камп «Тени Ужаса»). Божество, как обликом (полуматериальное существо с обилием щупалец), так и именем, напоминает Существ, описанных Г. Лавкрафтом. Ксот — название гбнущей звезды, откуда на Землю явился Великий Ктулху, бог, совмещающий в себе черты дракона и спрута.

КТАНТОС, почти забытое демоническое божество. В западных Карпашах находятся руины храма этого древнего бога. (А. Карпентер «Конан Великий»). Имя выдуманное, но возможно слово «Kthantos» образовано от имени греческого бога смерти Танатоса (Thanatos).

КХОСАТРАА КХЕЛ, древнее божество, имеющее демонические черты, некогда покровитель государства Дагония, находившегося в регионе южной части моря Вилайет. Главное божество племен юеши, частично унаследовавших культуру дагонцев. Встречающиеся варианты имени: Косатраль Кель, Хосатраль Хель. (Р. Говард «Железный Демон», А. Картер, А. Спрэг де Камп «Дорога Орлов», Э. Оффут «Меч Скелоса»).

КУБИРА, вендийский бог богатства. В отличие от Лакшми, символизирующей материальное благополучие, Кубира иногда является олицетворением алчности. Центр культа Кубиры находится в городе Потали. (Т. Доннел «Оковы Безмолвия»). Кубера — бог богатства в индуизме. Изображается невероятно толстым, трехногим и одноголазым богом (имя, предположительно, означает «урод»). Культ предков, преклонение перед духами предков, а иногда и их обожествление имеет широкое распространение среди примитивных и варварских культур. В Черных Королевств-

вах многие племена в своих поселениях устанавливают так называемый столб предков, где, согласно поверью, обитают духи умерших членов племени, оберегающие живущих от всевозможных бед. У варваров Севера, а также кочевников Гиркании духи предков почитаются как посредники между людьми и богами, своеобразной формой поклонения является сохранение памяти о великих героях древности в форме сказаний и легенд. Поклонение духам умерших сохраняется и в цивилизованных странах Хайбории — среди простонародья существуют особые ритуалы ухода за местами захоронений, призванные сохранить благосклонность духов. Разоренные или неухоженные кладбища становятся местом обитания мстительного духа-наньяки. (Р. Говард «Королева Черного Побережья», Д. Уолмер «Обида Предков»).

КУЛЬТЫ МАЙЯПАНА, о религиях Закатного Континента известно очень немного. До открытия хайборийскими мореплавателями островов Антилии и земель, получивших общее название Майяпан, существовали невероятно древние, отрывочные легенды о заокеанских цивилизациях, наследовавших затонувшей Атлантиде. Но основные сведения о народах Майяпана были получены в эпоху географических открытий. В известной хайборийцам части континента главенствуют два противоборствующих культа — Гигантского Змея и Саблезубого Тигра. В описании первого божества легко узнается Кецалькоатль, Пернатый Змей, поклонение которому широко распространено среди племен Майяпана, имя второго божества в отчетах мореплавателей нигде не фигурирует. Известно также, что заокеанские народы поклоняются небесным светилам, к югу от открытой хайборийцами части континента находится легендарный город Куско, где расположен большой храм, именуемый Кориканча, посвященный Отцу Солнцу и Матери Луне. (А. Картер, А. Спрэг де Камп «Тени Ужаса», Т. Рей-

ли «Кормчие Судьбы»). В противоборствующих культах Змея и Тигра легко угадывается противостояние Кецалькоатля (см. соответствующую статью) и его брата Тескатлипоки, бога-ягуара.

Майяпан — город-государство индейцев майя.

Куско — древняя столица государства инков, Кори-канча — храм, пантеон инков в Куско.

КЭРДАКС, см *Глор* и *Кэрдас*.

—Л—

ЛАКШМИ, вендийская богиня счастья, благополучия и красоты, широко почитаемая как на территории Вендии, так и в странах со сходной культурой — Косале и Уттар-Куру. (М. Мэнсон «Небесная Секира», А. Олдмен «Заговор Теней»). Божество в индийской мифологии, имя означает «добрый знак», «счастье», «красота».

ЛАНГОЛ, один из забытых богов. Лангол символизировал время, и его приверженцам приписывали мистическую власть над пространством и временем. (О. Локнит «Берег Проклятых»). Лигурейцы, некогда религиозная секта в Ахероне, основу религиозных верований которой составляло поклонение силам природы. Лигурейцы были обвинены в ереси и вынуждены были бежать в Пиктскую Пушу. Многочисленные жрецы-кхарийцы постепенно смешались с народом уладского происхождения (т.е. родственным киммерийцам и темрийцам), и со временем в пиктских землях сформировался новый народ, получивший название лигурейцев. Правящей кастой лигурейцев являются друиды. Их верховное божество — Дану, уладская богиня-мать, вобравшая в себя также черты матери-природы древних лигурейцев. Не являясь пиктским народом, лигурейцы, тем не менее, довольно тесно контактируют с пиктами. Друиды зачастую даже справляют обряды Гуллы у

некоторых племен пиктов. (Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Черный Сфинкс Нептху»).

ЛИГУРЫ — древние племена, населявшие 3000 лет назад север Италии и юг Галлии. Лигурский язык имел, по некоторым сведениям, неиндоевропейское происхождение. У К. Леннарда друид Дивиа трикс проводит обряд посвященный пиктскому Гулле. Противоречие здесь только кажущееся, ибо на британских островах среди друидов в действительности существовала такая практика, когда один и тот же жрец мог совершать ритуальные действия, посвященные как своим, кельтским богам, так и божествам аборигенного населения. Обе религиозные системы не вступали в конфликт, существуя параллельно..

ЛИР, Лер, Ллир, одно из божеств киммерийской мифологии, бог водной стихии. Некогда жизнь предков киммерийцев была тесно связана с морем, и Лир был очень почитаемым божеством, однако после Катаклизма, лишившись выхода к Океану, киммерийцы сохранили имя Лира лишь в легендах, помня его как отца бога Мананнана. Культ Лира от киммерийцев был перенят мореходами Ванакхейма, где этого морского бога почитают наряду с Ньордом, исконно нордхеймским божеством. (Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Корона Кобры», «Тени Ужаса»). Бог моря в кельтской (ирландской и валлийской) мифологии.

ЛОКАПАЛЫ, в вендийских религиозных представлениях, охранители стран света. Локапал восемь, по количеству сторон света, каждый из хранителей обладает ездовым животным — космическим слоном диггаджи. (А. Олдмен «Древо Миров»). В романе А. Олдмена локапалы имеют также черты скандинавских хримтурсов. Их внешность — покрытые шерстью гиганты, кроме того, эпизод с похищением палицы Таркиная, обыгрывает похищение великанами молота Тора. Упоминаемые имена: Вернавест (Варуна — Запад), Кубера-Нор (Кубера — Север) и Сурист (Сурья —

Восток [в реальной мифологии владыка востока — Индра]). Другие имена не называются.

ЛОКИ, в нордхеймской мифологии бог, иногда вступающий во враждебные отношения с другими богами, насмехающийся над ними, строящий козни. Локи тесно связан со стихией огня, иногда его зовут сыном Муспельхейма, огненного мира. За многочисленные проделки прикован богами к скале до конца дней. Образ Локи перекочевал также в мифы других народов. Так в Сакалибе, стране на севере Гиркании, считается, что где-то в Рипейских горах отбывает свое наказание некий Дух Огня. Народы Сакалибы изображают его иногда в образе восьминогого лося Шарабхи. Похожее божество фигурирует и в хайборийских легендах. В мифе о гибели Атлантиды, говорится, что причиной краха древней цивилизации стал подаренный атлантам Небесный Огонь, который похитил для них Впередсмотрящий бог, впоследствии, как и Локи, прикованный к скале. (Р. Шенпард «Зло Валузии»). Локи — злокозненный бог из асов в скандинавской мифологии, за нарушение ритуального мира с великанами и насмешки над богами был привязан к скале кишками собственного сына. Теория о происхождении его имени от Логи («огонь») ничем особо не подтверждена. В Шарабхе, по видимому, слиты воедино образы Слейпнира, восьминогого скакуна бога Одина (и порождения Локи, ко всему прочему) и Сурабхи, небесной коровы из индуистской мифологии. Впередсмотрящий бог — аллюзия на Прометея, титана-похитителя огня в греческой мифологии. Имя Прометей переводится как «предвидящий».

ЛОКИС, один из древних Зверобогов, бог-медведь. Локису все еще поклоняются в глухих уголках Бритунии и Немедии, почитая Владыкой леса. (К. Уэйнрайт «Кольцо Власти»). Собственно слово «локис» и означает «медведь», например в литовском языке.

ЛОУХИ, главное божество Гипербореи, богиня смерти. По слухам, гиперборейцы приносят человеческие жертвы высеченным из льда изваяниям богини. Имя Лоухи традиционно носит глава религиозно-магического ордена Белой Руки, главная резиденция которого расположена в городе Похиола. Отсюда бытует устоявшееся мнение, будто королева Похиолы — бессмертное воплощение богини. Встречающиеся варианты имени: Лухи, Лахи. (Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Ведьма Туманов», Д. Уолмер «Чаша Бессмертия»). В финской мифологии хозяйка Севера (Похьёлы). По некоторым предположениям, во фразе «Лоухи Похьёлы владычица» слово «Лоухи» не имя, а эпитет, относящийся к Похьёле.

ЛУГ, светлый бог в уладской мифологии. В его честь отмечается летний праздник Лугнасса. (К. Леннард «Источник Судеб»). В кельтской мифологии бог света, по-видимому, связанный с соляным культом..

ЛУРИ, почитаемая в Вендии богиня-покровительница ткачей. (Т. Доннел «Оковы Безмолвия»).

-м-

МААТ, стигийский бог, культ которого был привнесен беженцами из погибшего Пифона, где Маата почитали покровителем правящей династии. В отличие от других стигийских божеств, Маат не имеет облика, его не сравнивают ни с человеком, ни с животным. Это бог загробного мира, определяющий судьбу умершего. Он решает, достоин ли человек посмертия или же будет скормлен чудовищному Пожирателю Душ. (Дж. Мэддокс Робертс «Сокровища Пифона»). В египетской мифологии Маат является богиней, женским аналогом бога Тота. Играла большую роль в загробном суде Осириса: если покойный был оправ-

дан, его ожидало блаженство на полях Иару, в противном случае его пожирал Амт, лев с головой крокодила.

МАЛАХ ГА-МАВЕТ, в хайборийских представлениях о загробном мире — дух, олицетворяющий смерть и разложение, демон-истребитель из свиты Нергала. Образ позаимствован из шемитской мифологии. (А. Олдмен «Древо Миров»). Ангел смерти в иудаистической мифологии.

МАНАННАН, Маннан, киммерийский бог волн, особо почитаемый в озерных областях страны. Так как Катаклизм отрезал предков киммерийцев от моря, образ Мананнана, бога водной стихии, во многих регионах Киммерии трансформировался в представления об этом боге, как о хозяине лошадей, что связано с древними описаниями Мананнана, скачущего по волнам на чудесном коне. Встречающиеся варианты имени: Махнан. (Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Корона Кобры», «Тени Ужаса»). Бог волн в кельтской мифологии, владыка потустороннего царства на острове блаженных, сын Лера (Лира), бога моря.

МАРДУК, бог-воитель у шемитов и родственных им народов, культ которого получил широкое распространение в Хайбории, в основном среди наемных воинов. У оседлых народов Гиркании особенно популярна легенда о битве Мардука с Тиамат. Победа Мардука символизирует превосходство сил Порядка над Первозданным Хаосом, олицетворением которого является чудовищная Тиамат. (Р. Шеннард «Зло Валузии»). Центральное божество вавилонского пантеона, со временем вобравшее в себя черты многих шумеро-аккадских богов.

МАТЬ-ВОДА, объект поклонения культу, главенствующего в иранистанском султанате Датха, персонификация воды, считающейся священной в этом засушливом регионе. Главной реликвией культа является Священная Клепсида — огромные водяные часы. (С. Корджи «Ночные Клинки»).

МАТЬ ДОЖАЯ, богиня, культ которой имеет распространение среди мунган и других народов долины Запорожки, братство козаков считает ее своей покровительницей. Согласно поверью, богиня проливает на иссушенную жаром степь благодатную влагу, сцеживая ее из своих сосков. Последователи культа носят браслеты с расположенными попарно металлическими шипами. В окрестных гирканских городах культ Матери Дождя запрещен, ибо считается, что богиня эта порой требует обильных кровавых жертвоприношений. (Д. Брайан «Золото Гномов»).

МАХА, киммерийская богиня-мать, имеющая также ипостась богини битвы. Маха не принимает никакого участия в сражениях, однако всегда незримо присутствует над полем боя, изредка используя свою силу для помощи одной из сторон. (Р. Говард «Феникс на Мече»). Божество из мифологии ирландских кельтов.

МИТРА, Податель Жизни, Хранитель Горнего Очага, бог света и добра, персонификация солнца. Митра считается вездесущим божеством, не имеющим определенной формы, как правило, в храмах отсутствуют его изображения, но иногда его изображают как высокого мужчину с вьющимися волосами и окладистой бородой. Культ Митры зародился на Востоке — в Иранистане, где его почитали, как божество, связанное с идеей договора и справедливости, а также как бога солнца. Сходные функции у Митры и в вендийском пантеоне, где его считают богом из свиты Индры. Однако настоящий взлет митрианства начался благодаря пророку Эпимитреусу, выдающемуся религиозному и политическому деятелю, идейному вдохновителю основания Аквилонского королевства. Из Аквилонии, где митрианство стало официальной государственной религией, культ распространился почти на всю территорию Хайбории, постепенно вытесняя или ассимилируя культы местных божеств. Влияние митрианства простирается и за

пределами хайборийских королевств: культ имеет большую популярность в Заморе, а также его влияние проявляется и в Шеме, где образ Митры частично слился с местным солярным божеством Шамашем. Некоторые религиозно-философские течения считают Митру хранителем Космического Равновесия, богом, стоящим над добром и злом. В частности, такой образ солнечного бога характерен для религиозных представлений жителей государств плоскогорья Арим, где он почитается под именем Матразль. (Р. Говард «Черный Колосс», М. Мэнсон «Дар Митры»). Индоиранское божество договора, а также олицетворение солнца. Культ Митры получил широкое распространение в Римской империи.

МОЛОХ, темное божество шемитов, чей культ на большей территории Шема запрещен, так как поклонение Молоху требует многочисленных жертвоприношений, в том числе и человеческих, путем сжигания в огне, разжигаемом в утробе идола божества. (Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Корона Кобры», Р. Шенпард «Зло Валузии»). Долгое время, на основании Библии, считалось, что Молох — божество Палестины, Финикии и Карфагена, которому приносились человеческие жертвы. В середине 20 в. было выдвинуто предположение, что таково было наименование самого ритуала сожжения людей и животных.

МООЛЬ, у обитающего на Черном Побережье племени вартулов — бог плодородия и долголетия, покровитель семьи. (К. Стайл «Дань с Жемчужных Островов»).

МОРАТ-АМИНЭ, в стигийской мифологии могущественный бог-демон, бросивший вызов Сету, оспаривая у того право на власть над силами Тьмы, за что был заключен в одной из стигийских гробниц. Изображается в виде золотого змея с множеством щупалец вокруг головы. (С. Перри «Черный Камень Аманара»).

МОРРИГАН, киммерийская богиня, во многом сходная с Бадб. Богини воительницы, приняв образ ворона, неизменно кружат над местом сражения. Морриган посвящают головы павших в битве. (Р. Говард «Феникс на Мече»). Богиня войны и разрушения в ирландской мифологии.

МОЙРЫ, в представлениях хайборийских народов — три богини судьбы, носящие имена Клота, Прядущая Нить, Лахеса, Бросающая Жребий и Атропа, Неотвратимая. С мойрами конкурирует Тиха, богиня случая. Сходный образ существует и у народов Севера — три норны, определяющие судьбу человека, обитающие у корней Мирового Древа. (А. Олдмен «Древо Миров»). У А. Олдмена в богинях судьбы смешаны образы греческих мойр, скандинавских норн, а также грай из греческой мифологии (три старухи с одним глазом на троих).

МРАЧНЫЙ СЕДОЙ БОГ, легендарная статуя забытого божества атлантов, изготовленная из напоминающего серый жемчуг материала, по слухам находящаяся среди сожженных разрушенного во времена Ахерона города Нития. По некоторым предположениям изображает Крома, божество киммерийцев, являющихся потомками атлантов. (Ш. Мур «Мрачный Серый Бог»).

МУТАРИ, демоны, высасывающие человеческие силы, объект поклонения извращенного древнего культа. (Ш. Мур «Конан идет по следу», Р. Шеппард «Зло Валузии»).

МЭНАТ, см. *Алат*.

-Н-

НАГ, Великий Наг, вендийский бог-змея, представления о котором, видимо, восходят к культу Великого Змея, существовавшему до Катаклизма. Однозначно отождеств-

ляется со стигийским богом Сетом. (А. Олдмен «Заговор Теней»). Наги — полубожественные существа со змеиным туловищем и одной или несколькими человеческими головами (индийская мифология).

НАЙДАЙЯ, божество, принадлежащее к классу Зверобогов, богиня-щука, владычица рек, озер и заводей. (К. Грант, Н. О'Найт «Время Жалющих Стрел»).

НАКАТА, женское божество одноименной реки на плоскогорье Арим. (М. Мэнсон «Дар Митры»).

НАНГА, богиня-мать у некоторых племен Дарфара. Вместе с богом Пьйонгой составляют божественную чету. (Г. Арчер «Король Воров»).

НАНТОСФЕЛЬТА, богиня полей, холмов и долов, которой поклонялись во времена до Катаклизма, Черная Кобылица, одна из древних Зверобогов. В одном из мифов предстает матерью первых людей. (К. Грант, Н. О'Найт «Время Жалющих Стрел»). Нантосфельта — в мифологии галльских кельтов богиня воды, а так же покровительница домашнего очага, часто изображалась рядом с Суцеллом, бывшим, предположительно ее супругом.

НАРАЯНА, божество, почитаемое в Вендии. Адепты Нараяны не признают главенства Индры или Асуры в Небесных Чертогах, утверждая, что их бог есть самый великий. Эта религия не имеет широкого распространения, возможно, это одна из форм поклонения Вишну, индраитскому божеству. (А. Олдмен «Заговор Теней»). В древнеиндийской мифологии высшее божество, мировой дух, часто отождествляемый с Вишну или, что реже, с Брахмой.

НАТ, богиня изобилия и плодородия, почитаемая в столице Немедии в числе множества других иноземных богов. Возможно, культ Нат пришел из Стигии. (Э. Уорренберг «Наследие Мертвых»). Напоминает имя египетской бо-

гини неба Нут. К тому же в романе говорится, что фрески в храме богини отчасти похожи на стигийские.

НЕБЕТЕТ, Богиня Слоновой Кости, женское божество Пунта, обычно изображается в виде прекрасной женщины с лицом-черепом, хотя поздние изображения лишены каких-либо устрашающих черт. Предположительно, под именем Небетет пунтийцы почитают богиню Деркетю. (Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Воля Богини Небетет»). Небетхет (Нефтида) — египетская богиня, одна из жен Сета.

НЕБЕСНЫЙ ИМПЕРАТОР, божество, почитаемое в центральных областях Кхитая, владыка небес, глава богов и духов. (Т. С. Стюарт «Дары Зингарцев»). Небесный император (Тянь-Ди) — верховное божество в поздней китайской мифологии.

НЕМАЙН, киммерийская богиня-воительница, чье имя означает «неистовая». Немайн присутствует над полем битвы, сея панику среди воинов. Во многом сходна с другими киммерийскими богинями битвы, такими как Маха или Морриган. (Р. Говард «Феникс на Мече»). Божество из ирландской мифологии.

НГАИ, творец мироздания в религиозных представлениях некоторых народов, проживающих к востоку от Черного Побережья. Сотворив мир, Нгаи установил законы, которым подчиняется как дикая природа, так и человек. (Дж. Мэддокс Робертс «Сокровища Пифона»). У масаев божество неба, грома и войны.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДУХ, главное из пяти божеств народа, именуемого Поедателями Рыбы, проживающего на Черном Побережье. (Р. Грин «У Ворот Зла»).

НЕФРИТОВЫЙ ИМПЕРАТОР, верховное божество империи Паган. По легенде, Нефритовый Император был некогда человеком, правителем Пагана, но, видя несправедливость мира, отрекся от престола и удалился в горы, где

создал собственное учение, а затем, достигнув божественного совершенства, вознесся вместе со своей супругой Омитасу на облака, где они видят сны о прошлом и будущем Пагана. (О. Локнит «Берег Проклятых»).

НЕРГАЛ, владыка загробного мира, темное божество, представления о котором зародились на Востоке, у народа, бывшего предками современных шемитов. Из мифологии этого древнего народа образ Нергала, равно как и других божеств соответствующей религиозной системы, перекочевал в верования оседлых племен Гиркании. У шемитов, под многовековым влиянием стигийской культуры, в качестве злого божества выступает Сет, чей образ постепенно заменил Нергала. Как владыка загробного мира, Нергал известен и в хайборийской культуре, хотя бог этот стоит особняком, официально не входя в митрианский пантеон. Нергал является двуипостасным божеством: с одной стороны это бог хаоса и разрушения, изображаемый в облике демонического существа, с увенчанной рогами головой и звездой в покрытом роговыми пластинами лбу, с другой стороны — Нергал мудрый и справедливый Судия в Царстве Мертвых. Однако считается, что сила грозного божества не распространяется на мир живых, Нергала редко интересует происходящее за пределами Нижнего Мира. Согласно агадейским религиозным представлениям, где культ Нергала является государственной религией, темная, разрушительная сила бога, грозящая многими бедствиями человечеству, уже многие века является пассивной, погруженной в глубокий сон, насланный богинями-сестрами Эрешкигалью и Инанной. (Р. Говард «Рука Нергала», Г. Эйлат «Бич Нергала», О. Локнит «Отмычки Бела»). В шумеро-аккадской мифологии — властитель подземного царства, бог войны, сокрушающий враждебные страны.

НЕРГУЗ, объект поклонения некоторых магических сект, загадочное божество, известное только в кругах по-

священных. Предположительно, Нергуз — одно из воплощений Аримана. Что интересно, имя Нергуза сочетает в себе имена двух противоборствующих начал — Нергала и Таммуза. (А. Олдмен «Древо Миров»).

НИНГА, псевдобожество в виде тряпичной куклы, культ которого недолгое время просуществовал на юго-востоке Бритунии. (А. Карпентер «Проклятое Золото»).

НУАДЕНС, Нуаденс Аргатлам, Нуаду, божество, фигурирующее в мифологии некоторых уладских народов. У темрийских горцев Нуаду почитается как бог-колдун, благосклонно относящийся к людям, часто действующий в их интересах. Лигурейские друиды поклоняются ему под именем Нуаденс, присваивая ему эпитет Владыка Бездны. Центр культа Нуаденса сосредоточен в священной роще Нуадвидон, где друидский оракул оглашает пророчества от имени божества. Как Владыка Бездны это божество попало в древний миф о сотворении человека, где говорится, как богиня-кобылица Нантосфельта сошлась с Повелителем Пещер демоном Нуаду, и от этого союза появились первые люди. (А. Картер, А. Спрэг де Камп «Черный Сфинкс Нейтху», К. Грант, Н. О'Найт «Время Жалящих Стрел», О. Локнит «Зов Древних»).

Нуаду Аргатламх («Нуаду Серебряная Рука») — один из ирландских богов, происходящий из Племен богини Дану. В одном из сражений потерял руку, которая была заменена серебряным протезом. В римской Британии почитался под именем Ноденс и был связан с водами и источниками. Упоминаемый эпитет Владыка Бездны, перешедший позже в образ демона Нуаду во «Времени Жалящих Стрел», по-видимому, позаимствован Картером и де Кампом у Лавкрафта, который сделал Ноденса одним из Старших Богов, противостоящих Великим Древним. У Лавкрафта Ноденс именуется Господином Великой Бездны.

НЬОРД, бог ветра и морской стихии, почитаемый мореходами Ванахейма. (Дж. Мэддокс Робертс «Сокровища Пифона»). Ньёрд — бог из числа ванов в скандинавской мифологии, олицетворяет ветер и море.

—0—

ОДЕРОГ, морской бог, объект поклонения закрытого культа, исповедуемого на Барахских островах. Непосвященные не допускаются к таинствам Одерога, поэтому за пределами островов о культе мало что известно. (Т. С. Стюарт «Обитель Спящих»).

ОДИН, см. Водан.

ОД'О, Демон Земных Вод, одно из демонических божеств Атлантиды периода упадка, властитель морей и рек, его извечный соперник — меланхоличный Демон Вод Небесных, повелитель дождей, над которыми Од'о был не властен. Од'о зачастую причисляют к Демонам Древней Ночи, однако, в отличие от невыразимых Древних Богов, Демон Земных Вод изображается в образе человека, возможно Од'о наполовину смертный. Имя демона не забыто лишь по той причине, что в одной из легенд он упоминается как отец Паноры, женщины, наславшей на мир многочисленные болезни. (С. Корджи «Демон Пучины»). Имя выдуманное, однако, в Паноре без труда узнается легендарная Пандора.

ОКРОВАВЛЕННЫЙ БОГ, золотая статуя забытого древнего божества, по слухам, находящаяся в затерянном храме в Кезанкийских горах. (Р. Говард «Кровавое Божество»).

ОЛАМ ОНГА, божество города Газаль, демон из свиты Аджуджо Темного. (Р. Говард «Барабаны Томбалку»).

ОМИТАСУ, богиня-покровительница империи Паган, супруга Нефритового Императора. В бытность ее супруга

обычным человеком, Омитасу была одной из его учениц. (О. Локнит «Берег Проклятых»).

Искаженное имя Аматэрасу, богини солнца и прародительницы японских императоров.

ОРВАНДЕЛЬ, персонаж нордхеймской мифологии. В Нордхейме бытует легенда о том, как Тор забросил отможенный палец Орванделя на небо, превратив его в звезду. (А. Картер, А. Спрэг де Камп «Тени Ужаса»). В скандинавской мифологии Аурвандиль — муж провидицы Гроа. Предположительно он мог быть богом плодородия заболоченных земель.

ОРМАЗД, Ормузд, бог добра и света в иранистанской мифологии, главный противник бога мрака Аримана. Ормазд также иногда фигурирует в некоторых митрианских текстах, так как культ Митры зародился именно в Иранистане. (А. Олдмен «Древо Миров»). Вариант имени иранского бога Ахурамазды.

-П-

ПАДДА, почитаемый как божество основатель религиозно-философского учения, популярного в некоторых областях Кхитай. Падда — великий учитель, достигший абсолютного умиротворения, вырвавшись из цикла реинкарнаций, к этому же стремятся и его последователи. Достижению этой цели, согласно учению Падды, способствует мирная, добродетельная жизнь, не отягощенная грехом. Грехом считается убийство не только человека, но и животного, а также употребление в пищу мяса. Наместником Падды на земле является правитель провинции Тай-Цзон, которому приписывается почти божественный статус и дар предвидения будущего. (Т. С. Стюарт «Обитель Спящих»). Искаженное имя Будды.

ПАКАР, одно из исконно-заморийских божеств, культ Пакара, равно как и культы большинства божеств земри, практически забыт, будучи вытесненным более популярными в Хайбории религиями. (С. Корджи «Боги Чаш»).

ПАПАЙ, бог-громовержец, одно из исконных божеств коренного населения Сакалибы. Возможно был главным божеством Страны Городов до завоевания ее армиями полководца Анахарсиса, принесших культ Уту и сопутствующих ему божеств. (Р. Шенпард «Зло Валузии»). Бог грома у скифов, греки отождествляли его с Аресом.

ПЕРАКРАС, божество в пиктской мифологии. Некогда Перакрас был псом бога Гуллы, но восстал против своего хозяина. В наказание его дух был заточен в ствол старого дуба, который считается священным у поклоняющихся Перакрасу пиктов. (К. Леннард «Источник Судеб»).

ПЕРЕВОЗЧИК ДУШ, см. Хрон. (С. Перри «Тайна Врат Аль-Киура»).

ПРА-ЮН, глава камбоджийского ордена Алого Кольца, почитаемый в этой стране за живое воплощение бога. (А. Картер, А. Спрэг де Камп «Ведьма Туманов»). Пра Ин (от имени Индра) — высшее божество в мифологии лао и других тайских народов.

ПТА, бог, почитаемый на одном из островов Закатного океана, население которого — преимущественно стигийские переселенцы. (А. Олдмен «Последний Игрок Судьбы»). Покровитель египетского города Мемфис, бог-творец, в поздний период отождествленный со многими другими божествами.

ПТЕОР, одно из имен бога Адониса, предположительно, слово означает «идол». (Р. Говард «Сокровища Гвалура», «Тени Замбулы»). От упоминаемой в Библии местности Ваал Пеор; в «Тенях Замбулы» дается трактовка «Ваал-Птеор» как «Ваал-Идол».

-Р-

РА, божество, фигурирующее в стигийской мифологии, олицетворение солнца, противник Сета. В стигийском изобразительном искусстве нередко встречается мотив, символизирующий торжество покровителя Стигии над своим извечным врагом — змеем, пожирающий око Ра. Культ Ра, однозначно отождествляемого с хайборийским Митрой, в Стигии находится под запретом. (Р. Шеннард «Зло Валузии», А. Уоттс «Скипетр Мага», «Остров Колдуна»). Бог солнца в египетской мифологии, борец с силами мрака, воплощенными, как правило, в чудовищном змее Апопе.

РАВААА, Бог с Черным Лицом, божество, культ которого был основан беженцами из гниущей Атлантиды. Какое-то время культ Раваала имел определенную популярность, но с приходом митрианства был полностью забыт. Ходят слухи о возрождении старого культа где-то в землях Полуночи. (О. Локнит «Карающая Длань»). Похоже на простое соединение имен Ра и Ваал.

РАЙДЭН, бог грома в мифологии населения островов Восточного океана. (Т. С. Стюарт «Обитель Спящих»). Имя, примерно переводящееся с японского как «удар грома». Бог грома с таким именем является персонажем компьютерной игры и фильма «Mortal Kombat».

РАРЫ, мелкие божества домашнего очага, их почитает простонародье в Аквилонии, Немедии и других странах. (К. Грант, Н. О'Найт «Зеркало Грядущего»).

РОК, см. *Высшие Иерархи*. (М. Делез «Посланник Света», «Время Полной Луны»).

РОТА, Всадник Полуночи, Король Огня и Войны, древнее воплощенное божество, упоминания о котором сохра-

нились в преданиях народов Полуночи. Судя по легендам, в дотурийские времена Рота Всадник считался воплощением мирового зла, хотя некоторые обрывочные сведения, если не опровергают это, то не дают такого однозначного утверждения. Образ Всадника Ночи в некоторой степени повлиял на мифологию северных народов, прежде всего на представления о Диком Охотнике, в роли которого норд-хеймцы часто представляют бога Водана, который как и Рота часто изображается одноглазым. Одно из древних имен Роты — Астэллар, что позволяет предположить некую связь между легендарным Ротой и молодым заморийским культом бога Астэйра, покровителя неудачников. Древние легенды зачастую так и называют Всадника: Бог Неудачников, имея в виду многочисленные поражения его приверженцев. (О. Локнит «Трон Дракона», Керк Монро «Ночная Охота»). Заимствование из литературной вселенной Дж. Р. Р. Толкина, под именем Роты выписан Мелькор (Моргот), Первый Враг.

РУДАРА, Рудра Трехликий, вендийское божество, которое приверженцы его культа считают самым древним из богов. Рудра — грозный бог, но он редко вмешивается в дела людей, большую часть времени проводя в божественной медитации на вершине Кайласы — высочайшей из Химелийских гор. Его молят не убивать ни большого, ни малого, ни отца, ни матери, не наносить вреда телу, семени, жизни, коровам и лошадям, молят о лекарствах, дарующих долгую жизнь, называя лучшим из врачей. В священных текстах Рудра «юн, быстр, силен и неуязвим, имеет твердые члены, спутанные волосы и прекрасные губы; он улыбається как солнце и посылает смерть через стелу, через яд и лихорадку». Центр культа Рудры находится на острове Ланка. Бог также известен под именами Шива, Трьямбака и Красный Вепрь Неба. Очень редко его отождествляют с Асурой, на Западе же считают тождествен-

ным Ариману. (А. Олдмен «Древо Миров», Т. С. Стюарт «Обитель Спящих»).

В древнеиндийской мифологии — персонификация грозы, ярости и гнева, ведийский предшественник Шивы. Он «красный вопрь неба» и великий асура небес.

РУЛЬТАНА, у ветланов, народа, обитающего к северо-востоку от Гиркании, на берегу Северного Океана — бессмертная владычица загробного мира, обитающая на берегу большого теплого озера. Рультана определяет дальнейшую судьбу умершего: если человек оставил после себя большое потомство, то его ожидает счастливое посмертие, если же он остался бездетен — Рультана топит его в своем озере. (К. Стайл «Дикая Охота»).

САДИТА, богиня-покровительница расположенного в восточном Шеме города Оджарры. (А. Карпенгер «Конан Изгнанник»).

САНАБО, морское божество, почитаемое рыбаками на океанском побережье Зингары. (Д. Мак-Грегор «Чужая Клятва»).

СЕКВЕНА, Владычица Вод, богиня рек, почитавшаяся на территории Аквилонии и Немедии еще до прихода митрианства. Секвена изображается в виде величественной женщины, восседающей на лебедь. Ее подданные — сильхи, духи воды. (К. Грант, Н. О'Найт «Зеркало Градущего»). В мифологии кельтов Галлии Секвена — богиня истока реки Сены, давшая ей свое имя.

СЕЛХЕТ, богиня-скорпион в стигийском пантеоне. Селхет покровительствует умершим, в Стигии считают, что изображение богини на саркофаге охраняет покой захоронения. «Путеводитель по Хайбории». Селкет (Серкет) — бо-

гиня-покровительница мертвых в египетской мифологии, изображалась в виде женщины в украшенном скорпионом головном уборе.

СЕТ, Великий Змей Ночи, Отец Змей, главное божество стигийского пантеона, бог пустыни и покинутых городов, олицетворение тьмы, покровитель темных магических искусств. Стигийские жрецы утверждают, что удел человечества заключается в служении Сету, бог милостив к преданным ему и беспощаден к отступникам. Стигийские представления о Сете восходят к образу древнейшего божества, в Турийскую эпоху известного как Великий Змей, чей культ в свою очередь являлся прямым продолжением культа бога-змея Йига. Так самым распространенным символом Сета является стилизованное изображение змеи, кусающей собственный хвост, а зримое воплощение силы божества, по утверждению жрецов, — стусок мрака, принимающего образ гигантского змея. Однако нередко изображения бога и в человеческом облике, без каких-либо змеиных черт, а одно апокрифическое предание упоминает вскользь о временах, когда Сет не был еще отлучен от милости благого солнечного бога. На этом основании можно предположить, что первоначально Сет был божеством отдельным от Великого Змея, но со временем с ним отождествленным. Возможно, в древности Сет почитался проводником силы Змея, кем-то вроде божественного жреца. Сет также широко известен и за пределами Стигии, играя важную роль в религиозных представлениях других культур. Так в Хайбории Сет считается воплощением мирового зла, Старым Змием, главным оппонентом светлого бога Митры. В шемитской мифологии Сет является злокозненным противником божественной четы Адониса и Иштар. Встречающиеся варианты имени: Сэт. (Р. Говард «Бог из Чаш», «Королева Черного Побережья»). Египетский бог пустыни,

олицетворение злого начала, изображался как человек с головой осла. В реальной мифологии Сет не имеет змеиных черт, хотя в поздний период его и отождествляли иногда со змеем Апопом (в легенде периода Древнего царства Сет сражается с Апопом, защищая бога Ра), а греки считали его идентичным змееногому Тифону. Во многих произведениях «хайборийского цикла» Сет также имеет черты Сатаны, библейского змия. По Говарду, имена Сет и Сатана происходят от названия придуманной им доисторической змеи сатхи.

СИВАНИ, класс демонов в вендийской мифологии, точное количество сивани неизвестно, как правило, их четверо. Демоны-сивани, согласно легенде, были созданы из первозданного хаоса в момент появления Времени. Изображаются антропоморфными восьмирукими великанами с эбеново-черной кожей. (Р. Джордан «Ловушка для Демона»).

СОМА, вендийский бог луны, а так же священного напитка, также именуемого Сомой. Как ночное божество, почитается так же под именем Владыка Снов. (А. Олдмен «Заговор Теней»). В древнеиндийской мифологии — Сомой именуется божественный напиток и божество этого напитка. Позже также бог луны.

СОХМЕТ, стигийская богиня, изображаемая в виде львицы или львиноголовой женщины. Наряду с богиней-коровой, Львица является покровительницей женщин. Сохмет — грозное божество, иногда фигурирующая в мифах как мать Сета. (А. Картер, А. Спрэг де Камп «Сокровища Траникоса» (в «Черном Незнакомце»; другой редакции произведения, не фигурирует), Дж. Мэддокс Робертс «Конан не Знающий Страха» (упомянута зверобогиня-львица). Богиня войны и палящего солнца в египетской мифологии, изображалась как женщина с головой львицы.

СПЯЩИЙ БОГ КАН ДЕДУРА, бог, почитаемый в городе Кан-Демур в Карпашских горах. По-видимому, Кан-Демурский культ является одной из форм поклонения Даготу, Грезящему Богу — статуи Спящего изображают некое существо с одним рогом на голове и, согласно поверью, пробуждение божества грозит уничтожением всего сущего. (С. Корджи «Боги Чаш»).

СПАОША, божество митрианского пантеона, дух порядка и религиозного послушания, сподвижник Митры. (А. Картер, А. Спрэг де Камп «Корона Кобры»). Бог иранской мифологии, брат Митры, посланник Ахурамазды.

СУСАНОО, в религиозных воззрениях жителей империи Паган — бог смерти, владыка загробного мира. (О. Локнит «Берег Проклятых»). Божество страны мертвых в японской мифологии.

СУЦЕАЛОС, Пестрый Козодой, древний Зверобог, владыка неба. (К. Грант, Н. О'Нэйт «Время Жалящих Стрел»). В мифологии кельтов Галлии Суцелл (Сукеллус), чье имя можно перевести как «крепко бьющий», — бог, часто изображаемый с большой колотушкой на длинной рукоятке.

-Т-

ТАНИТ, богиня, почитаемая в западном Шеме. Танит — небесная дева, божество, связанное с луной, и животворной росой. (А. Картер, А. Спрэг де Камп «Тени Ужаса» (упоминается). Танит (Тиннит) — одно из верховных божеств Карфагенского пантеона.

ТАММУЗ, в мифологии оседлых гирканских народов, восходящей к древнешемитской религиозной системе — светлый бог, главный противник злого бога Нергала. Таммуз соответствует Адонису в шемитской мифологии, где

темный противник бога, под влиянием стигийской культуры, был вытеснен образом бога Сета. (А. Картер, А. Спрэг де Камп «Рука Нергала»). Таммуз (Думузи) — божество плодородия у ряда народов Передней Азии, бог-пастух, супруг Инанны. Иногда Таммуз отождествляется с Адонисом.

ТАРАНИС, в религиозных воззрениях темрийских горцев — бог грома и небесного огня. (О. Локнит «Зов Древних»). Божество в кельтской мифологии, римляне отождествляли его с Юпитером. Имя Таранис («громовержец») — латинское.

ТАРИМ, Вечноживой Тарим, гирканский мистик, легендарный пророк Огненного Эрлика, совершивший паломничество в Патению, заснеженную область на севере Гиркании, где якобы получил откровение от бога. Проповедуя культ Эрлика среди гирканцев, Тарим вдохновил многие племена на завоевательный поход на Запад, увенчавшийся основанием государства Туран. Некоторые еретические секты в Туране поклоняются Тариму как божеству. (А. Картер, А. Спрэг де Камп «Огненный Нож»).

ТАТТАРА-РАБУГА, вендийское божество, покровительствующее касте неприкасаемых. (А. Олдмен «Заговор Теней»).

ТЕНГРИ, Вечное Небо, у большинства гирканских кочевых народов — верховное божество, непсонифицированное олицетворение неба. Небо является как непосредственным проявлением Тенгри, так и местом обитания божества. (Р. Шенпард «Зло Валузии»). Древнее божество, имевшее распространение у многих народов Центральной Азии, олицетворение неба.

ТИАМАТ, Мать Драконов, чудовищная богиня-дракон в мифологии народов Востока, олицетворение хаоса, супруга Апсу. В мифах о Тиамат главным мотивом является ее сражение с богом-воином Мардуком, победившим эту чудовищную богиню. Победа Мардука ознаменовала нача-

ло эры людей и завершение эры змей и драконов, что правила миром до человека. В поздней традиции, под влиянием смешения разных культур, Тиамат стали считать матерью бога-змея Сета. (Р. Шенпард «Зло Валузии»). В Аккадской мифологии — воплощение мирового хаоса, в битве между поколениями богов была рассечена надвое младшим богом Мардуком, который создает небо и землю из частей ее тела. Предположительно изображалась в виде дракона или семиглавой гидры.

ТНАРГАН, у народа ветланов — бог солнца. По верованиям ветланов, в течение полярной ночи, характерной для тех земель, следует совершить как можно больше добрых дел, только тогда Тнарган явит миру свой лик. (К. Стайл «Дикая Охота»).

ТНИХЕ, богиня плодородия и плотских утех, культ которой известен в северо-восточной Британии. (К. Стайл «Дикая Охота»).

ТИФОН, в представлениях хайборийцев — чудовище Нижнего Мира, имеющее облик покрытого перьями человека с головой дракона и змеями вместо ног. По слухам, существует редкий фолиант, именуемый «Книга Тифона», содержащий многие тайны мира демонов. В этом тексте, написанном кхарийскими жрецами, под именем Тифон подразумевался Сет, именуемый иногда Змееногом. (А. Олдмен «Древо Миров», П. Уинлоу «Карусель Богов», С. Перри «Черный Камень Аманара»). В греческой мифологии — чудовищный сын Геи и Тартара, отождествлялся с египетским богом Сетом.

ТИХА, хайборийская богиня Случая, олицетворяющая непостоянство и изменчивость человеческой жизни. (А. Олдмен «Древо Миров»). Образ из греческой мифологии.

ТОГ, демоническое божество Ксутая, по поверью, обитающее в заброшенных подземельях под городом и имею-

шее образ спрутообразной тени. Возможно, Тог тождествен древнему темному божеству, которое до Катаклизма именовали Черной Тенью. (Р. Говард «Черная Тень»).

Односложное имя, характерное для многих ранних произведений Говарда. Отождествление с Черной Тенью, фигурирующей в одном из рассказов о короле Кулле, можно встретить у многих продолжателей Говарда, развивавших «Турийский цикл». Интересно, что одна из статей, исследующих творчество Говарда, называет Тога «ктулху-образным».

ТОР, см. *Донар*.

ТОТЕМИЧЕСКИЕ ВЕРОВАНИЯ, религиозные верования, имеющие распространение среди примитивных народов материка — пиктов и населения Черных Королевств. Главный мотив таких верований заключается в родстве людей племени с объектом живой, реже неживой, природы. Объектом поклонения является, как правило, зооморфный предок. Например, в Пиктской Пуще почти каждое племя-клан носит имя своего тотема-первопредка, а у некоторых племен Черных Королевств существует поверье, будто колдун, проведя особые ритуалы, может принять облик животного-тотема. (Р. Говард, А. Картер, А. Спрэг де Камп «Пиктский цикл», Д. Уолмер «Багровое Око»).

ТРЕГЛАВ, трехголовый идол, высеченный в скале на побережье Закатного Океана, изображающий неизвестное пиктское божество. (К. Леннард «Источник Судеб»). Вообще имя Триглав носит трехголовое божество в мифологии балтийских славян, к пиктам, разумеется, никакого отношения не имеет.

ТРОТ, бог-покровитель Хаббатеи. Трот изображается трехликим и шестируким, его святилища представляют собой трехгранную пирамиду, на каждой стороне которой вы-

сечен один из ликов божества: грозный, пьяный и похотливый, что символизирует различные функции божества. (М. Мэнсон «Ристалища Хаббы»).

ТРЬЯМБАКА, в Вендии — один из эпитетов бога Рудры, означающий «имеющий трех матерей». Западные теологи отождествляют Трьямбаку с темным богом Ариманом. (А. Олдмен «Древо Миров»). В древнеиндийской мифологии — одно из многочисленных прозвищ Рудры.

-У, У-

УЛЛА, гирканская богиня, являющаяся олицетворением луны. Считается, что Улла покровительствует вора и искателям приключений. (Л. Карпентер «Конан Изгнанник»).

УЛЬВУРГАН, ветланский бог моря. Его представляют в виде огромного морского быка с большими желтыми бивнями и получеловеческим лицом. (К. Стайл «Дикая Охота»).

УМБАДО, объект поклонения секты Озаренных, действующей на границе Стигии и Турана. Умбадо изображается в виде козла с петушиным гребнем и человеческими пальцами вместо копыт. Озаренные почти все свое время проводят в молитве Умбадо и, по слухам, каждые две луны приносят ему в жертву новорожденного ребенка. (Д. Мак-Грегор «Седьмая Невеста»).

УРУК, низшее божество шемитской мифологии, бог в образе крылатого быка, ездовое животное богини Иштар. (Г. Эйлат «Расколотый Идол»). Скорее всего, имя дано по названию города Урук.

УТУ, в Западной Гиркании — бог солнца, полностью соответствующий шемитскому Шамашу. Уту имеет две ипостаси: светлую — Даритель Жизни и мрачную — Уту Безжа-

лостный, символ губительного солнечного зноя. Как и многие другие солярные божества, Уту отождествляется с Митрой, жрецы-митрианцы тем самым подчеркивают, что их богу под разными именами поклоняются во всех обитаемых землях. (Р. Шеппард «Зло Валузий»). Солнечный бог в шумеро-аккадской мифологии.

ФЕСТА, в Западной Хайбории — богиня, покровительница поэтов, художников и музыкантов. (Р. Джордан «Тень Властелина»).

ФРЕКИ, один из древних Зверобогов, бог-волк. Считается, что Фреки покровительствует волкам-оборотням. (О. Локнит «Волки Севера»). В скандинавской мифологии — один из двух волков-спутников бога Одина.

ФРИГГА, нордхеймская богиня, супруга Водана. Фригга покровительствует супружеским узам и семейному очагу. (Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Корона Кобры»). Фригг (Фригга) — супруга Одина (Водана), мать Бальдра в скандинавской мифологии.

-X, Ц-

ХАН, божество древности о котором практически ничего неизвестно. Древние легенды упоминают Чернокожего Хана, как одного из прародителей мифической расы змеелюдей. (Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Алая Луна Зембабве»). Dark Han — бог, упоминающийся в одном из рассказов Р. Блоха.

ХАНУМАН, вендийский бог-обезьяна. Известны две ипостаси бога: Размышляющий Хануман и Хануман-Душитель. Вольшой храм, посвященный темной ипостаси божества, находится в туранском городе Замбуле, где культ Ханумана имеет значительный вес. (Р. Говард «Ночные Тени Замбулы», П. Уинлоу «Слуги Чародея»). В индуистской мифо-

логии — божественная обезьяна, сын бога ветра, преданный друг Рамы.

ХАОС, понятие, обозначающее первозданную неорганизованную силу, первопричину всего сущего. В разных культурах Хаос представляют в виде мировой бездны или же как изначальный океан. Иногда абстрактный, неперсонифицированный Хаос является предметом поклонения у некоторых сект, самая влиятельная известна на Востоке. Служители Культа Хаоса не признают каких-либо богов, поклоняясь лишь Великой Первопричине. (Р. Джордан «Сердце Хаоса»).

ХАРУНОС, см. *Высшие Иерархи*. (М. Делез «Посланник Света»). По имени Хроноса, олицетворения Времени. Согласно концепции орфиков (секта в Древней Греции), Хронос был одним из двух первоначальных богов, присутствовавших при сотворении мира.

ХЕЙМДАЛЛЬ, бог, почитаемый в Нордхейме, один из сыновей Водана. Хеймдалль — страж богов, обладатель волшебного рога, призывающего богов к битве. (Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Корона Кобры», «Тени Ужаса» (упоминается рог Хеймдалля). В скандинавской мифологии — бог из асов, страж Асгарда.

ХЕЛЬ, в нордхеймской традиции — богиня загробного мира, персонификация смерти. Хель — старуха-великанша, с устрашающим лицом, одна половина которого мертвенно-синяя, другая же имеет цвет свежего мяса. Местом обитания богини является замок Мокрая Морось в мире мертвых. (Д. Фрост «Копье Крома», А. Олдмен «Древо Миров»). Владычица царства мертвых в скандинавской мифологии, одно из чудовищных порождений Локи.

ХИПНОШ, в представлениях хайборийцев — бог сна. Считается, что молитва, обращенная к Хипношу, гаранти-

рует спокойный сон. (Д. Мак-Грегор «Три Времени Сета»). Гипнос — персонификация сна в греческой мифологии.

ХИРАНЬЯКША, могущественный демон в вендийской мифологии. Желая доказать свое могущество богам, Хираньякша утопил в океане всю земную твердь, как гласит одна из легенд, по-своему отражая события времен Великой Катастрофы. Один из богов, воплотившись в гигантского красного вепря, победил демона и спас землю, подняв ее на своих клыках. Красного Вепря вендийцы отождествляют с Рудрой, иногда с Асурой. Западные теологи считают его тождественным Ариману. (А. Олдмен «Древо Миров»). В индуизме — асура, непримиримый противник богов. В эпизоде с погружением земли, облик вепря принимает бог Вишну. Красный вепрь неба — эпитет бога Рудры, чей культ в послеведийской традиции развился в культ Шивы.

ХРЕСВЕАЛЬГ, в верованиях нордхеймцев — чудовище, пожиратель трупов, олицетворение смерти и разложения. (Д. Фрост «Копье Крома», «Храм Ночи»). В «Старшей Эдде» — йотун в образе гигантского орла, пожирающий трупы и поднимающий бури взмахами своих крыльев.

ХРИМТУРСЫ, в нордхеймской мифологии — сыновья Имира, появившиеся на свет до богов. Ледяные Великаны олицетворяют разрушительные силы мироздания, однако некоторые из них не столь дики и враждебны и обладают древней мудростью, как, например, Великан Мимир. (Д. Фрост «Копье Крома», «Храм Ночи», А. Олдмен «Древо Миров» (Мимир)). Инеистые Великаны (сканд. мифология), противники богов-асов. Как правило, хримтурсы тупы и кровожадны, но некоторые обладают большой мудростью и весьма искушены в магии. Мимир — один из великанов (скорее всего не из хримтурсов), хранитель источника мудрости, ему, согласно одному из мифов, Один был вынужден отдать свой глаз в обмен на знания..

ХРОН, Перевозчик Душ. Бессмертное существо, управляющее Кораблем Мертвецов, что переправляет умерших через Реку Смерти в загробный мир. Описывается как высокий худощавый человек в темном одеянии с капюшоном, сопровождаемый чудовищным псом Кербом. Легенда о Перевозчике корнями своими уходит в далекое прошлое, в Турийскую эпоху. Тогда бытовала легенда о бессмертном Кароне, державшем переправу через Стагос, именовавшийся также Рекой Смерти. Существует обычай класть умершему под язык монетку в качестве платы Перевозчику. (А. Олдмен «Древо Миров», С. Перри «Тайна Врат Аль-Кири (упоминается Перевозчик)», А. Сайлент «Змеиное Королевство»). По имени Харона — мрачного перевозчика душ из древнегреческой мифологии, Керб, несомненно, искаженное имя Цербера (Кербера).

ХУ, в кхитайской мифологии божественный дракон, создатель Вселенной. В представлении жрецов Ху мир является злом, ловушкой для душ людских, которые обречены на бесконечный цикл перевоплощений. (Р. Говард «Королева Черного Побережья»). В древнем китайском мифе о сотворении мира фигурируют боги Ху (Император Южного Моря) и Шу. Боги решили наделить безликий хаос Хуньдунь глазами, ртом и т. д. в благодарность за гостеприимство, и принялись сверлить отверстия в его голове, после чего хаос умер. Смерть Хуньдуна ознаменовала начало Вселенной..

ЦАТОГУА, бог-жаба, один из забытых Древних Богов. Пережитки его культа существовали еще до Катаклизма, но уже тогда это божество считалось невероятно древним, одним из первых существ пришедших на землю задолго до появления человека. Каменные изваяния Жабы Хаоса, изображающие аморфное многолапое божество можно встретить в самых разных частях света. Встречающиеся варианты имени: Цатогуа, Тсатхоуга. (А. Картер, А. Спрэг де Камп

«Корона Кобры», Л. Карпентер «На Запретном Берегу», Дж. Брейген «Клеймо Змея»). Аморфное божество, черная многолапая жаба, обитающая в бездне Н'Каи. Персонаж искусственной мифологии, созданной Г. Лавкрафтом и его последователями.

КЕРНУННОС, Кернуннос, Кернунн, древний Зверобог, бог-олень, чей культ сохранился в глухих уголках Аквилонии и Немедии, почитается как Владыка Лесов. Кернуннос также входит в лигурейский пантеон. (К. Грант, Н. О'Найт «Зеркало Грядущего», «Время Жалющих Стрел», Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Черный Сфинкс Небтху»). У кельтов — бог, изображавшийся с ветвистыми рогами на голове, по разным предположениям мог быть богом природы или богом Нижнего Мира. Имя означает «рогатый».

- Ч, Ш -

ЧЕРНЫЙ САДОВНИК, согласно хайборийским представлениям о загробном мире, демоническое существо, садовник Нергала, напоминающий человеческую фигуру, будто высеченную из антрацита. Черный Садовник вырывает сердца воинов, храбро павших в бою, превращая тех в безжалостных солдат армии Нижнего Мира. Из сердец же вырастают чудесные цветы, отвар из которых придает храбрости пьющим его демонам. (Л. Олдмен «Древо Миров»).

ЧЕТЫРЕ БРАТА НОЧИ, высшие божества в религиозных представлениях пиктов. Считается, что Четыре Брата скованы вечным сном в огромной хижине, их ноги оплетают гигантские змеи, а в волосах запутались россыпи звезд. Одним из Четырех, возможно, является Джеббал Саг. (Р. Говард «За Черной Рекой»).

ЧЕТЫРЕ ВЕТРА, ветры с четырех сторон света, которым

поклоняются некоторые племена Гиркании. (Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Сталь и Змея», Д. Фрост «Храм Ночи»).

ША-ТРОКК, бог песков и песчаных бурь, почитаемый народом пустыни к юго-востоку от Гиркании. Почитатели Ша-Трокка верят, что каждая песчинка в пустыне — один из умерших, вернувшихся к Великому Отцу. (Т. С. Стюарт «Дары Зингарцев»).

ШАМАШ, в Шеме — имя солнечного божества, известного как Уту среди некоторых народов Гиркании, имеющих религиозную систему, аналогичную шемитской. Образ Шамаша, под влиянием хайборийской культуры, подобрал в себя многие черты бога солнца Митры. Встречающиеся варианты имени: Шамах. (Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Корона Кобры»). Аккадское имя шумерского солнечного бога Уту.

ШАН, богиня, почитаемая в некоторых областях Ххитая. Шан учит праведности и добродетели, благосклонность богини гарантирует хороший урожай риса и богатый улов рыбы. (Д. Брайан «Диадема Богини»).

ШАЙТАН, злое божество в пантеоне восточной части Шема, а также Кофа. Шайтан, именуемый еще Иблисом, является богом Нижнего Мира, владыкой демонов. (Р. Говард «Родится Ведьма», Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Корона Кобры», «Тени Ужаса»). У мусульман — имя дьявола..

ШЕЗ, Шез-Паучиха, младшее божество заморийского культа бога-паука, возможно женская ипостась Затха. Выполняет служебные функции, ее именем накладывается проклятье на людей, неугодных служителям Паука. (С. Перри «Конан Бросает Вызов»).

ШИВА, вендийское божество, по всей вероятности, ипостась бога Рудры. (С. Корджи «Ночные Клинки» (упоминается)). Один из трех верховных богов индуизма, бог-разрушитель. Божество, сравнительно поздно вошедшее в пантеон,

однако истоки культа уходят в глубокую древность, проистекая, скорее всего, из культа Рудры.

-Э, Ю, Я-

ЭПОНА, божество, почитаемое лигурейскими друидами, богиня плодородия, изобилия и врачевания. (А. Картер, А. Спрэг де Камп «Черный Сфинкс Небтху»). Эпона — одна из самых значимых богинь галльского пантеона. Перечисленные функции были второстепенными, в основном же она почиталась как покровительница лошадей, игравших большую роль в жизни кельтов, однако в данном случае эта функция богини вряд ли уместна — образ жизни лигурейцев мало отличается от пиктского, сомнительно, что они занимаются разведением лошадей.

ЭНКАТУ, ахеронский бог крови и войны. Отрывочные сведения позволяют предположить, что Энкату мог принадлежать к классу Древних Богов — ахеронцы считали его одним из первых существ, что создали все формы жизни, в том числе и человека, чтобы поддерживать свои силы смертью и страданиями. (П. Нейл «След Исполнина»).

ЭНАИЛЬ, в городах западной Гиркании, где исповедуется религия, имеющая общие корни с шемитской — бог воздуха и ветров, а также бог плодородия и жизненных сил. (Р. Шептард «Зло Валузии»). Один из главных богов шумерского пантеона, господин над богами, сын бога неба Ану.

ЭРЕБУС, персонификация Мрака, божество, культ которого, по-видимому, был известен еще в эпоху Ахерона. Эребус является довольно абстрактным божеством, его служители не вмешиваются в мирские дела, поэтому ку-

льт не подвергается особым запретам, но и большого распространения не имеет. В Бельверусе есть официальный действующий храм, посвященный божеству. (Р. Джордан «Тень Властелина»). Эреб — бог мрака в древнегреческой мифологии.

ЭРЕШКИГАЛЬ, в агадейском пантеоне — богиня загробного мира, супруга бога Нергала. Агадейцы считают, что сам бог мертвых погружен в беспробудный сон, а Царством Мертвых правят Эрешкигаль и Инанна, ее сестра, которые и наложили сонные чары на грозного Нергала. (Г. Эйлат «Бич Нергала»). Шумеро-аккадская богиня подземного царства, жена Нергала, сестра-соперница богини любви Инанны.

ЭРЛИК, огненный бог, культ которого имеет огромное влияние в Туране, а также популярен среди многих кочевых народов Гиркании. Культ Эрлика зародился в Патении, заснеженной области на севере Гиркании и широкое распространение получил благодаря гирканскому пророку Тариму. Суровый бог имеет две ипостаси: Желтый Эрлик и Черный Эрлик, последняя, по-видимому, почитается как властитель Черного Престола загробного мира. Жрецы Эрлика утверждают, что человеческая душа при жизни должна закалиться через лишения и испытания. (А. Картер, А. Спрэг де Камп «Огненный Нож»). В мифах монгольских народов — владыка загробного царства, во многом соответствующий индуистскому Яме. По буддийской легенде, Эрлик был монахом, достигшим высшей степени святости, но казненный по ложному обвинению. В произведениях «хайборийского цикла» Эрлик имеет также некоторые черты Аллаха (ср. создание джиннов из бездымного пламени).

ЭТАН, бог, олицетворяющий мужское начало в мифологии племени женщин-воительниц, живущих на северо-западе Гиркании. По-видимому, культ Этана процветал

среди забытого народа, от которого ведут свой род амазонки. (К. Уэйнрайт «Империя Крови»).

ЭХИДНА, мать чудовищ Нижней Сферы в хайборийских представлениях о загробном мире. Некоторые из ее порождений находятся в услужении у Перевозчика Душ. (А. Олдмен «Древо Миров»). В греческой мифологии полуудва-полузмея, родоначальница чудовищ.

ЮН, божество, широко почитаемое в Кхитае. О его функциях мало что известно, возможно, Юн является божеством плодородия и земледелия. («*Gods and demons of the Hyborian Age: Yun*», Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Огненный Нож»).

ЯДЖУР, косальское божество, покровитель области Йота-Понг. Яджуру приносятся человеческие жертвы, для этой цели в храмах воспитываются особые служители — Душителы Яджура. Встречающиеся варианты имени: Яджар. (Р. Говард «Ночные Тени Замбулы»). От названия Яджурведы, одной из индийских вед, где описываются различные обряды и ритуальные жертвоприношения.

ЯКИН-Я, мифический правитель древних шемитов, которому приписывается божественное происхождение. Король Пелиштии, вошедший в историю как Акхиром Безумный, объявил себя живым богом и прямым потомком Якин-Я. (Р. Говард «Ястребы над Шемом»). Похожая форма имени встречается у Лавкрафта: Кром-Я — древний вождь киммерийцев, чей разум был заменен сознанием представителя Великой Расы, позже стал почитаться как бог Кром.

ЯМА, Владыка Демонов, бог смерти, владыка загробного царства в вендийской мифологии. Яму изображают шестируким гигантом с уродливыми демоническими чертами лица. Центр культа Ямы находится в долине Меру, где поклонение этому богу является государственной религи-

ей. Теократ Меру почитается сыном Ямы, меруанцы считают его власть священной, посягательство на нее считается недопустимым, способным прогневить божественного отца правителя. (Р. Говард «Город Черепов»). В древнеиндийской мифологии — владыка царства мертвых, первое умершее существо.

Приложение

БОЖЕСТВА КУСАНА, (Р. Говард «Страж Монолита»), упоминаются идолы Золотой Ящерицы и Белого Павиана, которым поклоняются враждующие политические группировки. В другом варианте перевода это названия самих партий.

ВАРА, (Р. Джордан «Тень Властелина»), Ордо клянется «гнилыми костями Вары».

ЙЕНАГРА, (Б. Ниберг «Мститель»), туранский офицер клянется «алебастровыми бедрами Йенагры», в другом варианте перевода здесь же фигурирует имя Эрлика.

МАМАДЖАМБО, (Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Тени Каменного Черепа»), предположительно божество амазонок (королева клянется его (ее) дубиной). «Mumbo-Jumbo» — слово, позаимствованное из одного из сенегальских диалектов, означало духа-хранителя. В европейских языках означает полную бессмыслицу.

САТУРН, (Д. Уолмер «Чаша Бессмертия»), вообще-то римское божество, но здесь, похоже, имелось в виду небесное светило, соответствующее свинцу в алхимическом искусстве.

СЕМИРАМИС, (Р. Грин «У Ворот Зла»), имя, упоминаемое в ряду нескольких божеств. Мифологизированный об-

раз вавилонской царицы Шаммурамат (Семирамиды), дочь богини Деркетто в греческой мифологии.

СТАЛЕМАТ, (Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Под Знаменем Черных Драконов»), имя, употребляемое в клятве.

ХАТИМАН, (Р. Джордан «Тень Властелина»), скорее всего опечатка и имелся в виду Хануман. Хатиман — японское божество, употребление его имени вряд ли уместно.

ШУШТУ, (Дж. Мэддокс Робертс «Сокровища Пифона»), в произведении фигурирует гора, именуемая Рогами Шушту. Неясно, является ли Шушту каким-то местным божеством.

ХАМА, (Р. Джордан «Тень Властелина»), Ариана несколько раз упоминает некую мать Хаму. Неясно, имеется в виду какая-то богиня или же прародительница людского рода (вроде библейской Евы или мусульманской Хаввы).

Издательство «Северо-Запад Пресс» благодарит
читателей форума <http://barbarian.agava.ru>,
а также Андрея Мартыанова (Спб.),
Марину Кижину (Спб.),
Кирилла Старикова (Спб.),
Игоря Бабицкого (Рига)
за предоставленные материалы
для составления словаря богов Хайбории.

Олаф Локнит

Морок чаши. Повесть 6

Ингрид Самбарус

Дворец Тысячи Комнат. Повесть 70

Айрин М. Дэн

Персиковое дерево. Повесть 178

Боги Хайборийского мира

А	320
Б	326
В	331
Г	334
Д	336
Ж, З	344
И, Й	346
К	352
Л	357
М	360
Н	364
О	369
П	370
Р	372
С	374
Т	377
У, Ф	381
Х, Ц	382
Ч, Ш	386
Э, Ю, Я	388
Приложение	391

Литературно-художественное издание

Локнит Олаф
Самбарус Ингрид
Дэн Айрин М.

КОНАН И МОРОК ЧАЩИ

Повести

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*

Составитель *Андрей Мартынов*

Серийное оформление: *Дмитрий Вязельский*

Верстка: *Ирина Федорова*

Технический редактор *Валентин Успенский*

Корректор *Светлана Митина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.003857.05.06 от 05.05.2006 г.

ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 27/32

Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astrub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
190121, г. Санкт-Петербург,
Наб. кан. Грибосадова, 148-150, пом. 5Н, лит. А
conan@sp.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ОАО «Издательство «Самарский Дом печати».
443089, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

КОНАН

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ !

КОНАН
КОУБ

197022, Санкт-Петербург
а/я 125

Электронная почта:
sz-press@peterlink.ru

издательство
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

представляет в

«ЗОЛОТОЙ СЕРИИ
ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

**ВЪЛШЕБНАЯ
ЯПОНИЯ**

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ

«АСТ»

По вопросам покупки книг
обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, 21, 7-й этаж.

Тел. (495) 615-4338; (495) 615-0101; (495) 615-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **БУКВА**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 176, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», ХЛ ТЦ Мытищи, Мытищи, ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «ХЛ», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего
представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95
- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «ТК», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радищева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий», т. (812) 333-32-64
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Книги издательской группы АСТ вы можете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И САГА ТУМАНА 64	КОНАН И ЛМК ЗВЕРЯ 65	КОНАН И ОБИТЕЛИ ДРАКОНОВ 66	КОНАН И НАСЛЕДИЕ МЕРТВЫХ 67	КОНАН И ЗАКАТ АРТОСА 68	КОНАН И АЛАЯ ПЕЧАТЬ 69	КОНАН И ТАНЕЦ ПУСТОТЫ 70	КОНАН И НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ МРАКА 71	КОНАН И ГОЛОС КРОВИ 72
КОНАН И ТЕНЬ БЕТРА 73	КОНАН И ПРИШЕ ЗНАГАРЫ 74	КОНАН И ЖЕМУЖИНА ПУСТЫНИ 75	КОНАН И ДУХИ ГОР 76	КОНАН И СОВЕРШЕНСТВО ТАРАНТИИ 77	КОНАН И НЕФРИТОВАЯ КУБОК 78	КОНАН И УБИЙЦЫ ЧУДОВИЩ 79	КОНАН И СТРАНИЦЫ МОРЕЙ 80	КОНАН И ПУТЬ ГЕРОЕВ 81
КОНАН И ВАЛДКА ЛЕСА 82	КОНАН И НАРАДА НАЕМНИКА 83	КОНАН И ЛЕПНОЕ ЗАРЯ 84	КОНАН И ПЛАМЯ ВОЗМЕДИЯ 85	КОНАН И ТРОН ВЕДАМЫ 86	КОНАН И ЧЕСТЬ ИМПЕРИИ 87	КОНАН И МЕСТЬ БЕЛА 88	КОНАН И КАМЕНЬ ЖЕЛАНИЯ 89	КОНАН И ВОЛЧЬЯ БАШНЯ 90
КОНАН И КЛЯТВА ВАРВАРА 91	КОНАН И СКОПЕТ МАГА 92	КОНАН И ЗОЛОТАЯ ПАНТЕРА 93	КОНАН И ЛЕГЕНДА ЛЕМУРИИ 94	КОНАН И КРОСТЬ ТЫТАНОВ 95	КОНАН И ТАЙНА ПЕСКОВ 96	КОНАН И РАБ ТАНСМАНА 97	КОНАН И ПОХОД ОБРЕЧЕННЫХ 98	КОНАН И ЧАРЫ КОЛДУНОВ 99
КОНАН И ГЕРОИ ХАНБОРИИ 100	КОНАН И ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ 101	КОНАН И НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ РОКА 102	КОНАН И ПАГОДА СНА 103	КОНАН И РИТУАЛ ЛУНЫ 104	КОНАН И ЛАВЫ СТИЛЗ-81 105	КОНАН И ТЕМНЫЙ СЛОТНИК 106	КОНАН И КЛЫКИ АСУРЫ 107	КОНАН И СУД БОГИНИ 108
КОНАН И ШИТ ВЕНДИИ 109	КОНАН И ЛАВКИ АХЕРОНА 110	КОНАН И НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ ОСТРОВ 111	КОНАН И ДЕМОНЫ СТЕПЕЙ 112	КОНАН И ЧАРЫ ЮЛА 113	КОНАН И УЗНИКИ КАМНЯ 114	КОНАН И КРАСНОЕ БРАТСТВО 115	КОНАН И ГЛАЗ ПАУКА 116	КОНАН И ЦЕПЬ ОБОЖАЮЩИХ 117
КОНАН И ФОНТАН ЖИЗНИ 118	КОНАН И РЕКА ЗАБВЕНИЯ 119	КОНАН И ДОЛГОВАЯ ДИКАРЕЙ 120	КОНАН И ЗЕМЛЯ ПРИБРАЖИЯ 121	КОНАН И ОМЛУА СМЕРТИ 122	КОНАН И СЛЕПОЙ ЖРЕЦ 123	КОНАН И НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ ЮЛАРИПУРА 124	КОНАН И МОРОК ТАЩИ 125	

ISBN 5-17-038082-8

9 785170 380824